

Столяров Владислав

**Социальные проблемы
современного спорта
и олимпийского...**

Владислав Столяров

**Социальные проблемы
современного спорта и
олимпийского движения
(гуманистический и
диалектический анализ)**

«Автор»

2015

УДК 706/799
ББК 75.1

Столяров В. И.

Социальные проблемы современного спорта и олимпийского движения (гуманистический и диалектический анализ) / В. И. Столяров — «Автор», 2015

ISBN 978-9967-31-033-9

Данная монография посвящена анализу с позиций гуманизма и на основе диалектической методологии актуальных социальных проблем современного спорта и олимпийского движения, которое превратилось в самое массовое, глобальное, неполитическое социальное движение. В центре внимания автора монографии концепция современного олимпизма, которую сформулировал Кубертен, современные интерпретации этой концепции, успехи и пробелы в ее реализации. С позиций гуманизма дается оценка тех революционных изменений в олимпийском движении, которые произошли в этом движении в последние десятилетия и связаны с процессами коммерциализации и профессионализации олимпийского спорта. Детально обсуждается также роль спорта в процессе социализации личности и в системе социальных отношений. Опираясь на результаты своей многолетней (с 1972 г.) разработки социальных проблем спорта и олимпийского движения, автор стремится изложить и обосновать свое решение этих проблем. Вместе с тем сделана попытка дать по возможности полное представление о различных подходах к их решению. Этим стремлением автора объясняются многочисленные ссылки в тексте на публикации отечественных и зарубежных авторов по обсуждаемым социальным проблемам современного спорта и олимпийского движения, а также обширная библиография соответствующих публикаций. Монография носит междисциплинарный характер и адресована как научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, так и

широкому кругу читателей – всем, кто пытается понять смысл и значение современного олимпийского движения.

УДК 706/799

ББК 75.1

ISBN 978-9967-31-033-9

© Столяров В. И., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Предисловие	8
I. Понятийный анализ спорта	16
1. Проблема определения сущности и специфики спорта	17
Различные интерпретации спорта	17
Трудности решения проблемы и пути их преодоления	18
2. Соперничество	20
Место соперничества в жизни людей	20
Понятие соперничества	21
Многообразие видов соперничества	30
3. Спортивное соревнование	35
Разногласия в понимании спортивного соревнования	35
Авторская концепция спортивного соревнования	41
4. Понятие и многообразие спорта	47
Понятие спорта	47
Многообразие спорта	47
Особенности современного спорта	49
II. Основные идеи и идеалы гуманизма	57
5. Терминологическая и содержательная характеристика гуманизма	58
Различные значения термина «гуманизм»	58
Основные идеи гуманизма	59
6. Идеалы гуманизма	61
Гуманистический идеал личности	61
Гуманистический идеал социальных отношений	63
7. Гуманизм и современность	65
Трудности реализации идей и идеалов гуманизма в современном обществе	65
Современное значение гуманизма	66
Поиски нового содержания гуманизма	68
III. Концепция современного олимпизма	74
8. Кубертеновская концепция современного олимпизма	76
Реформа системы воспитания как центральный элемент концепции	77
Идеал личности в олимпийской концепции Кубертена	78
Кубертен о значении спорта для новой системы воспитания	81
Идея возрождения Олимпийских игр в концепции Кубертена	83
Необходимость педагогической ориентации МОК	86
Олимпийские конгрессы	86
Олимпийские идеалы и культурные образцы в концепции Кубертена	87
Необходимость спортивного воспитания	92
Идея «религии спорта», religio athleticae	92
Интеграция спорта и искусства	94

9. Интерпретации идей и идеалов современного олимпизма после Кубертена	99
Ориентация на идеи и идеалы Кубертена	99
Коррекция и дополнение идей Кубертена	105
Непонимание и критика концепции Кубертена	113
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Владислав Иванович Столяров
Социальные проблемы
современного спорта и олимпийского
движения (гуманистический
и диалектический анализ)

© Столяров В.И., 2015

Предисловие

В данной монографии ставится задача проанализировать социальные проблемы современного спорта и олимпийского движения. При этом речь идет об анализе этих проблем с позиций гуманизма (в рамках гуманистической теории спорта)

Ряд причин определяют такие цели и задачи монографии.

Общепризнанно, что бросающимся в глаза явлением социального развития XX и XXI столетий является неудержимое проникновение спорта во все сферы человеческой жизни, на которые он оказывает сильное влияние. Все чаще пишут и говорят о «глубоком, важном, постоянном, повсеместно проникающем, все заполняющем и все остальное подавляющем» интересе людей к спорту [Buytendijk, 1953]. Такое внимание к спорту связано с тем, что он затрагивает и во многом содействует формированию, развитию и реализации широкого круга социальных ценностей. За сравнительно короткий исторический промежуток времени спорт превратился во «всеобъемлющее социальное явление» [Посьелло, 2006]. В настоящее время он выступает как социальная система, социальный институт и социальное движение, которые оказывают мощное воздействие практически на все слои и сферы современного общества, современной культуры, включает в свою орбиту образование, политику, экономику, технику, науку, искусство, средства массовой информации, сферу досуга и т. д.

Все более важной становится роль спортивной деятельности в социализации и воспитании подрастающего поколения, формировании образа и стиля жизни. Спорт вторгается в моду, порождая особый, подчеркнуто спортивный стиль одежды, влияет на способы проведения досуга, определяет поведение, интересы, духовные потребности, формирует образ жизни целых социальных и демографических групп населения.

- «Спорт пронизывает почти все уровни современного общества, он либо отражает, либо сильно влияет на такие несопоставимые элементы, как статус, расовые взаимоотношения, трудовая деятельность, дизайн в области автомобилестроения, стили в одежде, трактовка понятия о герое, язык и этические ценности» [Boyle, 1963: 3–4].

- Спорт «затрагивает и такие, казалось бы, несопоставимые явления, как общественное положение, расовые и национальные отношения, деловую жизнь, модели автомобилей, моду, концепцию героизма и этические ценности» [Томпсон, 1979: 153].

Спортивная терминология не только проникает в быденную речь, но и активно используется в политическом лексиконе. Например, в США президент именуется «квоторбеком» (ключевой игрок в «американском футболе»), придерживавшимся со своей «командой» намеченного «игрового плана», чтобы «достичь линии ворот», т. е. целей политического курса [Гринфельд, 1986: 1]. Политики активно демонстрируют свою любовь к спорту. В той же Америке демонстрация любви к спорту, как утверждает канадский социолог Б. Петри, «стала неотъемлемой частью американской политической жизни»: «имидж» каждого политического деятеля осязательно включает роль спортсмена либо болельщика [Petrie, 1975: 194]. Мода на такую демонстрацию любви к спорту распространилась и на другие страны, в том числе на Россию.

Современное олимпийское движение превратилось в самое массовое, глобальное, неполитическое социальное движение. Так, в 2004 году в летних Олимпийских играх в Афинах участвовали 10 тысяч лучших спортсменов мира – представители 202 Национальных олимпийских комитетов. В последние годы рамки олимпийского движения расширились за счет включения в его структуру паралимпийского и специального олимпийского движения. И еще несколько цифр, показывающих масштабы развития спорта и олимпийского движения: «В течение сезона за гонками «Формулы-1» наблюдают по телевизору в среднем 57 млрд. любителей спорта в 206 странах; за финальным турниром чемпионата мира FIFA по

футболу – 38 млрд., а Игры Олимпиад, которые транслируются в 220 стран, смотрят 36 млрд. зрителей» [Кыласов, 2010а: 21].

Такое интенсивное развитие спорта и олимпийского движения требует осмысления с позиций *гуманизма*. В современном обществе происходят глубокие, фундаментальные изменения. Они связаны со стремлением не только провозгласить, декларировать, но и *практически реализовать* идеи гуманизма. Идея гуманизации, «очеловечивания» системы общественных отношений, разных сфер деятельности людей лежит в основе большинства тех социальных программ обновления, которые разрабатываются и реализуются в настоящее время [Казначеев, 1997; Моисеев, 1994, 1998; Раймерс, 1992; Рерих, 1990; Субетто, 1999 и др.].

Стремление воплотить в жизнь идеи гуманизма на современном этапе общественного развития переводит в практический план концепцию *«человеческого измерения»* процессов, явлений, событий, сфер социальной жизни. Речь идет об оценке их с точки зрения заключенных в них возможностей реализации общечеловеческих гуманистических идеалов и ценностей, преодоления барьеров и отчуждения между различными социальными системами, националистических и шовинистических предрассудков, а также о том, какую роль эти явления и события реально играют в современных условиях и каковы пути их «гуманизации», повышения гуманистического значения. В этой ситуации все более или менее значимые социальные институты подвергаются оценке с точки зрения *их гуманистической значимости*: в какой мере они адекватны ценностям гуманизма, содействуют реализации этих ценностей.

Современный спорт и олимпийское движение, учитывая их все более важную роль в современном обществе, безусловно, также должны быть оценены позиций гуманизма.

Решение данной задачи предполагает ответ на широкий круг вопросов:

◆ Способен ли спорт воспринимать и воплощать в жизнь гуманистические идеалы, имеющие общечивилизационную, универсальную и непреходящую значимость?

◆ Какова гуманистическая ценность современного спорта?

◆ Содействует ли процесс его необычайно широкого развития, вовлечения в свою сферу миллионов людей нашей планеты формированию и развитию свободной, активной, творческой, разносторонней и гармоничной личности, гуманных человеческих отношений?

◆ Какое воздействие спорт оказывает на духовную (нравственную, эстетическую, интеллектуальную) культуру человека?

◆ Какова гуманистическая ценность различных видов, форм, моделей современного спорта, например спорта высших достижений?

◆ Как можно оценить гуманистическую значимость современного спорта, если его сопоставить в этом плане с другими элементами современной культуры, например с искусством?

◆ Удалось ли современному олимпийскому движению добиться практической реализации тех гуманистических идеалов и ценностей, связанных со спортом, которые были провозглашены основателем этого движения Пьером де Кубертенем?

◆ Каково отношение подрастающего поколения к гуманистическим идеалам олимпизма?

◆ Существует ли возможность гуманизации современного спорта, повышения его духовно-нравственной ценности, укрепления связи с искусством и другими сферами культуры?

◆ Каковы пути, средства и методы решения данной проблемы и т. д.

Процесс все усиливающейся девальвации нравственных и других духовных ценностей в сфере современного спорта, особенно спорта высших достижений (все более часто встречающиеся случаи грубости и даже жестокости спортсменов, нарушения ими норм нрав-

ственности, потребительского отношения к спорту и т. д.) придает особую актуальность этим проблемам.

Ряд острых вопросов относительно гуманистической ценности современного спорта и олимпийского движения поднимают новые социальные концепции устойчивого развития и культуры мира.

С концепцией *устойчивого развития* связан, например, вопрос о том, как сочетать голод, болезни и отсутствие элементарного образования в странах третьего мира и роскошные конькобежные центры, корты для гольфа или дороги для мотоспорта. Или в более общем плане:

- являются ли первостепенными потребности, удовлетворяемые через спорт;
- может быть, их можно отодвинуть на задний план по сравнению с другими, более важными потребностями;
- относятся ли спортивные достижения к числу наиболее важных характеристик качества жизни населения;
- какое (позитивное или негативное) влияние спорт (в первую очередь спортивные сооружения и проводимые на них спортивные соревнования) оказывает на окружающую среду и др.

Не менее важные проблемы относительно спорта и олимпийского движения поднимает концепция *культуры мира*:

- ◆ содействует ли и в какой мере процесс интернационализации спорта реализации таких фундаментальных гуманистических ценностей, связанных с культурой мира, как мир, дружба, взаимопонимание, взаимное уважение, толерантность, ненасилие и др.;
- ◆ способен ли спорт воспринимать эти культурные ценности, содействовать их формированию и развитию;
- ◆ в какой мере, насколько эффективно он действительно выполнял и выполняет ли эту функцию;
- ◆ не оказывает ли соперничество, принимающее особенно острые формы в международном и олимпийском спорте, негативное влияние на те цели и задачи, которые призвана решать культура мира и др. [Столяров, 2011з].

Важно учитывать также, что социальная политика международного спортивного и олимпийского движения оказывает существенное, все более усиливающееся и не всегда позитивное воздействие на *отечественный спорт* – характер этого спорта, систему его идеалов и ценностей и т. д. [Аршуруни, 2001; Васин, 1999; Виноградов, 1998, 1999; Гуськов, 1999; Егоров, 1996а; Исаев, 2002; Ратнер, 2000; Родиченко, 2004; Сараф, 1998а; Холщевникова, 1997, 2000 и др.]. Поэтому для нашей страны вопросы о том, какую социальную направленность должно иметь и имеет олимпийское движение, какие социальные функции оно, равно как и международный спорт в целом, должно выполнять и выполняет, имеют важное не только теоретическое, но и практическое значение.

Ряд сложных и актуальных проблем современного олимпийского движения связан с концепцией олимпизма, которая была разработана Кубертенем много лет тому назад и предусматривала гуманистическую ориентацию данного движения. Но прошло более 100 лет с момента рождения современных Олимпийских игр. Поэтому, как пишут авторы книги «Основы олимпизма», возникают вопросы: «Как сегодня мы должны относиться к концепции Олимпизма Пьера де Кубертена? Является ли Олимпийская семья по-прежнему социальным и гуманитарным движением? Продолжает ли движение быть проводником социального прогресса и остаются ли культура и образование, столь высоко ценимые Кубертенем, все еще значимыми чертами олимпийской программы XXI века? Поддерживают ли НОК и страны, принимающие Олимпийские игры, образовательную реформу – и если да, то руководствуются ли они при этом кубертеневской концепцией Олимпизма? Не вытеснены ли

идеалы Кубертена растущей всемирной спортивной индустрией и замещением олимпийских педагогов олимпийскими консультантами? Не превратились ли эти идеалы в приманку для больших денег?» [Миа, Гарсиа, 2013: 165].

Таковы основные факторы, определяющие необходимость осмысления актуальных социальных современного спорта и олимпийского движения с позиций гуманизма.

В более широком плане требуется *гуманистическая теория спорта*, в которой на основе диалектической методологии дается анализ всего комплекса проблем гуманистической оценки спорта. Такая теория в течение многих лет разрабатывается автором данной книги [Столяров, 1980б, 1981, 1982б, 1984а, 1988а, б, д, и, 1989а, б, в, 1990б, в, г, 1996а, 1997б, г, 1998а, в, ж, 1999а, 2000а, б, в, 2001а, г, д, 2002а, 2003а, 2004а, г, 2005а, б, д, 2006а, в, 2007а, ж, 2008а, б, 2009а, б, в, д, 2010б, е, ж, з, л, 2011б, в, е, з, и, 2012б, в, г, 2013а, б, в, г, ж, з, и, м, 2014а, б, в; Stolyarov, 1977, 1978а, б, с, 1980а, d, 1983а, б, 1984а, б, с, 1985а, б, с, 1988, 1990а, б, 1991а, б, 1993, 1997б, с, 1998, 2002, 2004, 2005, 2006, 2009, 2013 и др.]. Отдельным аспектам гуманистической теории спорта посвящены диссертации и публикации его учеников.

Главная особенность данной теории – гуманистическая *парадигма*, ориентирующая на такой подход к изучению спорта, при котором он рассматривается как *сфера и средство реализации гуманистических идеалов и ценностей*, касающихся личности и социальных отношений.

Следовательно, на переднем плане здесь находится не спорт, а *интересы, потребности, личность человека и человеческие отношения; спорт рассматривается лишь как средство, призванное содействовать формированию и развитию свободной, активной, творческой, гармонично и разносторонне развитой личности, гуманных человеческих отношений/*

Такая парадигма гуманистической теории спорта прямо противоположна той ориентации, которая преобладает в научном исследовании спорта. Усилиями специалистов различных научных дисциплин – естественнонаучных, педагогических, психологических и др. – разработана и применяется на практике теория спорта, «стержневым разделом» которой является «*концепция об основном содержании и формах оптимального построения подготовки спортсмена к высоким достижениям в спорте, наиболее существенных закономерностях, путях и условиях спортивного совершенствования*» [Матвеев, 1997: 49]. Значит, эта теория ориентирована на то, чтобы дать научное обоснование путям отбора людей, которые наиболее пригодны для успешного выступления в том или ином виде спорта, средств и методов их спортивной подготовки, такой модификации их телесности, физического состояния и психики, которая обеспечивает успешное выступление, достижение предельно высоких результатов в этом виде спорта.

При такой ориентации теории спорта на первом плане находится научное обоснование форм и методов модификации телесности, физического состояния и психики человека с целью обеспечить наиболее эффективное решение спортивных задач или каких-то других, связанных со спортом задач – политических, экономических и т. п. Из этого следует, что в основе данной теории лежит *технократическая парадигма*, поскольку человек (*причем не только его тело, но и его психика, все существо человека*) *выступает не как цель, а как определенное средство решения указанных задач.*

Цель гуманистической теории спорта состоит в том, чтобы дать научное обоснование путей, форм и методов реализации в спорте и посредством спорта гуманистических ценностей. Для этого необходимо решить как минимум следующие основные задачи:

определить гуманистический *потенциал* спорта, его различных видов, моделей, исторических форм, присущие им *возможности* влияния на личность и социальные отношения людей, использования в тех или иных социально значимых целях и т. д.;

изучить *реальную гуманистическую ценность* спорта, его различных видов, моделей, исторических форм (содействуют ли они и в какой мере формированию и развитию свободной, активной, творческой, гармоничной и разносторонней личности, гуманных человеческих отношений и т. д.);

выявить *факторы*, содействующие негативным явлениям спорта и препятствующие реализации его гуманистического потенциала;

выяснить возможность и наметить конкретные пути *повышения* гуманистической ценности спорта (каким образом придать спорту такое содержание, такую ориентацию, чтобы повысить его гуманистическое значение).

Эти вопросы правомерно ставить и обсуждать применительно не только к спорту вообще, но и к спорту на различных этапах общественного развития. В отношении *современного* спорта они рассматриваются и решаются в рамках разработанной автором *теории гуманизации современного спорта*. Данная теория ставит своей целью обосновать *необходимость* и определить основные *формы и методы* гуманизации современного спорта [Столяров, 1998ж, 2001 г, д, 2002а, б, 2004а, г, 2005в; Stolyarov, 2002, 2004, 2005, 2006 и др.].

Важное значение в гуманистической теории спорта придается анализу комплекса проблем оценки с позиций гуманизма социокультурного значения различных *разновидностей* и *видов* спорта. Применительно к разновидностям спорта особенно важное значение имеет гуманистический анализ *детского* спорта. В связи с наблюдаемым в настоящее время интенсивным вовлечением детей в спортивную деятельность (в том числе в спорт высших достижений) серьезного внимания заслуживают не только проблемы отбора и оптимальной подготовки их для успешного выступления в определенном виде спорта, но также (и даже в первую очередь) проблемы воздействия спорта на личность и социальные отношения детей, на процесс их воспитания и социализации, тех факторов, которые определяют характер и степень этого воздействия, форм и методов, обеспечивающих оптимальный позитивный эффект такого воздействия. Именно эти проблемы должны быть приоритетными, во-первых, потому, что речь идет о детях, о подрастающем поколении, а от того, каким оно будет, зависит будущее всего общества. Во-вторых, все те негативные явления, которые в той или иной степени могут быть и реально присущи спорту, способны нанести особенно существенный вред именно детям [Даугс, Эмрих, Игель, 1998; Столяров, 2006а, 2007б, ж, 2011и; Baumann, Haimerl, 1995; Bona, 2001; Court, 1988; Grupe, 1984; Kaminski, Mayer, Ruoff, 1984; Kinder... 1998; Lee, Cockman, 1995; Magill et al., 1982; Meinberg, 1984; Puhse, Zahn, 1995; Sports... 1990 и др.].

Из видов спорта наибольший интерес имеет гуманистическая оценка наиболее популярного вида спорта – футбола:

- ◆ Что представляет собой футбол как социокультурный феномен?
- ◆ Способен ли он воспринимать и воплощать в жизнь гуманистические идеалы, имеющие общецивилизационную, универсальную и непреходящую значимость?
- ◆ Какова его значимость в этом плане на различных этапах общественного развития?
- ◆ Какова гуманистическая ценность современной разновидности футбола? Содействует ли процесс его необычайно широкого развития, вовлечения в свою сферу миллионов людей формированию и развитию свободной, активной, творческой, гармоничной личности, гуманных человеческих отношений?
- ◆ Какое воздействие активные занятия футболом, а также наблюдения за футбольными матчами оказывают на духовную (нравственную, эстетическую, интеллектуальную) культуру человека?
- ◆ Какова гуманистическая ценность футбола в рамках спорта высших достижений и «спорта для всех»?

♦ Как можно оценить гуманистическую культурную значимость футбола, если его сопоставить в этом плане с другими элементами современной культуры, например с искусством?

♦ Каково отношение футболистов, тренеров, зрителей к духовно-нравственным и эстетическим ценностям?

♦ Каковы причины все более ярко проявляющейся в современном футболе (особенно в рамках спорта высших достижений) девальвации духовно-нравственных ценностей?

♦ Существует ли возможность гуманизации, повышения духовно-нравственной ценности футбола, укрепления его связи с другими сферами культуры?

♦ Каковы пути, средства и методы решения данной проблемы и т. д. [Самусенков, Столяров, 2000: 5].

Указанные проблемы, составляющие предмет гуманистической теории спорта, разработаны значительно слабее проблем теории спортивного отбора и спортивной подготовки. Во многом это объясняется тем, что иногда эти гуманистические проблемы не включаются в число *главных, основных* проблем теории спорта, а иногда и вообще *исключаются* из сферы ее рассмотрения.

Напомню в связи с этим еще раз, например, ту характеристику теории спорта, которую дает известный специалист в области этой теории Л.П. Матвеев: *«Теория спорта есть обобщающая отрасль научного знания, призванная отображать сущность спорта, общие закономерности его функционирования и дальнейшего развития в обществе; при этом ее стержневым разделом является концепция об основном содержании и формах оптимального построения подготовки спортсмена к высоким достижениям в спорте, наиболее существенных закономерностях, путях и условиях спортивного совершенствования»* [Матвеев, 1997: 49]. Ни в этой краткой характеристике проблем теории спорта, ни в развернутом изложении ее проблем [Матвеев, 1997: 51–59] нет даже упоминания отмеченной выше гуманистической проблематики.

Некоторые аспекты этой проблематики ставятся и обсуждаются в таких науках, как спортивная педагогика, социология и психология спорта. Я имею в виду, например, такие вопросы: интересы, потребности, ценностные ориентации спортсменов; влияние спортивных соревнований и подготовки к ним в различных видах спорта на личность спортсмена; социализация, самосознание и самоутверждение личности в спорте; отчуждение спортсмена и манипуляция его личностью; основные направления, формы и методы воспитания спортсменов, «спортивного» воспитания и т. д.

Отдельные аспекты анализа спорта с позиций гуманизма обсуждаются на различных, в том числе международных, конгрессах, конференциях, симпозиумах.

К их числу относятся например, семинар «Гуманистические ценности спорта» в Варшаве [Humanistyczne wartosci... 1978], международный семинар «Спорт и гуманизм» в Готенба (Япония) [Sport and Humanism, 1988], международный конгресс «Спорт и международное взаимопонимание» в Хельсинки [Sport and International Understanding, 1984], международная конференция «Спорт, культура, общество. Международные, исторические и социологические перспективы» в Глазго [Sport, Culture, Society. International... 1986], международная конференция «Воспитание и спорт в целях культуры мира» в Париже [World Conference... 1999] и др.

Данная проблематика анализируется в коллективных трудах ученых: «Спорт и международные отношения» [Sport and International Relations, 1978], «Культурные ценности спорта» [Kulturowe wartosci... 1981], «Мир и взаимопонимание посредством спорта» [Peace... 1989]; «За гуманизм спорта» [For a humanism... 1994], «Спорт. Олимпизм. Гуманизм» [Спорт. Олимпизм. Гуманизм, 1994, 1998], «Гуманитарные основы кинантропологических исследований» [Humanitni základy... 2001] и др.

Значительное внимание исследователи уделяют проблемам социального смысла и значения *детского спорта* [Даугс, Эмрих, Игель, 1998; Baumann, Haimeri, 1995; Bona, 2001; Brettschneider, Brautigam, 1990; Court, 1988; Grupe, 1988b; Kaminski, Mayer, Ruoff, 1984; Lee, Cockman, 1995; Lee, Cook, 1990; Magill et al., 1982; Meinberg, 1984; Performance Sport... 1973; Puhse, Zahn, 1995; Sports and Physical Education for Children... 1990; Telama, 1985; Watson, Collis, 1982 и др.].

Обсуждению этих проблем посвящен ряд международных семинаров и симпозиумов [например, De-Knop, Engstrøm, Skirstad, Weiss M.R., 1996; Groll, Strohmeyer, 1970; Howald, Hahn E., 1982; Kinder... 1998], специальные выпуски журнала «Review» СИЕПС [Review... 1985] и журнала «International Review for the Sociology of Sport» Международного комитета социологии спорта [Youth Sport... 1997], том материалов Олимпийского научного конгресса [Weiss M.R., Gould, 1984], а также сравнительные международные социологические исследования [например, Krotee, Blair, Naul, Neuhaus, Hardman, Komuku, Matsumura, Numminen, Jwo, 1994].

Целостное представление о состоянии разработки проблем анализа спорта с позиций гуманизма дают сборники тематических серий «Духовность. Спорт. Культура», «Спорт, духовные ценности, культура», «Гуманистическая теория и практика спорта», «Гуманистика соревнования: теория и практика гуманизации соперничества», «Спорт, спартианское движение, культура мира». Эти сборники, включающие в себя статьи ученых разных стран, подготовлены автором и изданы Гуманитарным центром «СпАрт» ГЦОЛИФК в 1996–2007 гг. [Гуманистика соревнования, 2002, 2003, 2005; Гуманистическая теория... 2000а, б, в; Духовность. Спорт. Культура, 1996а, б, 1997а, б; СпАрт (Духовность. Спорт. Искусство), 1996; Спорт, духовные ценности, культура, 19987, 1998а, б, в, г, д, е, ж, з].

Исследователи отмечают огромную *сложность* анализа социальных проблем спорта и *недостаточную изученность* проблем его социального значения спорта.

Финский социолог П. Сеппянен в своем выступлении на международном конгрессе «Спорт и международное взаимопонимание», касаясь лишь одной из этих проблем – социального значения международного спорта, заметил, что до сих пор «почти отсутствуют серьезные исследования в этой области... на самом деле мы очень мало знаем об эффекте воздействия спорта на взаимопонимание между народами. Мы лишь знаем, что спортивный обмен между нациями является очень широким и все возрастающим феноменом. Мы также знаем, что большая часть этого обмена ограничена большим спортом и сопутствующим ему зрительским спортом, что все увеличивается освещение спорта в средствах массовой информации. В дополнение к этому мы знаем, что спортивные команды имеют особые привилегии в посещении и посещают такие места, которые недоступны обычным туристам. В журналах и газетах время от времени появляются сообщения о межнациональных свадьбах и дружеских связях между отдельными спортсменами. Но наши знания крайне ограничены относительно социальных функций спорта в международных отношениях» [Seppänen, 1984a: 58]. Другой социолог спорта П. Макинтош в докладе на данном конгрессе также отметил, что вопрос о том, каким образом спорт влияет на международные конфликты, до сих пор не решен и необходимы дальнейшие исследования в поисках ответа на данный вопрос [McIntosh, 1984a: 283].

Такая оценка в настоящее время во многом справедлива в отношении проблемы социального значения не только международного спорта, но и спорта в целом, а также олимпийского движения.

Актуальность глубокого осмысления современного спорта и олимпийского движения определяется и тем, что по поводу их социального значения высказывается много некачественных и необоснованных суждений. В частности, как справедливо отмечал Ф. де Вахтер, нередко «со спортом связывают слишком много нереалистических надежд; в резуль-

тате неизбежное разочарование становится все более сильным, а критика спорта – все более простым делом» [Wachter, 1983: 255].

В данной монографии автор, опираясь на результаты своей многолетней (с 1972 г.) разработки гуманистической теории спорта, анализирует комплекс актуальных социальных проблем современного спорта и олимпийского движения. Вместе с тем ставится задача дать по возможности полное представление о различных подходах к их решению. Этим стремлением автора объясняются многочисленные ссылки в тексте на публикации отечественных и зарубежных авторов по обсуждаемым социальным проблемам современного спорта и олимпийского движения.

Как показывает аналитический обзор публикаций, многие их авторы обращают внимание на множество нерешенных *теоретико-методологических проблем*, связанных с понятийным аппаратом, оценкой и объяснением этих социальных проблем.

Вследствие этого не удастся собрать необходимые доказательства, чтобы продемонстрировать и адекватно оценить его социальную значимость («пользу») [Bailey, 2005; Bloyce, Smith, 2010; Collins, Henry, Houlihan, Buller, 1999; Donnelly, Darnell, Wells, Coakley, 2007; Long, Sanderson, 2001; Tacon, 2007]. Применительно к данной проблеме указывается на «отсутствие понимания процессов и механизмов, которые либо оказывают, либо должны оказывать определенное воздействие или приводить к определенным результатам» [Coalter, 2007: 2]. Подчеркивается необходимость инновационных методов ее решения [Kay, 2009].

Поэтому в монографии особое внимание обращается на *методологию, методологические принципы* анализа социальных проблем спорта и олимпийского движения, подчеркивается необходимость решения этих проблем с позиций *диалектического метода*.

Такой подход основан на том, что, как обосновано в ряде публикаций, эффективное решение любых социальных проблем невозможно без учета положений и принципов этого метода [Зиновьев, 1962, 2000, 2002а, б, 2006; Столяров, 1973, 1975, 1976, 1983, 2011и, 2013 м, 2014в; Столяров, Ибрагимов, 2012; Столяров, Ибрагимов, Андреева, 2013; Stolyarov, 1971, 1976, 1980е, 2013 и др.].

I. Понятийный анализ спорта

Цель данной книги – гуманистический анализ актуальных социальных проблем современного спорта и олимпийского движения.

Такой, равно как и любой другой, теоретический анализ может быть эффективным лишь в том случае, если спорт предварительно выделен как *особый, специфичный, дифференцированный от других объект данного анализа*. Как обосновывается в логике и методологии теоретического исследования такое выделение объекта исследования осуществляется на основе введения соответствующих *понятий*. В данном случае имеются в виду понятие «спорт» и комплекс непосредственно связанных с ним других понятий.

Поэтому прежде чем непосредственно приступить к постановке и анализу актуальных социальных проблем современного спорта целесообразно сначала выяснить, что представляет собой спорт, чем он отличается от других социальных явлений.

1. Проблема определения сущности и специфики спорта

Спорт – необычайно сложный и многосторонний социальный феномен. Поэтому существуют различные точки зрения на его природу, специфику: «Каждый по-своему понимает такое явление, как спорт, у каждого есть «свое» понятие о спорте, причем эти представления зачастую могут довольно-таки отличаться друг от друга» [Майнберг, 1995: 204].

Различные интерпретации спорта

По-разному спорт понимается не только в обыденном сознании, но и в научных публикациях. Приведем для иллюстрации несколько характеристик спорта в энциклопедиях и словарях:

♦ «Спорт – универсальная форма рекреации, одно из важнейших средств самоутверждения» [Encyclopedia Britanica, 2000];

♦ спорт – «деятельность в свободное время, целью которой является стремление человека к физическому совершенству, участию в состязаниях и подготовке к ним в соответствии с определенными правилами и установками, дающей возможность в дальнейшем стать спортсменом-профессионалом» [Encyclopedie thematique... 1990];

♦ спорт – «любая деятельность или опыт, который доставляет удовольствие или отдых. Эта активность в некоторой степени требует сильного физического напряжения и подчиняется ряду правил» [Webster's... 1958];

♦ «Спорт – игровое состязание или другое приятное времяпрепровождение, требующее некоторого мастерства и определенной физической тренировки» [The World Book... 2000];

♦ спорт – «всякая физическая деятельность, имеющая характер игры и предполагающая борьбу человека с самим собой, с другими людьми или с силами природы» [Манифест о спорте... 1971: 11].

♦ спорт – «специфическая соревновательная деятельность, где интенсивно используются формы занятий физическими упражнениями с целью обеспечения человеку или коллективу совершенствования морфофункциональных и психических возможностей, концентрированно отраженных в высоком результате» [Определения... 1971];

Близкие друг другу определения спорта даются в Советском энциклопедическом словаре и в «Толковом словаре спортивных терминов»:

• «Спорт – составная часть физической культуры, средство и метод физического воспитания, система организации, подготовки и проведения соревнований по различным комплексам физических упражнений» [Советский энциклопедический словарь, 1980: 1269];

• спорт – «составная часть физической культуры; средство и метод физического воспитания человека; соревновательная деятельность, подготовка к ней, а также специфические отношения, нормы и достижения, связанные с этой деятельностью» [Толковый словарь... 1993: 278].

Понятию «спорт» даются и другие определения [их обзор см. Гуджер, 2005; Доклады... 2007; Евстафьев, 1980, 1985; Материалы Всесоюзного симпозиума... 1974; Столяров, 1984в, 1998и, 2002 г, 2004в, 2007д, е, 2010в, 2011и, 2013б, д, к, л; Столяров, Баринов, 2009а, б, 2011и; Столяров, Баринов, Орешкин 2009, 2012; Столяров, Фирсин, Баринов, 2012; Meier, 1981].

Трудности решения проблемы и пути их преодоления

Трудность решения обсуждаемой проблемы связана уже с тем, что под спортом, как правило, понимается комплекс совершенно различных явлений, в которых казалось бы трудно найти что-то общее. Существуют разнообразные виды и формы спорта: массовый спорт («спорт для всех»), спорт высших достижений, спорт для любителей, спорт для наживы, «народный» спорт, спорт для элиты, школьный спорт, спорт для лиц с ограниченными возможностями (инвалидов), спорт для реабилитации и т. д. В разных регионах и странах спорт имеет свои особенности. Определенные его качества изменяются в ходе исторического развития. Особенно существенные изменения спорт претерпевает в последнее время. Наблюдается все более увеличивающийся процесс его дифференциации. Данная ситуация дает повод для различного отношения к содержанию понятия «спорт».

Некоторые исследователи полагают, что в настоящее время требуется существенное уточнение данного понятия: «Представители спорта и науки о спорте в равной степени единодушны в том, что спорт за прошедшие годы прошел процесс увеличивающейся дифференциации и переживает его до сих пор. Будучи когда-то таким обозримым и прозрачным, в настоящее время мир спорта уступил место почти необозримому многообразию, которое не позволяет говорить о едином понимании термина «спорт». *Общепринятое понимание спорта больше не соответствует разнообразию спортивного ландшафта. Настоятельно необходимым является новое определение, для того чтобы отразить ощутимые проблемы идентификации современного спорта* [Schulz. Allmer, 1988: 126].

Отмечается трудность определения понятия «спорт»: «Спорт не поддается простому определению, так как включает в себя множество самых разнообразных видов деятельности, часто не имеющих ничего общего. . . Спорт – это собирательный термин, и в настоящее время он включает множество несопоставимых между собой форм деятельности» [Arnold, 1978: 45].

Вместе с тем различные интерпретации спорта дают повод некоторым исследователям [см., например: Fielding, 1976: 125; Gallie, 1956: 167] относить понятие «спорт» к числу «принципиально дискуссионных» нормативных понятий, т. е. таких понятий, которые якобы вообще не поддаются уточнению. Однако вряд ли можно согласиться с признанием таких понятий. В моих публикациях изложены инновационные логико-методологические принципы определения понятий:

- а) учет *эффективности* определений;
- б) разграничение их *содержательного* и *терминологического* аспектов;
- в) введение и анализ *системы понятий* с целью по возможности наиболее полно выделить, охарактеризовать и дифференцировать различные явления изучаемой области [Столяров, 1984 г, 1985, 1986а, б, 1997а, г, 1998б, 1999б, 2004б, 2007 г, д, е, 2010в, 2011 г, и, 2013д, л].

Эти принципы, позволяющие уточнять и дискуссионные понятия, используются в данной монографии, в том числе при введении понятия «спорт».

Прежде всего следует отметить, что при всех разногласиях в понимании спорта большинство исследователей (особенно отечественных) к числу наиболее существенных признаков спорта относит *соревнование (соперничество)*.

Вот некоторые примеры такого подхода к пониманию спорта и спортивной деятельности:

- «Спорт немыслим без соревнований и состязаний, которые включены в саму его природу, внутренне присущи ему» [Алексеев, Гостев, Курамшин, Лотоненко, Лубышева, Филимонова, 2013: 71].

• «Соревнование предопределяет специфику спорта как особой сферы деятельности... сфера спорта – специализированная социально-организованная система, которая образовалась вокруг соревнования (соревновательных проявлений)» [Брянкин, 1983: 5, 69].

• «Спорт – это прежде всего соревнование... Спорт – соревновательная деятельность» [Визитей, 1986: 39].

• «В настоящее время формальным признаком, отличающим спорт от других явлений, принято считать наличие соревновательной деятельности...». «Сделать хорошо – значит сделать лучше другого, оказаться первым, показать себя первым. Для доказательства такого превосходства создается специальная сфера, ядром которой является соревнование, организованное соперничество. Эта сфера получила название – спорт» [Красников, 1989: 4; 2003: 36].

• «Характерной особенностью спорта является то, что он не мыслим без соревнований и состязаний. Последние включены в самую его природу, внутренне присущи ему. Он утратил бы свой смысл, если бы не было соревнований» [Кучевский, 1972: 5].

• «Спорт – ...соревновательная деятельность, подготовка к ней, а также специфические отношения, нормы и достижения, связанные с этой деятельностью» [Толковый словарь... 1993: 278].

• «Спорт представляет собой деятельность, базовой (ядерной) сущностью которой являются спортивные соревнования» [Чернов, 1984: 20].

• «Идея борьбы или продолжительного усилия составляет главную сущность спорта. Эта идея означает неперемное стремление сделать больше или лучше того, что уже было сделано другим или самим действующим лицом, иначе говоря: улучшить, сравняться, превзойти или победить, смотря по тому, что является объектом усилия» [Эбер, 1925: 9].

• «Уникальность положения человека в спорте состоит в том, что это единственная официальная сфера социальной деятельности, которая требует от индивида прежде всего вступить с другим индивидом в соревнование, правила которого оговорены заранее, и стремиться в этом соревновании выиграть» [Филимонова, 2004: 206].

В связи с изложенным выше целесообразно сначала дать анализ соперничества.

2. Соперничество

Соперничество относится к числу таких социальных феноменов, которые необычайно широко представлены в жизни как современного человека, так и людей в прошлом.

Место соперничества в жизни людей

Уже на ранних этапах истории человеческой культуры, развития социальной жизни имеют место специально организованные или стихийно складывающиеся соревнования. К их числу относятся, например, обряды инициации (получение юношами статуса взрослых членов социальной группы), обычно включающие в себя четко организованные соревновательные процедуры.

Историки обращают внимание на то, что соревновательность выступала как особо важная черта социальной жизни на протяжении целых эпох: «Принцип состязательности является одним из ведущих для логико-риторической культуры, то есть для громадного временного периода – Древняя Греция, Средневековье, Возрождение, культура барокко и классицизма – вплоть до индустриальной эпохи» [Аверинцев, 1989: 11]; «Состязательность вошла в плоть культуры "бунтарского века" (XVII в.) России. Состязаются и авторы, и культурные аксиомы» [Панченко, 1984: 166].

Ярчайшим примером в этом отношении является Древняя Греция. Идеалом для греков был лозунг, провозглашенный в поэмах Гомера: «Быть всегда впереди, быть лучше других» ("aien aristetein kai huperochon em-menai allon"). Такой девиз отец Ахиллеса сформулировал для своего сына [Билинский, 1998: 318; Хейзинга, 1992: 80].

Такая установка ориентировала греков на постоянное соперничество [Античная агонистика... 2002; Билинский, 1998; Самойлов, 1998; Karatassakis, 1980a]. Дух состязания пронизывал все сферы жизни Древней Греции, в том числе и систему воспитания подрастающего поколения.

♦ «У греков было принято состязаться во всем, что заключало в себе возможность борьбы» [Хейзинга, 1992: 90].

♦ «Вся жизнь греков, вся эллинская культура проникнута соревновательным, агональным началом (*агон* по-гречески – борьба, состязание). Страна, подарившая миру Олимпийские игры, почитала Агон как божество. Его изображение было выставлено в Олимпии в V веке до нашей эры» [Зайцев, 1985].

♦ «В Древней Греции элемент соревнования не ограничивался лишь сферой спортивной культуры. Он присутствовал также в сфере духовной и интеллектуальной культуры. Перефразируя одно из выражений Фалеса, который утверждал, что боги охватывают всю природу, и относя это к сфере греческой культуры, можно сказать, что дух агона (*pana agonon plere*) проникал всюду, что весь мир этой культуры был пронизан соревнованиями, которые распространялись если не на все, то, бесспорно, на наиболее важные, основные и доминирующие сферы духовной, интеллектуальной и художественной активности, включая даже простую крестьянскую и ремесленную работу. Дух соревнования (берущий начало в поэмах Гомера героической эпохи) правил бал не только на спортивных стадионах Олимпии – главных Панэллинских игр, но также в театрах, одеонах, в агоре, во время конкурсов поэзии, в школах софистов, ораторов и философов» [Билинский, 1998: 323–324].

Соперничество сыграло важную роль в развитии не только культуры Древней Греции, но и европейской культуры в целом [Druon, 1982].

Современный мир в своем отношении к соревнованиям напоминает Древнюю Грецию: агональный дух, дух соперничества в настоящее время захватил не только сферу спорта, но и все другие стороны жизни людей – экономику, политику, искусство, образование и т. д.

Несмотря на столь важное значение и широкое распространение соперничества и связанных с ним явлений – соревновательных отношений, агонального поведения и т. п. – редко предпринимаются попытки теоретического осмысления этих феноменов на основе введения адекватного понятийного аппарата.

Поэтому возникает необходимость его анализа.

Понятие соперничества

В одной из немногих работ, специально посвященных анализу соревнования (состязательности), оно характеризуется следующим образом: «Состязательность – процесс столкновения и последующего соперничества двух или более сторон, процессов, явлений, результатом которого может стать либо возникновение новой формы соперничества, либо взаимобмен между ними и, как следствие, переход системы «сторона один – сторона два» на новое качество» [Данилов, 2007: 10]. Данное определение во многом является тавтологичным.

Наиболее часто соревнование рассматривается как одна из форм *социальной оценки на основе сравнения* результатов деятельности человека с определенным стандартом, в качестве которого может выступать другой человек, группа, прошлая деятельность того же индивида или некоторый идеализированный уровень деятельности [см., например, Social Problems... 1976: 14].

Иллюстрацией такого подхода является характеристика соревнования в работах Н.Н. Визитей [Визитей, 1979, 1980, 1986, 2006, 2009].

- «Соревнование в качестве обязательного момента предполагает *сравнение*... Человек, сравнивая себя с чем-то, не может оставаться безразличным к процессу и результатам этого сравнения, оно всегда имеет для человека определенный смысл, оно неизбежно так или иначе эмоционально окрашивается. Можно сказать, что любое сравнение, поскольку оно человеческое сравнение, всегда «делает вывод»... Но *сравнение, которое делает вывод, есть соревнование*. Таким образом, *настолько же, насколько любое соревнование сравнивает, настолько же любое сравнение проводит соревнование*» [Визитей, 1980: 97, 99].

- Необходимым моментом «любого акта самосознания человека» является «сопоставление себя с другим». В процессе такого сопоставления человек «никогда не может оставаться безразличным, индифферентным к развертыванию и особенно к результату этого процесса... И одно, и другое (и процесс, и результат) неизменно остро эмоционально переживается, оценивается...». «*В любом акте человеческого самосознания есть сопоставление и есть оценивание этого сопоставления – по ходу его развертывания и по его итогу*», а значит, есть и соревновательность: «Ситуация, в которой присутствуют указанные сопоставление и оценка, по внутренней сути своей является ситуацией соревнования» [Визитей, 2006: 90, 91, 101].

Н.Н. Визитей, ссылаясь на работы Аристотеля, Ф. Ницше и М.М. Бахтина, обращает внимание на многообразие «тех типов отношений, которые складываются при *сопоставлении* одного человека с другим [Визитей, 2006: 95]. И тем не менее *всякую процедуру сопоставления* одного человека с другим и оценки результатов этого сопоставления – *независимо от того, какие отношения, установки, реакции это вызывает* – он рассматривает как *соревнование*.

Однако в большинстве других публикаций, посвященных анализу соперничества (соревнования), как будет показано ниже, имеет место иной подход к пониманию этого социального феномена.

Ряд важных аспектов процесса соревнования (соперничества) выделяет и характеризует один из ведущих специалистов США в области социальной психологии спорта Райнер Мартенс в своей работе «Социальная психология и спорт» [Мартенс, 1979].

Прежде всего он указывает на отсутствие однозначного понимания понятия «соревнование»: «Соревнованию как научному понятию очень не повезло, так как в исследованиях этой области теория не играла почти никакой роли. Это привело к тому, что понятие "соревнование" не было строго определено ни концептуально, ни операционально. Соревнование причисляли и к процессу, и к специфическим типам поведения, и к поведенческим установкам, и к диспозициям, и к специфическим ситуациям» [Мартенс, 1979: 69].

По мнению Р. Мартенса, важно дифференцировать эти различные варианты использования термина «соревнование» и учитывать их взаимосвязь. В упомянутой работе он анализирует соревнование как *процесс*, который включает в себя четыре ступени (категории событий):

- объективную соревновательную ситуацию,
- субъективную соревновательную ситуацию,
- реагирование (результат деятельности),
- последствия.

Р. Мартенс рассматривает ряд определений *объективной соревновательной ситуации* как первой стадии процесса соревнования. Одно из них – «определение через поощрение» – характеризует соревнование как ситуацию, в которой поощрения распределяются неравномерно, с учетом результатов деятельности [Church, 1968]. В рамках этого определения ситуация соревнования противопоставляется ситуации сотрудничества: «В ситуации сотрудничества человек получает поощрение только вместе с остальными участниками; в ситуации же соревнования, если один или несколько участников получают поощрение, то оставшиеся не получают ничего» [Мартенс, 1979: 70–71].

По мнению Р. Мартенса, определение объективной ситуации соревнования через поощрение не позволяет полно охарактеризовать эту ситуацию. Оно недостаточно, так как «во многих так называемых соревновательных ситуациях трудно, а иногда и невозможно найти единые критерии распределения поощрения относительно субъективной ценности поощрений и относительно цели, которой надо достичь» [Мартенс, 1979: 71].

Для иллюстрации Р. Мартенс приводит такой пример. Допустим, вы – весьма средний игрок в теннис, но у вас появилась возможность сыграть с профессиональным теннисистом. Совершенно ясно, что выиграть вы не можете и что ваша цель совсем не в этом. Вы решаете про себя, что если сыграете сравнительно неплохо, то будете вполне удовлетворены, или что если вы выиграете два гейма в сете, то достигнете своей цели. При этом очевидно, что ваша цель и поощрение совсем другие, чем у вашего противника.

В связи с таким недостатком определения соревнования через поощрение, указывает Р. Мартенс, большинство исследователей, применяющих его, пользуются мало похожими друг на друга операциональными определениями ситуации. Кроме того, такое определение не позволяет объяснить, почему же возникает соревнование.

Сам Р. Мартенс предлагает при определении объективной соревновательной ситуации учитывать теорию социальной оценки [Festinger, 1954] и ряд экспериментальных исследований [Martens, Landers, 1972].

В указанной работе объективную соревновательную ситуацию он определяет как ситуацию, в которой «деятельность каждого участника сравнивается с помощью определенного

стандарта с деятельностью хотя бы еще одного человека, знакомого с критерием сравнения и могущего оценить процесс сравнения» [Мартенс, 1979: 72].

Аналогичное определение Р. Мартенс дает и в статье «Соревнование – потребность в теории»: соревнование «есть процесс, в котором сравнение действий индивидов производится на основе некоторого стандарта, в присутствии по крайней мере одного лица, которому известен критерий сравнения и который способен оценить процесс сравнения» [Social problems... 1976: 14].

В качестве стандарта может выступать деятельность другого человека, идеализированный уровень выступления или же собственный результат человека, показанный в прошлом.

В отличие от Н.Н. Визитея Р. Мартенс не всякую процедуру сопоставления качеств (способностей) относит к числу соревновательных ситуаций.

«Основным признаком, отличающим соревновательную ситуацию от других ситуаций сравнения, является то, что критерий сравнения известен человеку, который оценивает результат выступления» [Мартенс, 1979: 72]. В соответствии с таким определением не все ситуации, обычно рассматриваемые как соревновательные, будут отнесены к таковым. Например, ее не будет, если *присутствующие не знают критерия сравнения*: «Вы можете стремиться побить собственный рекорд в прыжках в высоту, тренируясь с товарищами по команде, но если ни они, ни другие люди, присутствующие при этом, не подозревают о вашей цели, то соревновательной ситуации как таковой не будет». Указанное определение исключает из числа соревновательных ситуаций и сравнение выступления участника с результатом его предыдущего выступления *при отсутствии человека, дающего оценку*. Например, если кто-то упражняется в выполнении ударов в гольфе, делая по 10 попыток с разных мест и каждый раз считает, что улучшил свой результат на еще одно попадание в лунку, то такая ситуация не относится к числу соревновательных [Мартенс, 1979: 72].

Как отмечает Р. Мартенс, не все согласны с такими ограничениями ситуаций, относимых к числу соревновательных. Например, по мнению М. Шериф, состязание «не требует присутствия других лиц, так как человек может сам сделать так, чтобы его действия отвечали определенным требованиям, или достичь цели, которую он ставит перед собой, тренируясь в выполнении упражнения» [цит. по: Мартенс, 1979: 72]. Такое определение соревнования основным критерием соревновательности ситуации делает восприятие ее человеком, что, по мнению Р. Мартенса, приводит к субъективизму.

Вторая ступень соревнования – *субъективная соревновательная ситуация*. Склонность человека (его диспозицию) к поискам объективных соревновательных ситуаций Р. Мартенс называет *соревновательностью* или *состязательностью*. Она включает в себя целую группу мотивов, побуждающих человека участвовать или не участвовать в соревнованиях, и влияет на его оценку объективной ситуации состязания. Согласно данным экспериментальных исследований, указывает Р. Мартенс, состязательность тесно связана, а может быть, и является компонентом мотивации достижения, которая, в свою очередь, тесно связана с компетентностью, агрессивностью и склонностью к доминированию. Факторы мотивации достижения многочисленны. К их числу Р. Мартенс относит тревогу, боязнь неудачи, желание достичь высокой степени мастерства и компетентности среди окружающих, властвовать над другими людьми, стремление превзойти их достижения и т. д. Состязательность и мотивация достижения не только связаны, но и существенно отличаются друг от друга: «Мотивация достижения представляет собой обширную систему определения цели и не предполагает никакого конкретного способа ее достижения. Состязательность же подразумевает мотив достижения или успеха, а также то обстоятельство, что эта цель может быть достигнута в объективных соревновательных ситуациях. Таким образом, основное отличие состязательности от мотивации достижения заключается в том, что состязательность пред-

ставляет собой склонность выбирать объективные соревновательные ситуации как способ достижения цели» [Мартенс, 1979: 77].

В подтверждение Р. Мартенс ссылается на работы М. Маер и Д. Шегрен [Maehr, Sjogren, 1971], а также Дж. Вероффа [Veroff, 1969].

После субъективной оценки соревновательной ситуации человек должен решить, будет ли он продолжать участвовать в состязании или нет, т. е. стремиться ли ему к участию в объективной соревновательной ситуации или избегать ее. Если человек принял решение участвовать в состязании, наступает третья ступень процесса состязания – *реагирование* человека. Оно проявляется на трех уровнях: физиологическом, психологическом и поведенческом и определяется как внутренними (способности человека и уровень его мотивации), так и внешними (погода, время, условия, обстановка соревнования, поведение противника и т. д.) факторами. Заключительная ступень процесса соревнования – *последствия* (положительные, отрицательные, а иногда, возможно, и нейтральные), вытекающие из сравнения деятельности человека с определенным стандартом. «Чтобы имело место соревнование, – пишет Р. Мартенс, – необходимы определенные условия и прежде всего – определенный уровень развития познавательной способности». Он ссылается на работу К. Шериф [Sherif S., 1976], согласно которой процесс соревнования требует от человека способности последовательно направлять свое поведение к достижению абстрактного стандарта или определенной цели. У детей эта способность проявляется в возрасте 3–5 лет [Greenberg, 1952; Neckhausen, 1967]. Р. Мартенс считает, что хотя соревнование не может начаться прежде, чем будет достигнут определенный уровень умственного развития, но это не значит, что в процессе социализации состязательность не формируется у ребенка младше трех лет [Мартенс, 1979: 76].

Соревнование как процесс, имеющий указанные ступени, Р. Мартенс отличает от *соревновательного поведения*. Последнее включает в себя: а) поиски объективных соревновательных ситуаций, что определяется диспозицией – состязательностью человека, и б) реакцию человека, когда он решил сравнить свое выступление с определенным стандартом, выработанным другим человеком (людьми). Соревновательное поведение имеет место в двух случаях: 1) когда человек сам ищет соревновательные ситуации и 2) когда человек непосредственно реагирует на них.

Р. Мартенс различает также *соревновательное поведение* и *соперничество*. При этом он ориентируется на то определение соперничества, которое дает М. Мид [Mead, 1961]. *Соперничество* – это поведение, направленное против другого лица, при котором человек стремится получить более благоприятную оценку своей деятельности, тогда как *соревновательное поведение* направлено на достижение определенной цели, а другие люди имеют второстепенное значение. Следовательно, соперничество направлено на людей, а соревновательное поведение – на достижение поставленной цели [Мартенс, 1979: 73–75].

Ряд важных аспектов соревнования как социального феномена характеризуют Дж. Лой и Гр. Хескет в статье под названием «Сущность агона: введение к исследованию агонального поведения» [Loy, Hesketh, 1984]. Соревнование рассматривается здесь в рамках анализа *сущности* (природы, основного содержания) *агона* («agon motif») и связанного с ним *агонального поведения* («agonetic behavior»).

Как отмечают авторы, термин «агональный» («agonal») ввел Я. Бурхардт (Jacob Burchardt). Он использовал его для описания одной из важнейших характеристик эллинской культуры. В последующем многие ученые рассматривали агон как феномен культуры и приводили исторические примеры агональных социальных систем. Так, Й. Хёйзинга в книге «Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры» подробно анализирует агон, рассматривая его как состязание в виде игры, а игру и состязание в их «функции формирования культуры». По его мнению, «состязание и представление... не происходят из культуры

как развлечение, а *предшествуют* культуре» [Хёйзинга, 1992: 62]. Исходя из этого, особое внимание он уделяет соперничеству и агональному поведению в культуре Древней Греции.

Американский социолог А. Гоулднер дал анализ культуры эллинского общества в рамках широкого социологического исследования социальных систем, основанных на состязании. Он пишет, что основой эллинской культуры являлся «...активный поиск славы ради славы посредством соревновательных достижений» и отмечает, что «все это составляет так называемую состязательную систему, по сути систему мобильности или способ распределения престижа или социального статуса среди граждан: это, если хотите, – «игра», в которой не могут участвовать рабы или инородцы» [Gouldner, 1965: 45–46].

Анализу роли соперничества в культуре Древней Греции посвящены и другие публикации [Аверинцев, 1989; Античная агонистика... 2002; Билинский, 1998; Зайцев, 1985].

Агон и связанные с ним социальные феномены изучались и в других аспектах. Так, Р. Кайуа, известный французский социолог, описал агональные игры в своей работе «Игры и люди» [Кайуа, 2007].

У. Морфорд и С. Кларк разработали *общую модель агональных социальных систем*, элементами которой являются: 1) воин и общество, 2) подвиг и поиски славы, 3) культ героя, 4) честь и 5) индивидуализм. На основе этого выделяются основные черты обществ, основанных на соперничестве:

- в качестве основы классической агональной социальной системы выступает аристократическая воинственная элита;
- две черты характеризуют природу агона в рамках данной социальной системы: дух конкуренции и крайний индивидуализм;
- наиболее ярко эти черты проявляются в соревнованиях между равными соперниками, где основным состязанием является агональная война;
- основным источником мотивации для членов агональной системы является стремление к превосходству и достижению славы;
- усиление борьбы за индивидуальное превосходство в агональных ситуациях рано или поздно приводит к анархическому государственному устройству, что не свойственно этико-нравственной структуре агона [Morford, Clark, 1976].

Дж. Лой и Гр. Хескет считают, что модель агональных социальных систем, которую разработали У. Морфорд и С. Кларк, является «ограниченной и неполной», так как выделяет основные компоненты лишь классических или «чистых» агональных систем и неточно описывает основные процессы развития или динамику агональных систем, что затрудняет анализ и современных агональных систем и подсистем [Loy, Hesketh, 1984: 34]. Поэтому они предлагают более широкую социологическую модель агона, агонального поведения и агональной системы («agonal system»).

Прежде всего Дж. Лой и Гр. Хескет сравнивают определения терминов, используемых для обозначения этих социальных феноменов, которые даются в словаре Вебстера, с первоначальным значением этих греческих слов. В словаре Вебстера даются следующие определения:

- ◆ *Агон* («agon») – «конфликт характеров в драме».
- ◆ *Агонистический* («agonistic») – «1. делать конвульсивные усилия; бороться. 2. быть в агонии; испытывать сильную боль».
- ◆ *Агония* («agony») – «1. сильная душевная или физическая боль. 2. смертельные приступы. 3. конвульсивная борьба. 4. внезапные сильные эмоции: *агония радости*» [Webster's... 1958: 28].

Значение оригинальных греческих слов, приводимое в этом словаре:

- *Агон* («agon») – состязание.
- *Агонистический* («agonistikos») – подходящий для состязания («fit for contest»).

• *Агония («agony»)* – борьба за победу.

Дж. Лой и Гр. Хескет употребляют термин «агон» в его первоначальном греческом значении. Он используется «для обозначения как специфического состязания или системы состязаний, так и в более широком смысле – для обозначения любой личностной борьбы за превосходство» [Loy, Hesketh, 1984: 35]. Аналогичное определение понятию «агон» дают У. Морфорд и С. Кларк [Morford, Clark, 1976: 163].

Исходя из такого определения, агон характеризуется как «активный поиск превосходства и борьбу за обретение славы посредством достижений в соревновательных ситуациях, в которых человек проявляет чувство собственного достоинства, нравственные качества, а иногда даже рискует жизнью». По своей сути агон предусматривает: «(1) сильный дух конкуренции и соревнования; (2) акцент на индивидуализм и (3) ярко выраженное стремление к достижению славы, и победы». Примером могут служить спортивные соревнования, охота, физические и словесные дуэли, война [Loy, Hesketh, 1984: 32].

На основе такого подхода Дж. Лой и Гр. Хескет предлагают общую модель агона, для которой характерны следующие основные черты, структурные элементы и процессы.

1. Поиск превосходства, как черта, присущая агону, может быть осмыслен в виде четырехступенчатой модели совершенствования человека:

• *совершенствование (becoming the best)* посредством подготовки и тренировки, чтобы превзойти всех остальных;

• *проверка совершенства (testing the best)* в процессе соревнования с равными соперниками и против них;

• *достижение совершенства (beating the best)* по сравнению с равными соперниками в агональных состязаниях;

• *сохранять совершенство (being the best)*, получив признание того, что являешься первым среди равных.

2. Поиск превосходства требует вовлечения индивида в особые виды деятельности в специфических ситуациях. Так, например, *тренировка* для достижения совершенства, *проверка* совершенства и *закрепление (establishing)* совершенства предусматривают активное вовлечение в разнообразные агональные состязания, такие как атлетические соревнования, охоту, словесные дуэли и война.

3. Все стадии достижения совершенства индивидом всегда соотносятся с равными соперниками. Например, тренировки для совершенствования проводятся среди *равных соперников*, состязания для проверки совершенства происходят между *равными соперниками*, совершенство по сравнению с другими определяется на основе сравнения с *равными соперниками*, и награды присуждаются также за совершенство среди *равных*.

4. Основной процесс, лежащий в основе агональных систем, – *социальная стратификация*. С одной стороны, участие в агоне ограничивается избранными группами элитных воинов. В классических типах «воинственных обществ» эти группы в равной степени представлены аристократией, этнократией, меритократией и теократией. С другой стороны, указанный иерархический порядок характеризует избранные группы как индивидов в процессе личной борьбы за превосходство среди равных.

Имеется в виду следующее:

◆ *ролевая дифференциация* между категориями воинов и невоинов;

◆ *ролевое ранжирование* среди воинов в том случае, если они оцениваются: а) по личным качествам, б) по уровню приобретенных умений и способностей, с) по эффективности выполнения своей роли;

◆ *ролевая оценка* в том случае, когда сравнительное ранжирование основывается на субъективной базе нечетких нормативных шкал нравственной и социальной значимости;

♦ *ролевое вознаграждение* – индивид за свои заслуги в агональном соперничестве получает большую власть, привилегии, престиж и психическое удовлетворение.

Поэтому Дж. Лой и Гр. Хескет согласны с мнением М. Тумина [Tumin, 1967] о том, что агональные системы, как и всякая другая социальная система, требует функциональной специализации и разделения труда.

5. Агональные состязания являются «нравственными играми» («moral games»). Они проверяют характер нравственных ценностей человека. Победа способствует повышению его репутации, славе и более высокому общественному статусу, тогда как поражение ведет к утрате репутации, бесславию и более низкому общественному положению.

6. Поиск превосходства управляется особыми предписаниями и запретами относительно того, что дозволено и не дозволено, которые включают в себя:

♦ *личные качества*, которыми должен обладать индивид перед допуском к участию в соперничестве;

♦ *правила и предписания*, контролирующие данные состязания;

♦ *уровни и стандарты соревнования*;

♦ *вид и степень наград и санкций за достижения в состязании* [Loy, Hesketh, 1984: 35–38].

Таким образом, при анализе понятия соревнования (соперничества, агона) высказываются различные точки зрения, основанные на выделении существенно отличающихся друг от друга социальных феноменов. Для позитивного решения дискуссий, возникающих в такого рода ситуациях, важно соблюдать указанные выше логико-методологические принципы введения, оценки и унификации понятий.

Опираясь на эти принципы при решении обсуждаемой проблемы, самое главное состоит в том, чтобы *независимо от используемой терминологии в системе используемых понятий учесть по возможности все многообразие тех социальных явлений*, которые указываются в различных определениях и других характеристиках соперничества, четко выделить, дифференцировать их, отграничить друг от друга.

Именно такой подход применяется в данной работе.

В системе понятий, которая используется в последующем тексте, прежде всего выделяются два социальных феномена, которые, как показано выше, фигурируют практически во всех определениях соперничества:

1) процесс *сравнения* (сопоставления) качеств, способностей одного человека с другими или с каким-то идеальным эталоном (стандартом);

2) *оценка* результатов этого сравнения.

В рамках обсуждаемой системы понятий вряд ли целесообразно отождествлять соревнование (соперничество) с *любой* процедурой сопоставления качеств (способностей)¹, ибо в этом случае понятие «*соревнование (соперничество)*» оказывается просто лишним: оно дублирует понятие «*сопоставление качеств (способностей)*».

Более целесообразным представляется подход, при котором понятие соревнования (соперничества) вводится как *одно* из комплекса понятий, характеризующих различные объективные и субъективные аспекты процедуры (ситуации) сопоставления и оценки индивидом своих качеств и способностей с соответствующими качествами и способностями других людей, с самим собой в прошлом или с идеальным эталоном.

Комплексный анализ процедуры (ситуации) сопоставления и оценки качеств и способностей одного человека с соответствующими качествами и способностями других людей выявляет широкий круг *различных субъективных и объективных аспектов* данной процедуры (ситуации).

¹ Против такого отождествления выступают многие исследователи [например, Пономарчук, Козлова, 2002: 8].

Еще Аристотель писал о том, что процедура сопоставления разных людей может вызывать у проигрывающего в этом сопоставлении одно из двух противоположных чувств: «*чувство зависти*» и «*чувство соревнования*» [Аристотель, 1978: 90–91].

Зависть – негативное чувство огорчения, досады человека по поводу наличия у других людей «благ, которые связаны с почетом».

Чувство соревнования – позитивное чувство человека, основанное на признании того, что у него отсутствуют такого рода блага, и связанное с этим «ревностное желание сравняться» с теми, у кого они наличествуют: «Чувство соревнования есть некоторое огорчение при виде кажущегося присутствия у людей, подобных нам по своей природе, благ, которые связаны с почетом и которые могли бы быть приобретены нами самими, возникающее не потому, что эти блага есть у другого, а потому, что их нет у нас самих. Поэтому-то соревнование как ревностное желание сравняться есть чувство хорошее и бывает у людей хороших, а зависть есть нечто низкое и бывает у низких людей» [Аристотель, 1978: 95].

На возможность противоположных реакций (ценностных установок) у человека, проигрывающего при сравнении его качеств и способностей с качествами и способностями других людей и желающего сравняться с ними в этом отношении, указывал и Ф. Ницше: «Жажда равенства может выражаться в том, что стремишься либо перетянуть всех к себе вниз (через умаление, замалчивание, подножку), либо самому подняться ко всем (через признание, помощь, радость от чужой удачи)» [Ницше, 1990: 396].

М.М. Бахтин писал: «Во всем, чем человек выражает себя вовне (и, следовательно, для *другого*), – от тела до слова – происходит напряженное взаимодействие *я* и *другого*: их борьба (честная или взаимный обман), равновесие, гармония (как идеал), наивное незнание друг о друге, нарочитое игнорирование друг друга, вызов, неприятие... и т. д.» [Бахтин, 1979: 320]. Он обращает внимание, следовательно, на то, что обсуждаемая процедура сопоставления и оценки способностей одного человека с другими может порождать такие существенно отличающиеся друг от друга отношения ее участников, внутренние установки, в соответствии с которыми они воспринимают друг друга, как *неприятель, вызов, борьба* (честная или посредством обмана), *взаимное согласие* и т. д.

Кроме того, важно иметь в виду, что процедура сопоставления качеств (способностей) может быть элементом *различной деятельности* человека.

Так, она может быть вплетена в *процесс познания*, когда человек изучает себя (или себя и других людей), сопоставляя те или иные качества (способности), выявляемые в ходе этого анализа. Сравнивая себя с другими людьми, с самим собой в прошлом или с идеальным эталоном, стандартом, он стремится выяснить, есть ли в этом плане какие-то *отличия* и если есть, то как их можно *оценить* — как позитивные или как негативные. В этом случае сопоставление выступает как *субъективная процедура сопоставления* определенных качеств (способностей).

Но процедура сопоставления способностей может быть вплетена в деятельность человека, связанную с *сопротивлением* (физическим, психическим и т. п.) противостоящих ему сил (данного человека с другим, одной группы людей с другими и т. п., а также человека с какими-то силами природы и т. д.) и стремлением соперников (хотя бы одного из них), преодолевая это сопротивление, добиться определенного результата.

Для характеристики такого поведения человека, его действий в указанной ситуации чаще всего используется термин «*борьба*» («*борьба соперников*»).

Цели борьбы могут быть разными. Такой целью может быть, например, достижение *превосходства* над своим «соперником» (другим человеком, предметом природы или идеальным эталоном, стандартом и т. д.).

Но возможна ориентация и на другие достижения: например, *не уступить* «сопернику» (быть *равным* с ним) или уступить, но *незначительно*, показать *максимально возможный для себя результат*, превзойти свои *прежние* результаты и т. д.

Для иллюстрации вновь используем пример, который приводит Р. Мартенс. Допустим, вы – весьма средний игрок в теннис, но у вас появилась возможность сыграть с профессиональным теннисистом. Совершенно ясно, что выиграть вы не можете и что ваша цель совсем не в этом. Вы решаете про себя, что если сыграете сравнительно неплохо, то будете вполне удовлетворены, или что если вы выиграете два гейма в сете, то достигнете своей цели. При этом очевидно, что ваша цель совсем другая, чем у вашего противника.

С учетом указанных различий в процедуре сопоставления способностей в системе понятий может быть введено понятие «*соревнование (соперничество)*». Оно фиксирует две особенности процедуры сопоставления способностей:

сопоставление качеств (способностей) осуществляется в *процессе борьбы* соперников;

цель, которую участники этого процесса (по крайней мере один из них, если речь идет, например, о борьбе с силами природы) ставят перед собой в данном процессе, – добиться *превосходства* над своим соперником, быть *первым, лучшим* по сравнению с другими, одержать *победу* над ними.

Борьбу человека за превосходство многие исследователи рассматривают как важную особенность соревнования (соперничества).

Так, Й. Хёйзинга в своей книге «*Номо Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры*» [Хёйзинга, 1992], рассматривая соперничество как основополагающий элемент культуры, связывает его со стремлением человека к *превосходству*. Д. Хиланд понимает соревнование как «совместное устремление к превосходству» соперничающих друг с другом лиц [Hyland, 1988: 237]. Дж. Лой, Б.Макферсон и Дж. Кеньон характеризуют соревнование как «борьбу за превосходство между двумя или несколькими противостоящими сторонами» [Loy, McPherson, Kenyon, 1978: 8].

Значит, *соревнование (соперничество)* – такая разновидность процесса сравнения определенных качеств (способностей) двух или нескольких противостоящих сторон (одного человека с другим, одной группы людей с другими и т. п., человека с какими-то силами природы, с идеальным эталоном, стандартом и т. д.), в котором имеет место борьба за превосходство: стремление каждого из соперников (или хотя бы одного из них) быть *первым, лучшим по сравнению с другими, превосходить других, одержать победу над ними*.

Важно учитывать диалектически противоречивый характер соревнования, о чем свидетельствует уже исходное значение термина «соревнование»: ««*Соревнование*» (*com-petitio*) означает «совместное устремление к чему-либо» («to question together, to strive together»). Данное слово означает, следовательно, «совместное стремление, то есть каждый участник достигает совершенства, которое не может быть достигнуто в одиночку, без общего устремления, без соревнования». Тот же смысл имеет и родственное слово «*состязание*» («*contest*»), т. е. «совместное испытание [Hyland, 1988; Kretchmar, 1975].

Диалектическую природу соревнования отмечают другие авторы: «Качественную определенность соревнования... образует противоречивое двуединство: стремление превзойти других и стремление помочь им в сфере одного и того же объективного аспекта деятельности... В основе стремления превзойти других лежит потребность отличить себя от других по отношению к одному и тому же объективному аспекту деятельности; в основе готовности помочь – потребность в отождествлении себя с другими участниками соревнования как представителями одного и того же целого – трудового коллектива...» [Социалистическое соревнование... 1978: 67–68].

Иногда к числу соревновательных ситуаций относят только такие, когда наряду с теми, кто сопоставляет свои способности, присутствуют *другие люди*, дающие оценку этому сопоставлению на основе определенного критерия. Как отмечено выше, такой точки зрения придерживается Р. Мартенс. Однако М.Шериф полагает, что состязание не требует присутствия указанных лиц.

В системе понятий, используемых автором в данной монографии, учитываются две существенно отличающиеся друг от друга ситуации процедуры сопоставления: в одной из них наряду с теми, кто сопоставляет свои способности, присутствуют *другие люди*, дающие оценку этому сопоставлению на основе определенного критерия; в другой таковые *отсутствуют*.

Термин «соперничество» используется для обозначения как первой, так и второй ситуации (разумеется, при наличии других указанных выше признаков соперничества).

В рассмотренных выше определениях соперничества выделены и некоторые другие субъективные, а также объективные аспекты соперничества, которые учитываются и фиксируются в соответствующих понятиях. Это, к примеру, понятия *соревновательного (агонального) поведения, соревновательных отношений, мотивации соперничества* и др.

Представляет интерес мнение по обсуждаемому вопросу Г.Я. Головных. По его мнению, термины «состязание», «борьба», «соперничество» могут использоваться как синонимы. «Основной смысл здесь – преодолеть сопротивление противостоящих сил и в итоге достичь определенного результата, успеха, превосходства, победить». Он указывает и на некоторые нюансы в указанных понятиях: «Среди перечисленных понятий "соперничество" явно указывает на межсубъектный характер противостояния (см., например, толковый словарь Вл. Даля). В "борьбе" превалирует оттенок мужского соперничества, потому что ближе всего к нему стоит слово "война". "Состязание" вообще неопределенно в субъективном отношении, и потому при рассмотрении различных форм противоборства этот термин лучше использовать в самом широком смысле: для характеристики не только межсубъектных, но и субъект-предметных взаимодействий. Например, при характеристике противостояния ЭВМ и человека в каком-либо шахматном турнире точнее будет говорить о состязании между машиной и человеком, чем о соперничестве. Слово "борьба" можно использовать либо как синоним соперничества, либо для обозначения определенного вида спорта. "Соперничество" в этом случае выступает как самое разнообразное межсубъектное состязание. В этом же ряду стоит и слово "соревнование". Ближе всего оно к состязанию и соперничеству. Учитывая предыдущие рассуждения, я буду "соревнование" рассматривать как организованное, осуществляемое по строгим правилам соперничество» [Головных, 1998: 48].

В.М. Починкин соревнование рассматривает как «более высокую форму» по сравнению с состязанием [Починкин, 1997: 21].

Многообразие видов соперничества

В социально-философском анализе соперничества важно учитывать *многообразие* его форм и видов.

Это прекрасно показал – в основном применительно к античной культуре – Й. Хейзинга в своей книге «Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры» [Хейзинга, 1992]. Он характеризует такие разнообразные формы соперничества, как спортивное соревнование, военное сражение, судебный процесс как «словесный поединок», средневековые диспуты, формы поэтических и музыкальных состязаний, соревнования в изобразительном искусстве, философский диалог и др. Среди них много и весьма необычных – например, «потlach» («спор ради чести»), «завоевание престижа через демонстрацию своего богатства», «древнеарабские турниры чести», «греческие и древнегерманские состязания в

хуле», «тяжба мужей», «состязание ради невесты», «эскимосское состязание на барабанах», «состязание в мудрости», «состязание в отгадывании загадок», «состязание в вопросах и ответах на жизнь и на смерть», «космос как борьба» и др. При этом все виды соперничества (состязания) Й. Хёйзинга относит к сфере *игровой* деятельности: «...на вопрос, правомерно ли подчинять состязание как таковое категории игры, можно положить руку на сердце дать утвердительный ответ» [Хёйзинга, 1992: 64].

Основанием для выделения тех или иных форм соперничества (соревнования) при содержательном системном анализе этих форм могут служить различные его особенности [Брянкин, 1983; Визитей, 1986; Красников, 1989, 2003, 2007; Куторжевский, Смирнов В.А., 1977; Надирашвили, 1976; Социалистическое соревнование... 1978; Социально-психологические аспекты... 1977; Хэгстром, 1980; Чернов, 1984].

Различные формы соревнования (соперничества) связаны, например, с тем, что оно является элементом различных *социальных систем, сфер общественной жизни* (материального производства, экономики, политики, образования, науки, искусства, техники, досуга и др.), *видов социальной деятельности*.

Так, например:

◆ в сфере *материального производства, экономики и политики* оно выступает как соревнование различных социально-экономических систем, стран, государств, конкуренция производителей, банков, фирм и т. п., «социалистическое соревнование» и т. д.;

◆ в сфере *образования* – как соперничество учеников, а также педагогов и их учеников;

◆ в *познавательной* деятельности и в *науке* – как соперничество ученых [Хэгстром, 1980], конкурсы «знатоков» и т. п.;

◆ в *техническом творчестве* – как соперничество за приоритет в тех или иных технических достижениях;

◆ в *искусстве* – как соперничество (конкурсы) музыкантов, певцов, художников и т. д.;

◆ в *игровой* деятельности – как соревновательные игры;

◆ в *спорте* – как спортивные соревнования;

◆ в *военной* сфере – как военные сражения и т. д.

В ходе эволюции общества соперничество принимает различные *исторические формы*, особенности которых определяет место соревновательной деятельности в той или иной общественной системе (например, в условиях социализма или капитализма) и др.

Дж. Лой и Гр. Хескет, анализируя соперничество в структуре агональных социальных систем, обращают внимание на то, что исследование цивилизации выявляет несколько типов таких систем, сложившихся в различные исторические периоды и различающихся по культурному содержанию и географическим условиям. В частности, они различают «*чистый агон*» («Pure Agon»), «*псевдоагон*» («Pseudo Agon») и современный спорт.

«*Чистый агон*» – это такие ритуальные состязания, которые:

◆ проводятся между равными соперниками;

◆ проводятся по определенным правилам;

◆ предполагают демонстрацию личной доблести;

◆ проводятся в определенное время и в определенном месте;

◆ имеют лимитированные цели;

◆ являются проверкой нравственности и социальной ценности человека;

◆ предусматривают определенные поощрения социального плана;

◆ управляются процессами, которые связаны с социальным престижем и ранжированием, признанием совершенства и приобретением славы.

Особенно рельефно «чистый агон» представлен в так называемых воинственных обществах («warrior societies»), которые сформировались в некоторых культурах в «героический»

период «золотого века» («Heroic» of «Golden age»)² [McNamee, 1960; Sidhanta, 1929; Turvill, 1951]. В них преобладала воинственная культура и социальная структура, основанная на состязании. В данных типах общества «...военная деятельность являлась наиболее престижным средством выражения доблести, и так как она выражалась в соперничестве с теми индивидами, которые были вне данного племени (данной группы), то атлетические состязания являлись наиболее приемлемым средством выражения доблести среди членов племени (группы)» [Morford, Clark, 1976: 164]. «Воинственные общества» представляли собой «агональную социальную систему, так как их главной социокультурной характеристикой являлся дух конкуренции, выраженный в разнообразных агональных состязаниях – от игр до благородной войны, а также особое внимание уделялось самоутверждению, индивидуальному мастерству и поиску личной известности и славы» [Loy, Hesketh, 1984: 33].

Наиболее типичные «воинственные общества» Дж. Лой и Гр. Хескет подразделяют на две группы.

В *первую* группу они включают такие классические воинственные социальные структуры, как, например, Спарта в Древней Греции, рыцари эпохи Средневековья и самураи феодальной Японии.

Ко *второй* группе относят племенные военные общества: например, зулусы в Южной Африке, древние бедуины на Ближнем Востоке, индейцы в Северной Америке в XIX веке. Социальная структура данных типов общества основывалась на системе состязаний, главным из которых была война.

В характеристике псевдоагона Дж. Лой и Гр. Хескет исходят из положения, которое сформулировали У. Морфорд и С. Кларк: «Из-за отсутствия адекватных средств выражения агональный образ жизни практически исчез в XV столетии» [Morford, Clark, 1976: 187]. Поэтому, указывают они, примеры «чистого агона» редко встречаются в современном обществе. Однако «...если принять во внимание теорию Й. Хейзинги о том, что рыцарский кодекс и героические ценности хотя и в меньшей степени, но все же волновали человеческий разум в течение долгого периода после исчезновения феодализма и дворянства...» [Anchor, 1978: 69], то можно найти элементы агона, пусть даже псевдоагона, в современных условиях. Так, в современной американской культуре проявлениями наследия агона являются:

- ◆ акцент на достижении личного успеха;
- ◆ нацеленность на достижения и признание заслуг;
- ◆ забота о телесной культуре, молодежной культуре физической подготовленности;
- ◆ заинтересованность в военной мощи;
- ◆ противоречивое отношение к существующему в течение длительного времени культу мужественности;
- ◆ противоречивое отношение к оставшемуся аристократическому кодексу честной игры и спортивного духа (sportsmanship);
- ◆ противоречивое отношение к одержимости в занятиях спортом и в достижении спортивного успеха;
- ◆ противоречивое отношение к чувству собственного достоинства, социальному статусу, нравственным ценностям и к тому, что все-таки осталось от таких рыцарских качеств, как храбрость, мужество, честность и физическая доблесть [Loy, Hesketh, 1984: 44].

Как считают Дж. Лой и Гр. Хескет, наиболее четко остаточные явления агона выражены в современном обществе в институционализованных сферах деятельности, характе-

² «Золотой век» – это, по представлению многих древних народов, «самая ранняя пора человеческого существования, когда люди оставались вечно юными, не знали забот и огорчений, были подобны богам, но подвержены смерти, приходившей к ним как сладкий сон» [Сов. энциклопедический словарь, 1980: 472].

ризующихся соревновательным поведением и заботой о престиже. Яркими образцами таких сфер деятельности являются *военная сфера, искусство, наука и спорт*.

При выделении разновидностей соперничества следует иметь в виду разнообразие *элементов соревновательного отношения*.

Дж. Лой, Б.Макферсон и Дж. Кеньон, характеризуя соревнование как «борьбу за превосходство между двумя или несколькими противостоящими сторонами» и интерпретируя это выражение как «отношения соперничества между людьми, а также другими объектами природы, как одушевленными, так и неодушевленными», указывают, что в соответствии с таким подходом элементами отношения соперничества могут быть:

- состязание между отдельными людьми, например, бой двух боксеров или бег на 100 м;
- соревнование между отдельными командами, например, хоккейный матч или парусная регата;
- состязание между отдельными людьми или командами с живыми объектами природы, например, бой быков или охота на оленей;
- состязание между человеком или командой с неодушевленными предметами природы, например, преодоление участка с порогами на каноэ или скалолазание;
- борьба отдельного человека или команды с некоторыми стандартными условиями или с идеальным эталоном (например, спортсмен, пытающийся установить новый мировой рекорд в беге на 1500 м; баскетбольная команда, которая пытается забросить в корзину противника рекордное количество мячей; соревнование человека с самим собой – так, в айкидо не допускаются поединки соперников; здесь оценивается уровень демонстрируемой техники при сопоставлении ее с идеальным эталоном).

Возможны и различные комбинации этих соревновательных ситуаций. Например, спортсмен, участвующий в кроссе, может быть одновременно включен в борьбу со всеми следующими элементами: как человек против человека, как член команды против команды соперников и как индивидуум или член команды против «идеального» стандарта (при желании побить рекорд кросса в личном или командном зачете) [Loy, McPherson, Kenyon, 1978: 8, 9].

Из категории соперничества не исключаются также *проводимые человеком* состязания между животными (например, конные скачки) или между животными и искусственной приманкой в виде животного (например, собачьи бега за «зайцем») [Loy, McPherson, Kenyon, 1978: 24]. Основанием для этого является положение П. Вайса о том, что «когда животные или машины состязаются в скорости, скорость становится косвенным доказательством высоких качеств человека как тренера, дрессировщика, наездника, водителя и т. д., т. е. главным образом подчеркивает превосходство человека и его умение управлять, а также выдвигать определенные суждения, стратегию и тактику» [цит. по: Loy, McPherson, Kenyon, 1978: 24].

Особенности различных видов соперничества определяют и целевые установки его участников. На основе этого Г.Я. Головных предлагает различать два вида соперничества: «агонистику» – «соперничество в качестве игры» и «конкуренцию» – состязание, соперничество, которое ориентировано исключительно на практический успех. «Если на стороне агонистики свобода, то на стороне конкуренции – необходимость, выживание, стремление к успеху в утилитарной, практической сфере жизни» [Головных, 1998: 51].

Основанием для выделения различных форм и видов соперничества (соревнования) могут служить и другие присущие ему особенности, например:

- наличие или отсутствие правил;
- направленность (гуманные или антигуманные);

- предмет соперничества (например, отличие соревнований, в которых сравниваются и демонстрируются двигательные, физические возможности человека, от соревнований в интеллекте, памяти, внимании и других психических способностях);

- мотивы участия в соревновании (достижение победы, общение и т. д.);

- продолжительность соревнований и т. д.

В связи с *многообразием форм* и видов соперничества возникает вопрос о том, какое соперничество (соревнование) следует считать спортивным – *любое* или какое-то *особое, специфическое*.

3. Спортивное соревнование

Вопрос о том, что такое спортивное соревнование, является одним из наиболее дискуссионных при характеристике спорта

Разногласия в понимании спортивного соревнования

Многие исследователи не отличают *спортивное соревнование* – соперничество, присущее спорту, – от других форм состязания, т. е. *любую* соревновательную деятельность рассматривают как спортивную (по крайней мере не делают попытки отграничить спортивные состязания от каких-то других соревнований). Вот примеры такого подхода:

- «Спорт – соревновательная деятельность» [Визитей, 1986: 39].
- Спорт – «любой вид состязания, выявляющий психофизические и интеллектуальные возможности индивидуума» [Ермак, 1999: 17].
- «Основным стержнем в спорте – состязании всех видов, – является, как и в искусстве, игра» [Устиненко, 1989: 160].
- «С ранних времен и до высших ступеней культурной деятельности одной из самых мощных пружин самосовершенствования выступает жажда похвалы и почестей за превосходство. Люди стремятся к удовлетворению от хорошо, красиво сделанного. Сделать хорошо – значит сделать лучше другого, оказаться первым, показать себя первым. Для доказательства такого превосходства создается специальная сфера, ядром которой является соревнование, организованное соперничество. Эта сфера получила название – спорт» [Красников, 2003: 36].

В терминологическом плане возможен вариант, когда термин «*спортивное соревнование*» применяется для обозначения *любого* соревнования. Но такой вариант вряд ли целесообразен, поскольку противоречит сложившейся языковой практике и приводит к существенным трудностям. При его последовательной реализации придется причислить к спорту не только футбол, волейбол и другие аналогичные соревнования, которые традиционно рассматриваются как спортивные, но и такие (например, производственные соревнования, конкуренция и даже военные сражения и уличные драки), которые никогда не относились к числу «спортивных».

Поэтому при определении сущностных и специфических характеристик спорта важно решить вопрос о том, *какие именно* соревнования являются спортивными, какими основными чертами спортивное соревнование отличается от других соревнований.

По данному вопросу высказываются различные точки зрения.

Одну из них высказывает Н.Н. Визитей. Отходя от собственной позиции отождествления спорта с любым соперничеством, иногда он пытается выяснить особенность тех соревнований, которое присуще спорту. К числу таких особенностей спортивного соревнования прежде всего он относит то, что «*это официальное, систематически возобновляющееся (повторяющееся), организованное в соответствии с принципом «честного соперничества», соревнование*». Однако, как отмечает сам Н.Н. Визитей, этих признаков недостаточно для отличения спортивного соревнования от других, так как «нетрудно привести примеры ряда официальных, регулярно проводимых соревнований, которые к спортивным видам деятельности не относятся» (например, «художественные конкурсные соревнования, а также состязания трудовые, производственные») [Визитей, 2006: 52]. К этому следует добавить, что и признак «*честное соперничество*» вряд ли является существенным и специфическим качеством спортивного соревнования. Если термин «*честное*» понимать как соперничество в соответствии с правилами, то такой его характер в полной мере относится и ко многим дру-

гим соревнованиям, в том числе художественным конкурсам, трудовым соревнованиям и т. д. Если же этот термин понимать как соперничество в соответствии с нормами нравственности, то такая особенность соперничества также присуща многим другим (в том числе указанным выше) соревнованиям, а самое главное, вряд ли свойственна многим спортивным соревнованиям (особенно в спорте высших достижений и профессиональном спорте).

Пытаясь решить обсуждаемую проблему, Н.Н. Визитей в одной из своих ранних работ основное существенное качество спортивного соревнования усматривает в следующем: «Характерной чертой спортивной деятельности является то, что соревновательная борьба в ней представлена в наиболее чистом виде». Он так разъясняет это не совсем понятное утверждение: «Спорт не может существовать без соревнования, и если спортивную деятельность лишить (в нашем воображении) соревновательного характера, то перед нами останется не полноценная человеческая деятельность, а бессмыслица (у футбольной команды или боксера «отняли» соперника) или просто некоторое движение как таковое, как физиологический в конечном счете акт». Именно этим, по его мнению, спортивные соревнования отличаются «от любого иного официального соревнования», «например, от конкурсных соревнований в сфере исполнительской художественной деятельности или от производственного социалистического соревнования: и здесь, и там устранение соревновательной ситуации всегда оставляет нам полноценную социальную деятельность (производственный труд, исполнительское творчество), которая вполне может существовать и часто существует без каких-либо официально организуемых соревнований» [Визитей, 1979: 33, 34, 39].

Тот же аргумент Н.Н. Визитей повторяет и в более поздних работах: «Лишение спорта официального соревновательного момента *полностью подрывает*, по сути, возможность данному процессу (данному случаю человеческой активности) выступить в качестве какой бы то ни было полноценной социальной деятельности или во всяком случае предельно ослабляет такого рода его способность. Чаще всего перед нами в таких обстоятельствах остаются просто бессмысленные действия. Спорт в силу сказанного можно определить как *«чисто соревновательную» деятельность, или как самую соревновательную деятельность из всех официально организуемых, регулярно повторяющихся соревнований»* [Визитей, 2006: 53—54, 62; 2009: 156—157].

С некоторыми положениями данной аргументации можно согласиться. Если соревновательность рассматривать как существенное и специфическое качество спорта, то устранение в нем соревновательной ситуации действительно приводит к тому, что он перестает быть спортом. Это не происходит с другими видами деятельности, которые могут включать в свою структуру соревнование как элемент, а могут существовать и без соревнования.

На эту важную отличительную особенность спорта обращают внимание и другие исследователи. «Само по себе соревнование свойственно не только спорту, но и другим видам человеческой деятельности. Соревнуются между собой отдельные фирмы, компании; проводятся кинофестивали, конкурсы пианистов и певцов, артистов балета и цирка. Однако исключение состязательного момента из этих видов деятельности не разрушит их существа, поскольку он не является их специфической основой. Спортивная же деятельность без своего главного составного элемента соревнования полностью утрачивает свой смысл, свою специфику» [Алексеев, Гостев, Курамшин, Лотоненко, Лубышева, Филимонова, 2013: 71]. «Уникальность положения человека в спорте, – пишет С.И. Филимонова, – состоит в том, что это единственная официальная сфера социальной деятельности, которая требует от индивида прежде всего вступить с другим индивидом в соревнование, правила которого оговорены заранее, и стремиться в этом соревновании выиграть». Конечно, отмечает она, межличностные соревнования имеют место и в других социальных сферах – в труде, искусстве, науке, политике и т. д. «Однако исключение состязательного момента из перечисленных выше видов деятельности не разрушит их существа, поскольку он не является их спе-

цифической основой. Спортивная же деятельность без своего главного составного элемента – соревнования – полностью утрачивает свой смысл и свою специфику» [Филимонова, 2004: 206, 207].

Но вряд ли можно согласиться с утверждением Н.Н. Визитея, что устранение соревновательной ситуации в спортивной деятельности приводит к превращению этой деятельности в «бессмыслицу» или простой «физиологический» акт. На самом деле в этом случае данная деятельность (например, игра с мячом в футболе, бег в легкой атлетике) просто преобразуется в определенную *несоревновательную* деятельность, которая может выступать как игра, как средство физического воспитания, отдыха, развлечения и т. д.

Требует уточнения и еще одно положение.

Устранение соревновательного момента не только из спортивного соревнования, но и других видов соревнований (например, социалистического или художественного) также приводит к тому, что они утрачивают свою сущность и специфику как определенного соревнования. Другое дело, что сохраняет свою сущность та деятельность (в данном случае производственная или художественная), вспомогательным элементом которой является соревнование.

Многие исследователи при характеристике специфики спортивных соревнований как центрально элемента спорта часто подчеркивают их связь с *движениями* человека. «Спортивными» считают соревнования в *двигательной* деятельности, т. е. такие, которые имеют своей целью выявление, сравнение, развитие и демонстрацию *двигательных* возможностей человека, его физических качеств и способностей.

- Спорт – это «исторически сложившаяся состязательная форма проявления, развития, сравнения и демонстрации способностей, необходимых в сфере двигательной деятельности и связанных, с перемещением в пространстве», «социальный институт формирования культуры двигательной деятельности», «система ценностей культуры двигательной деятельности и социальный институт ее развития, распространения и освоения [Наталов, 1974, 1976, 1993, 1994].

- Спорт – это «уникальный социальный институт развития, распространения и освоения культуры двигательной деятельности человека и человечества» [Лубышева, 2001: 235].

- Спорт – это «игровая деятельность, направленная на раскрытие двигательных возможностей человека в условиях соперничества», «исторически сложившаяся состязательная форма двигательной деятельности» [Выдрин, 1980].

- Спорт – это «определенная совокупность физических упражнений в единстве со специфическими общественными отношениями, являющаяся составной частью сферы культуры» [Григорьянц, 2005: 13].

- «Спорт является физическим движением, движением тела; спорт подчиняется принципу высших достижений; спорт регулируется социальными нормами; спорт непродуктивен» [Heinemann, 1980a: 32].

- Спорт – это «современная форма культурной двигательной активности» [Wohl, 1979, 1981, 1984a].

- Авторы книги «Спорт и социальные системы» рассматривают спорт как формализованную игру, требующую демонстрации физической силы [Loy, Kenyon, McPherson, 1981: 10].

Усмотрение специфики спортивных соревнований в связи с *движениями* человека проявляется и в той широко распространенной (прежде всего в отечественной науке) точке зрения, согласно которой *спорт понимается как элемент физической культуры*, ориентированной на формирование, коррекцию, совершенствование человеческой телесности.

В *терминологическом* плане такого рода характеристика спортивных соревнований *возможна*, но *нецелесообразна* хотя бы потому, что из числа спортивных придется исклю-

чить шахматы, шашки и другие аналогичные соревнования, которые традиционно включаются в мир спорта.

При определении спорта, выяснении особенностей спортивного соревнования часто фигурирует также ссылка на *игровой* характер спортивного соперничества [Кайуа, 2007; Люшен, 1979; Пономарев, 1972 и др.]. Американский социолог Х. Ибрахим, например, так характеризует спорт: «Спорт, свойственная человеку форма самовыражения, развивается из кинетической игры и санкционируется культурами как свободная деятельность. Спортивные цели достигаются в ситуации соперничества, в рамках серии правил, по поводу которых существует предварительное соглашение, т. е. правил, выносимых на третейский суд». В соответствии с таким подходом к числу необходимых условий спорта (а значит, и спортивного соревнования) он относит самовыражение, соревнование и наличие третейского суда, а к числу достаточных условий его существования: 1) игру, которая рассматривается как единственная теоретическая предпосылка спортивной ситуации и 2) кинетическое участие, что предусматривает и спортивного зрителя [Ibrahim, 1975: 27, 28].

Иногда признается не только *связь* спорта и игры, но он рассматривается как *разновидность* игровой деятельности. Так, например, спорт характеризуется как «всякая физическая деятельность, имеющая характер игры и предполагающая борьбу человека с самим собой, с другими людьми или с силами природы» [Манифест о спорте... 1971], как «любая формализованная игра, требующая демонстрации физической силы» [Meier, 1981], как «игровая деятельность, направленная на раскрытие двигательных возможностей человека в условиях соперничества» [Wohl, 1984a].

С. Мозер в статье «Исходные пункты философского анализа спорта» высказывает мнение о том, что спорт имеет все те компоненты, которые олицетворяют игру: свои правила, свободные, доставляющие удовольствие действия, определенное и ограниченное место игры, повторяемость, «порядок и ритм», «напряжение и разрядку», «неопределенность», «необычность, элементы приключений, экономическую бесполезность» и т. д. Даже альпинизм, по его мнению, является «игрой», однако «серьезной игрой» с риском для жизни: гора в этом случае выступает в качестве «гипостазированного противника», символизирующего задачу подняться на гору [Moser, 1960].

Выделяются и другие особенности спортивного соревнования.

Особенно часто к их числу относят наличие *правил* в этом соревновании. Так, Дж. Липец (Польша) считает, что спорт является формой борьбы, но борьбы, оговоренной правилами, определенными средствами. Мы не знаем, отмечает он, кто, в конечном счете, добьется успеха на стометровке, но мы не сомневаемся, что в этой игре конкуренты начнут дистанцию в одной и той же точке, в одно и то же время, что они будут следовать по своим дорожкам по финишной линии и время будет измерено для них согласно общему расчету. Никто не знает результат футбольного матча, потому что, пока мяч находится в игре, может случиться все что угодно. Известно, что игроки должны избегать игры рукой, что главными очками в игре являются голы, а не число поданных угловых, что за фолы прощаются штрафные и что гол не может быть забит из аута. Мы не знаем, какой тяжелоатлет победит, но мы заранее можем сказать, что это будет тот, у кого сумма поднятого веса будет больше, чем у соперников, а если таковой будет равным, победа будет присуждаться тому, кто меньше весит. Лучшим пловцом вольного стиля окажется не тот, кто задержит под водой большее количество соперников, а тот, кто, плывя по своей дорожке, наиболее эффективно преодолеет данное расстояние за более короткое время, чем остальные соперники [Lipiec, 1999a].

Роже Кайуа, характеризуя спортивное соревнование (агон) как разновидность игры, указывает на *искусственно создаваемое равенство шансов* в этом соперничестве: «Агон. — Целая группа игр представляет собой состязание, то есть борьбу, где искусственно создается

равенство шансов и противники сталкиваются друг с другом в идеальных условиях, обеспечивающих точную и неоспоримую оценку одержанной победы. То есть во всех таких случаях имеет место соперничество, нацеленное на какое-то одно качество (быстроту, выносливость, силу, память, ловкость, хитрость и т. д.), применяемое в определенных рамках и без всякой помощи со стороны, так что победивший оказывается лучшим в данной категории достижений. Таково правило спортивных соревнований и их многочисленных подразделений, где сталкиваются друг с другом два индивида или две команды (поло, теннис, футбол, бокс, фехтование и т. д.) или же неопределенное число конкурентов (всевозможные гонки, соревнования по стрельбе, гольф, атлетика и т. д.). К тому же классу относятся и игры, в которых противники располагают вначале точно одинаковыми по числу и ценности исходными ресурсами. Отличными примерами могут служить шашки, шахматы, бильярд». Но под *спортивным соревнованием* Р. Кайуа понимает лишь «мышечный агон» – соревнование, в котором сопоставляются физические качества: «Главным принципом соперничества с очевидностью является исходное равенство шансов, так что для игроков разного класса его даже восстанавливают с помощью форы, то есть в рамках изначально установленного равенства шансов вводится некое вторичное неравенство, пропорциональное предполагаемому соотношению сил между участниками. Показательно, что такой обычай существует как для мышечного агон'а (спортивных соревнований), так и для агон'а умственного (например, в шахматах, где слабейшему игроку дают вперед лишнюю пешку, коня, ладью)» [Кайуа, 2007: 52, 53].

Некоторые исследователи отмечают «гуманный» («гуманизированный») характер спортивного соревнования.

♦ Спорт – «область состязаний, в которой реальный ущерб избегается, а реванш за поражение можно взять только на этих же условиях» [Elliot, 1974: 116].

♦ Г. Люшен считает, что благодаря развитию в институциональных рамках (правила соревнования, провозглашаемые и неявные договоры, ограничивающие пространственные и временные условия) спорт превращается в развлечение и удовольствие, которое более не ведет к уничтожению проигравшего; само же соревнование оказывается наполненным напряжением и риском [Philosophie des Sports, 1973: 127].

♦ Н. Элиас и Э. Даннинг отмечают, что благодаря принятию правил, вписывающих состязания в определенные – свои для каждого вида спорта – рамки, за которые участники обязуются не выходить, жестокость, в прошлом неизменно сопутствовавшая спорту, постепенно была смягчена; кроме того, были выработаны запреты на упражнения, сопряженные со слишком большой опасностью [Elias, Dunning, 1986].

♦ Л.П. Матвеев возникновение спортивной деятельности связывает с тем, что «противоборствующее начало в ней гуманизировалось и обретало неантагонистический характер». Он обращает внимание на то, что «гуманные основы спортивного движения обязывают включать в сферу спорта лишь те виды действий и типы поведения, которые выявляют жизненно ценные свойства индивида и способствуют утверждению достоинств личности», и подчеркивает, что «с этих позиций принципиально недопустимы все еще предпринимаемые кое-кем попытки придать статус «видов спорта» потешным состязаниям типа тех, какие по сути унижают достоинство человека и чреватые ущербом для здоровья (к примеру, таким, как состязания... в плевках на дальность или на рекорд в поглощении пива)» [Матвеев, 1997: 9, 11].

Ряд исследователей возникновение спорта связывают с переходом от такого способа разрешения внутренних межиндивидуальных и групповых конфликтов, который предусматривал применение военных средств и обычно заканчивался уничтожением одного из соперников, к использованию для этой цели мирного противоборства и состязательных игр [Боген, 1989; Демин, 1975; Ермак, Пилоян, 1997]. Д. Моррис считал, что человеку изначально при-

сущ охотничий инстинкт, и рассматривал спортивную активность как существенно модифицированную форму охоты, в которой изначальная цель убийства животного заменяется символической – победить. Проводя различие между воинственно кровавым спортом прошлого столетия и бескровным спортом современного человека, он подчеркивал важное значение современного спорта как активности, уменьшающую шансы развязывания войны [Morris D.G.S., 1978].

Чаще всего указывается не одна, а несколько особенностей спортивного соревнования. Так, авторы недавно опубликованной коллективной монографии на основе «анализа многочисленных исследований» пришли к выводу, что «главными особенностями спортивных соревнований являются:

1) строгая регламентация деятельности участников соревнований, обслуживающего персонала и других лиц;

2) полифункциональность, полиструктурность и полипроцессуальность деятельности, протекающие в экстремальных условиях;

3) наличие в каждом соревновании процесса борьбы, противоборства, неантагонистического соперничества, конкуренции, которые проявляются в стремлении одержать победу, достигнуть максимального результата;

4) высокая общественная и личная значимость для каждого спортсмена и самого процесса борьбы, и достигнутого спортивного результата;

5) высокий эмоциональный фон деятельности, вызванный максимальными физическими и психическими напряжениями [нередко превосходящими возможности спортсмена] в условиях непосредственной борьбы за результат;

6) непосредственное или опосредованное взаимодействие соревнующихся противников, при котором каждый стремится к достижению превосходства над соперниками и в то же время противодействовать им; равенство условий и сравнимость результатов каждого участника соревнований с помощью определенного стандарта с результатами других спортсменов, знакомых с критериями сравнения и имеющих возможность оценить результат выступления.

7) сравнимость результатов возможна благодаря наличию тщательно разработанных правил и положений о соревнованиях, института квалифицированных судей, технических средств и навыков фиксации спортивных достижений. Равные условия участия и справедливое определение победителя создают на соревнованиях ту социально – нравственную среду, в которой полнее и свободнее раскрывается спортивный потенциал, создаются предпосылки для проявления возможного доверия и бескорыстного обмена спортивно—техническими и духовными ценностями.

8) наличие определенных форм и требований, выполнение которых дает право на присвоение спортсмену звания «спортсмен – разрядник», «мастер спорта», «мастер спорта международного класса» и «заслуженный мастер спорта» [Алексеев, Гостев, Курамшин, Лотоненко, Лубышева, Филимонова, 2013: 7475].

Некоторые авторы к числу существенных особенностей соревнования в спорте (и спорта в целом) относят и такие его черты, как «непродуктивный» характер и подчинение «принципу высших достижений» [Воронин, 2003; Heinemann, 1980a], религиозно-магический (и даже мистический) характер [Блеер, Неверкович, Передельский, 2012; Передельский, 2008б, 2011а, б, в, 2014; Передельский, Коников, 2010].

Ссылка при характеристике спортивного соревнования на многие из указанных выше его особенностей, по-видимому, не решает (по крайней мере в полной мере) обсуждаемой проблемы. Одни из этих особенностей (например, наличие соревнования, его строгая регламентация, правил, гуманный характер и т. п.) *присущи не только* спортивному соревнованию. Другие (например, игровой характер спортивной деятельности, ориентация на выс-

шие достижения, соревнование в двигательной деятельности и т. п.) *не присущи некоторым разновидностям спорта* (например, игровой характер спортивной деятельности – спорту высших достижений). Третьи (например, религиозно-магический характер соперничества в спорте) свойственны спорту лишь *на определенном этапе его исторического развития* (например, в Древней Греции).

Разработанная автором данной книги теоретическая концепция спортивного соревнования (и спорта в целом) изложена в ранее опубликованных работах [Столяров, 1997 г, 1998ж, 2002 г, 2003в, 2004в, 2005а, 2011и, 2013б, д, к, л, Столяров, Баринов, 2011 и др.].

В данной работе эта концепция излагается с некоторыми уточнениями и дополнениями.

Авторская концепция спортивного соревнования

Ответ на вопрос о том, что такое спортивное соревнование и чем оно отличается от других соревнований, существенно облегчается, если попытаться выяснить, *почему и зачем (для решения какой социальной проблемы)* оно появилось. А для этого следует обратиться к *роли и значению соперничества* людей в тех или иных жизненных ситуациях.

Соперничество, безусловно, играет определенную *позитивную роль* в жизни людей [Соревнование и конкуренция... 1971]. Как отмечено выше, при определенных условиях оно позволяет человеку сравнить, сопоставить свои способности с другими людьми, выяснить, в чем он превосходит их или, напротив, уступает им. Тем самым состязание побуждает людей к активности, к формированию, развитию, совершенствованию своих способностей. Напомню известные слова К. Маркса: «...уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (*animal spirits*), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц...» [Маркс, 1980: 337]. Поэтому соревнование является важным (хотя и вспомогательным) элементом различных видов деятельности (трудовой, военной и др.), содействуя решению их основных задач.

Но соперничество может иметь и *негативные* последствия. В разнообразных формах состязания, борьбы, возникающих в жизни людей, соперничество нередко унижает достоинство личности, наносит вред здоровью и даже заканчивается трагически, по крайней мере для одной из соперничающих сторон. Наиболее ярким примером соперничества с таким его последствием является война. Кроме того в соревнованиях, которые проходят в обычных жизненных ситуациях (в том числе в той или профессиональной деятельности – например, трудовой, военной и т. д.), как правило, *затрудняется объективная сравнительная оценка способностей соперников*, так как эти способности они проявляют в разных условиях. В этом плане соперничество является *несправедливым*.

В связи с этим издавна возникла важная социальная задача: устранить (хотя бы смягчить) негативные стороны соперничества, сделать его более *гуманным* (проблема гуманизации соперничества) и более *справедливым*.

Предпринимались и предпринимаются разнообразные попытки решения этой задачи. Так, например, чтобы придать военным сражениям более «гуманный» характер, запрещается использование определенных видов вооружения.

Некоторые черты «гуманности» по сравнению с обычным военным сражением имеет *дуэль*. «Дуэль уже сама по себе является средством для обуздания насилия, причем двойственным образом. С одной стороны, она желает монополизировать право на насилие для высших слоев. С другой стороны, она ритуализирует насилие. Уже дерутся не в порыве мгновения, а вежливо договариваются на следующее утро для того, чтобы в присутствии секундантов в борьбе разрешить конфликт» [Krockow, 1980: 44]. Организация дуэли в Западной Европе, как отмечает А.Н. Круглов, «предполагала в большинстве случаев максимально

достижимое равенство возможностей, шансов противников, ибо только в этом случае исход поединка мог считаться справедливым». Для иллюстрации он приводит несколько правил дуэли на холодном оружии из русского руководства начала XX века: «Если один из противников не владеет холодным оружием, ему дается срок (3–4 месяца) для изучения дуэльного боя, причем в этот промежуток времени противник его не имеет права практиковаться»; «На месте секунданты наблюдают, чтобы шансы противников были равны: грунт, освещение, оружие и пр.» [Круглов, 2000: 170].

Определенные писанные и неписанные правила, нормы поведения вводятся и в других видах соперничества (к примеру, юридические нормы конкуренции, правило «лежачего не бьют» в русской народной рукопашной битве «стенка на стенку») и т. д.

Но теоретический анализ и реальная практика выявляли ограниченность указанных мер для придания соперничеству гуманности и справедливости. Лишь в ходе длительных поисков был найден магистральный путь решения данной проблемы – заменить *обычные* соревновательные ситуации жизнедеятельности людей на такие *искусственно создаваемые*, которые отвечают следующим основным *требованиям*:

по возможности *обезопасить* участников соперничества от трагических последствий, от нанесения вреда их здоровью, от унижения достоинства их личности, а значит, сделать соперничество *гуманным*;

создать для соперников *равные условия*, тем самым обеспечить возможность *унифицированного сравнения, объективной оценки* их способностей, и в этом отношении сделать соперничество более *справедливым*.

Была найдена и эффективная *социальная «технология»* создания такого рода искусственных ситуаций соперничества.

Данная технология предусматривает следующее:

– *предметы*, с которыми действуют в обычных жизненных ситуациях соперничества и которые имеют утилитарное (прикладное) значение, заменяются на иные («условные», «игрушечные»), не имеющие такого значения и приспособленные для указанных целей;

– соответствующим образом модифицируется *место* соперничества;

– формулируются *правила*, уточняющие, что можно делать соперникам и что им запрещено (правила-запреты);

– вводятся особые лица (*судьи*), обеспечивающие соблюдение данных правил и дающие оценку выступлению участников соревнования.

На основе данной социальной процедуры возникает *особая форма (разновидность) соперничества*. Ее особенность состоит в том, что *соревнование проходит в особых, искусственных ситуациях, специально создаваемых на основе указанной технологии с целью обезопасить здоровье и достоинство личности его участников, обеспечить унифицированное сравнение, объективную оценку их способностей и тем самым само соперничество сделать более гуманным, справедливым*.

По отношению к обычным жизненным соревновательным ситуациям такого рода соревнование выступает как их *гуманная и справедливая модель*: в соперничестве не ставится задача ранить, уничтожить соперника, унижить его достоинство, все соперники действуют в одинаковых условиях, по одним и тем же правилам, и само соперничество призвано дать им возможность объективно оценить свои способности и содействовать развитию их личностных качеств.

Такое соперничество имеет общие черты с *игровой* деятельностью. Как и игра, оно проходит *в искусственно создаваемых условиях*, подчиняется определенным *правилам*, и тем самым конфликтное взаимодействие соперников носит *условный* характер. Как отмечает Ф. Лебедь, «игровой характер любого соревнования обеспечивается условностью конфликтного взаимодействия соперников» [Лебедь, 2005: 70]. Поэтому для дифференциации указан-

ной разновидности соперничества от других его форм можно использовать понятие «*игровое соперничество*».

При этом вслед за авторами книги «Спорт и социальные системы» данная разновидность соперничества понимается как «любой вид состязания, характеризующийся одним или несколькими атрибутами игры» [Loy, Kenyon, McPherson, 1981: 5].

Игровое соперничество может быть *вспомогательным элементом* какой-либо деятельности (например, трудовой, военной, научной, художественной и др.), содействуя решению ее основных задач. Такими являются, к примеру, игровые соревнования (*конкурсы*) трактористов, артистов и т. д. Именно в такой форме первоначально и появляются игровые соревнования.

Вместе с тем на определенном этапе появляются *спортивные соревнования* – *игровые соревнования как такая относительно самостоятельная деятельность, в которой унифицированное сравнение, объективная оценка тех или иных способностей соперников является основной, а не вспомогательной целью иной деятельности.*

Анализ соревнований, традиционно относимых к сфере спорта, показывает обоснованность такой характеристики спортивных соревнований.

Во-первых, они обладают существенными признаками игрового соперничества: проходят в искусственно создаваемых ситуациях, которые отвечают указанным требованиям, предусматривают соблюдение определенных правил, в том числе правил-запретов, а также наличие судей, объективно оценивающих те или иные способности соперников. *Во-вторых*, существенным признаком соревнований, традиционно относимых к сфере спорта, является и то, что унифицированное сравнение, объективная оценка тех или иных способностей соперников в этих соревнованиях является *основной* целью самостоятельной деятельности (спортивной), а не *вспомогательной* целью иной деятельности.

Именно этими качествами, например, спортивное соревнование в боксе отличается от уличной драки, а спортивное фехтование как один из видов спорта – от боевого фехтования, настоящего, или утилитарного, боя.

А.Н. Круглов подразделяет утилитарный бой на «сражение, поединок без правил и на поединок по определенным правилам (дуэль)». При этом он указывает, что «точка зрения А. Люгарра, высказанная им в начале XX в., выражает промежуточную ступень движения от боевого фехтования к фехтованию спортивному.

А. Люгарр выделяет три элемента в фехтовании: гимнастику (приспособление себя к основным движениям тела и оружия), искусство (легкое, пластичное, красивое применение на практике того, что дает гимнастика и теория фехтования) и, наконец, науку. К последней он относит «все касающееся в фехтовании ума и сознания: изучение общей схемы боя, понятие сущности тактики нападения и защиты, усвоение этики фехтования, выяснение себе значений ответных и, главное, контрответных ударов, глубокое знание комбинаций защит с атаками, умение быстро изучить противника, его тактику, его нервы и характер» [Круглов, 2000: 186].

История возникновения и развития наиболее популярной спортивной игры – *футбола* показывает, например, как постепенно в ходе исторического развития формируется соперничество, обладающее указанными особенностями.

В начале своего развития (около 200 лет назад) футбол был грубой игрой. Каждый игрок действовал как ему заблагорассудится, и во многих случаях футбол был ничем иным, как проявлением неограниченной агрессивности. Это приводило ко все более серьезным травмам. Неудивительно, что в этих условиях общество осуждало футбол как варварскую игру. В Англии в этот период футбольные команды часто сравнивались с первобытными ордами, сметающими все на своем пути [Штемме, 1981: 21]. Для смягчения агрессивных импульсов и контроля за социальными конфликтами посредством известной формы дисци-

плины в футболе возникла потребность учредить комплекс правил. Эти правила должны были отвечать ряду требований: 1) быть достаточно простыми; 2) не лишать игру интереса; 3) соблюдаться всегда и полностью. Такие правила были введены в Англии примерно в 1850 г. Это соответствовало духу того времени: общество стремилось ограничить грубость и насилие не только в футболе, но и во всех областях жизни. В результате введения правил футбол претерпел существенную модификацию. Из динамической формы деятельности, в которой конфликты между индивидами и группами разрешались силой или угрозой нанесения ущерба другой стороне, он был преобразован в цивилизованную «отдушину» для агрессивности и межгрупповой напряженности. Тем самым было положено начало тому футболу, который всем нам ныне знаком.

В Америке развивается футбол, отличный от европейского. Первоначально он также был неразрывно связан с увечьями игроков. И только в 1905 г., когда во время футбольных матчей погибли 18 человек и 159 получили серьезные увечья, президент Рузвельт распорядился принять меры, ограждающие жизнь и здоровье спортсменов. Под его нажимом в правила игры были внесены некоторые изменения [Штемме, 1981; Dunning, 1971].

Аналогичная модификация соперничества характерна для *бокса*, который появился в Америке в 1750 г. Длительное время он был «кровавым» спортом, так как противники выступали без перчаток, а схватки продолжались по 45, а то и более раундов и заканчивались, когда один из жестоко избитых соперников сдавался или валился замертво. Широкие протесты общественности заставили конгресс подготовить закон о полном запрещении бокса по всей стране. Лишь после введения в 1896 г. правил маркиза Куинсбери бокс стал более или менее «цивилизованным» [Киселев, 1986; Reeks, 1985].

Такие же изменения происходят и в *спортивной борьбе* в ходе ее истории. На это указывает Н. Элиас в своей работе «Генезис спорта как социологическая проблема». Согласно правилам Олимпийских игр от января 1967 г. в борьбе свободного стиля запрещены определенные приемы, такие как захваты с удушением, двойной нельсон с давлением использованием ноги как нарушение правил, удар кулаком, подножка, удар в голову. Борьба продолжается не более девяти минут и проходит три раунда по три минуты с одноминутной паузой; контроль производится судьей на ринге, тремя судьями по очкам и одним секундометристом. Борьба (панкратия) в Древней Греции не была регламентирована в такой высокой степени. Хотя там был судья, но не было хронометриста и никакого ограничения по времени. Борьба продолжалась, пока один из противников не сдавался.

Н. Элиас приводит такие иллюстрации: «Леонтис из Мессины, дважды выигрывавший на соревнованиях по борьбе в первой половине V в. до н. э., получил олимпийскую корону не за победы, а за то, что он, бросая своих противников, ломал им пальцы. Аррахион из Пигалии, дважды олимпийский победитель в панкратии, в 564 г. до н. э. был задушен во время его третьей попытки выиграть олимпийскую корону; но перед смертью ему удалось сломать палец ноги своего противника, и тот от боли вынужден был уступить в борьбе. Судьи объявили Аррахиона победителем посмертно» [Элиас, 2006: 48–49].

Аналогичный процесс имел место и в других видах спорта [Donnelly, Young K.M., 1985; Dunning, 1979; Petryszak, 1977].

На основе изложенного выше спортивное соревнование можно охарактеризовать следующим образом.

Спортивное соревнование – это соревнование, которое:

проходит *не в обычных, а в искусственных (игровых) ситуациях*, специально создаваемых с целью: а) обезопасить участников соперничества от трагических последствий, от нанесения вреда их здоровью, от унижения достоинства их личности, а значит, сделать соперничество гуманным; б) создать для соперников равные условия, тем самым обеспечить

возможность унифицированного сравнения, объективной оценки их способностей, и в этом отношении сделать соперничество более справедливым;

осуществляется на основе определенных *правил*, при участии особых лиц (*судей*), обеспечивающих соблюдение этих правил и оценивающих результаты соперничества;

предполагает, что унифицированное сравнение, объективная оценка способностей соперников выступает как относительно самостоятельная деятельность, в которой эта процедура является *основной, а не вспомогательной целью* иной деятельности³.

Эти особенности спортивного соревнования создают уникальную возможность – на основе объективной оценки построить обоснованную иерархию *всех* лиц, обладающих теми или иными спортивными способностями (с указанием определенного места каждого из них в этой иерархии), выявить самых лучших из них.

В других сферах социальной жизни это затруднительно – в первую очередь из-за существенно различных условий и задач деятельности в этих сферах.

«Достижение в других областях остается невидимым для многих людей и зачастую может быть оценено только экспертами, в спортивном успехе – немедленно узнаваемо; сейчас это может быть очевидным для всех – также через СМИ. На каждом уровне стандарты достижения известны обоим участникам и аудитории, и репутация участников улучшается или ухудшается в зависимости от того, как близко к этим стандартам они подходят» [Кулаков, 2007: 29].

Заслуживает внимания, однако, вопрос о том, *насколько социально значимы достижения в развитии спортивных способностей* (например, способности быстро бегать или прыгать, метать молот и т. д.) *если их сравнивать с достижениями в других сферах* (например, в решении задач трудовой или научной, художественной и т. д. деятельности).

Первоначально (на первых этапах развития спорта) спортивные достижения воспринимались как чисто условные, игровые, поскольку и сам спорт выступал лишь как средство развлечения. Однако на определенном этапе развития общества и самого спорта (особенно в настоящее время) наблюдается абсолютизация роли и значения достижений в спортивном соперничестве – они начинают восприниматься как свидетельство превосходства той или иной социально-политической или экономической системы, нации, расы и т. д., а иногда рассматриваются как более существенные для престижа страны по сравнению с достижениями даже в таких областях, как наука, культура, качество жизни населения и т. д.

Унифицированное сравнение, объективная оценка способностей соперников – центральная, но не единственная задача спортивного соревнования.

Указанные выше особенности позволяют использовать его в целях оздоровления, воспитания, рекреации и других социокультурных и педагогических задач. Конкретное содержание задач, которые могут решаться и действительно решаются на основе спортивных соревнований, зависит от многих *субъективных и объективных факторов*.

В этом плане важно иметь в виду *диалектически-противоречивый* характер возможных и реальных функций спортивных соревнований [Столяров, 1998а, ж, 2004 г, 2011з, и].

Следует иметь в виду, что *в определенной системе понятий может возникнуть необходимость уточнения (коррекции) указанного выше понимания спортивного соревнования, введения ряда новых понятий и т. д.*

Так, например, важная особенность спортивных соревнований в современном спорте состоит в том, что они организуются как *официальные* соревнования (соревнования в официально признанных видах спорта), их организуют общественные органы самоуправления (спортивные федерации) и т. д. [Лебедь, 2005: 15], т. е. в результате процесса институцио-

³ Этот третий важный признак спортивного соревнования в своих прежних публикациях я не указывал.

нализации данные соревнования (спорт в целом) превратилось в определенный *социальный институт*.

На основе этого иногда к числу спортивных соревнований относят только соревнования, обладающее указанной особенностью.

Но предпочтителен другой вариант – подразделить спортивные соревнования на *официальные* и *неофициальные*, закрепив это разделение в соответствующих понятиях.

Необходимость уточнения понятия спортивного соревнования может возникнуть и в связи с использованием в понятийном аппарате понятия «художественный конкурс», которое также характеризует определенный вид соревнования [см. 2011и].

На основе уточнения понятия спортивного соревнования становится возможным дать характеристику спорта в целом, его видов, форм, разновидностей и т. д.

4. Понятие и многообразие спорта

Прежде всего следует уточнить понятие спорта.

Понятие спорта

В отечественной литературе принято различать понятие «спорт» в *узком* и *широком* смыслах.

Понятие «спорт» в *узком смысле* выделяет особую (охарактеризованную выше) соревновательную деятельность, спортивное соревнование.

Понятие «спорт» («спортивная деятельность») в *широком смысле* характеризует весь комплекс социальных явлений, складывающихся на основе спортивных соревнований и в связи с ними. К их числу относятся: подготовка к спортивным соревнованиям, спортивные результаты и достижения, определенные отношения, а также нормы и принципы поведения, складывающиеся в ходе этих соревнований и подготовки к ним, спортивное движение и т. д. Подробная характеристика всех этих явлений дается в теории спорта на основе введения соответствующих понятий. Значит, «в широком смысле понятие «спорт» охватывает собственно соревновательную деятельность, специальную подготовку к ней, а также специфические межчеловеческие отношения и поведенческие нормы, складывающиеся на основе этой деятельности» [Матвеев, 1991: 427; Толковый словарь... 1993: 278].

Спорт, особенно современный, необычайно многообразен. Поэтому необходим ряд понятий для того, чтобы учесть это разнообразие спорта, особенности его различных форм.

Многообразие спорта

В науках о спорте и в спортивной практике прежде всего выделяют различные *виды спорта* — футбол, волейбол и др.

При классификации видов спорта традиционно принято указывать на то, что они отличаются друг от друга «конкретным предметом состязания, составом допускаемых действий и способов спортивного противоборства (спортивной техникой и тактикой), регламентом состязания и критерием достигаемого результата» [Матвеев, 1997: 11].

Но в социально-педагогическом плане важное значение имеет также *социокультурная* и *экологическая* классификации видов спорта [Алфимов, Белоусов, 1981; Артамонова, 2007; Якимович В.С., Исинбаева, 2009].

С учетом специфики задач, которые могут решаться и решаются в ходе спортивной деятельности, принято наряду с видами спорта выделять *разновидности* спорта или, как еще их называют, «*профилирующие направления*» социальной практики спорта [Матвеев, 2001].

В этом отношении прежде всего различают «*спорт для всех*» и «*спорт высших достижений*». Первую разновидность иногда называют «*общедоступным*», «*ординарным*», «*массовым*» спортом, а вторую «*большим*», «*рекординным*», «*элитным*» спортом.

Встречается и такой терминологический вариант, когда первую разновидность называют «*спортом*», а вторую — «*атлетикой*» [см., например, Keating, 1965a, b]. «Спорт для всех» («массовый спорт») упоминается и характеризуется во многих научных публикациях и официальных документах [Доци, 2011; Дутчак, 2009; Литвиненко, 2002, 2005, 2006а, б; Мотукеев, 2011а, 2012а, б, в, 2013; Рэнсон, 1999; Спорт для всех... 2000; Eichberg, 2010; Palm, 1991; Promoting... 2010; Renson, 1983; Sport for all... 1991; TAFISA... 2001 и др.].

Но используемые при этом термины и соответствующие понятия являются *аморфными, неопределенными и многозначными*. На это справедливо обращает внимание ряд ученых [например, Дутчак, 2009; Матвеев, 2000].

В зарубежных публикациях и многих официальных документах в спорт для всех включаются не только спортивные соревнования, но и различные *несоревновательные* формы двигательной активности, ориентированные на отдых, развлечение и т. п., т. е. не проводится различие между спортом и физкультурно-двигательной активностью.

В России не только среди спортивных функционеров, но и в научных публикациях распространено такое понимание «спорта для всех» («массового спорта»), когда его отличие от «спорта высших достижений» усматривают в том, что он ориентирован на *большее* число спортсменов (т. е. «более массовый») или что для его участников характерны *более низкие* (по сравнению со спортсменами высокого класса) спортивные результаты.

При таком упрощенном понимании фактически признается лишь *количественное* различие этих двух разновидностей спорта, а в *качественном* отношении лишь *одна* – «спорт высших достижений»; «спорт для всех» («массовый спорт») оценивается как *«резерв»* этого спорта.

Более обоснованным представляется такое понимание *спорта для всех (массового спорта)*, которое предусматривает следующее.

Во-первых, он рассматривается как разновидность *спорта*, существенным признаком которого являются *спортивные соревнования и комплекс связанных с ними явлений*. Поэтому *несоревновательные* формы двигательной активности, ориентированные на отдых, развлечение и т. п., не относятся к спорту для всех (они рассматриваются как элемент *физкультурно-двигательной активности*).

Во-вторых, принципиальное различие различие спорта для всех (массового спорта) от спорта высших достижений усматривается прежде всего в *целях и задачах*: в первом приоритетными являются такие задачи, как здоровье, отдых, развлечение, общение людей и т. п., во втором – победа в соревнованиях, установление рекорда и т. п. Это различие в целях и задачах спорта для всех от спорта высших достижений предполагает и принципиально иные подходы к *организации* спортивной деятельности. Особенно важное значение в этом плане имеет *способ организации соперничества* (принципы подхода к формированию программы спортивных соревнований, системы определения победителей, состава участников и т. д.). Эффективное решение задач «спорта для всех» предполагает иные способы организации соперничества, нежели те, которые адекватны целям и задачам спорта высших достижений. С этими особенностями двух указанных разновидностей спорта связаны и другие их различия – в массовости, в уровне спортивных достижений и т. д. [Столяров, 2013 г, д, к].

Поэтому представляется ошибочным представление о том, что уровень современных спортивных достижений зависит от массовости спорта (от числа участников спорта для всех). Известно, что главным фактором высоких спортивных достижений в современном спорте является не массовость, а технология спортивной подготовки. А кроме того массовый спорт должен быть ориентирован на указанные выше задачи, а не на отбор спортивных талантов.

Это не исключает наличие определенной связи между массовым спортом и спортом высших достижений: успехи спортсменов высокого класса стимулируют вовлечение детей и молодежи в спорт для всех; активное и регулярное участие человека в массовом спорте может создать у него ориентацию на высокие спортивные достижения, т. е. сделать участником спорта высших достижений и т. д.

Принимая во внимание уровень спортивных результатов, важно различать *спорт высших достижений* (к нему относят спортсменов высокого класса) и *резерв* этого спорта (к

этой разновидности спорта следует причислять спортсменов, демонстрирующих не столь высокие спортивные результаты).

В связи с развитием олимпийского движения особенно широкое распространение получила такая разновидность спорта высших достижений и профессионального спорта, как *олимпийский спорт* [Бубка, 2011; Платонов В.Н., 1998; Платонов В.Н., Булатова, Бубка, 2009; Платонов В.Н., Гуськов, 1994, 1997].

Некоторые разновидности спорта связаны с особенностями *социально-демографических групп*, на которые он ориентирован, и тех задач, которые применительно к ним призван решать. В этом плане выделяют: *школьный спорт*, *студенческий спорт*, *спорт для лиц с ограниченными возможностями* (инвалидов), *детско-юношеский спорт*, *спорт ветеранов*, *женский спорт* и т. п. По тому же критерию к разновидностям спорта причисляют «*элитный спорт*» [Кошелева, 2006; Фомин, Симанис, 2011, 2012].

Учитывая особенности спорта, определяемые национальной культурой, т. е. его этнокультурное многообразие, выделяют *национальные виды спорта*, *этноспорт* [Кыласов, 2010б; Кыласов, Гавров, 2011]. Все большую популярность среди подростков и молодежи получают *экстремальные виды спорта* [Зданович, 2013; Калмыков, Сагалеев, 2000; Кузнецова, 2006; Тезисы докладов... 2008; Шемет, 2009; Russell, 2005], *интеллектуальные игры (виды спорта)* [Кыласов, Гарсес, 2011], *компьютерный спорт («киберспорт»)* [Скаржинская, Новоселов, 2012; Nemphill, 2005].

При выделении различных форм спортивной деятельности важно учитывать и ряд других признаков, например:

- *степень организованности* занятий спортом и те *организации*, где они проводятся (индивид может заниматься спортом самостоятельно или в школе, в спортивном клубе, в других организациях);
- *степень профессионализации и коммерциализации* спорта (на основе этого, в частности, выделяются такие разновидности спорта, как любительский, профессиональный, коммерческий);
- *уровень* спортивных соревнований (по этому признаку различают, в частности, национальный и международный спорт);
- *связь с определенными социальными движениями* (например, олимпийский спорт) и т. д.

Реализуя диалектический подход, важно избежать *антиисторизма* в понимании спорта, учитывать *конкретно-исторические формы*, которые он принимает на различных этапах развития общества и в различных странах.

Чтобы показать это, имеет смысл дать хотя бы краткую характеристику особенностей *современного спорта* (имеется в виду спорт с конца XIX в. по настоящее время) по сравнению с предыдущими его формами.

Особенности современного спорта

Ряд важных особенностей этой исторической формы спорта указан в работе А. Гаттмэна «От ритуала к рекорду» [Guttman, 1978].

Первая указанная в этой работе особенность современного спорта – превращение его в *секулярное явление*, носящее мирский, светский характер. Спортивные состязания народов, находившихся на ранних стадиях развития, отмечает А. Гаттмэн, как правило, были частью религиозных ритуалов и церемоний. Он приводит множество примеров того, как игры, подобные игре в мяч у майя и ацтеков, или кросс у индейцев-апачей, выполняли функцию ритуального действия, призванного умилостивить богов и обеспечить плодородие.

В принципе таким был и греческий спорт: «Физические состязания в Олимпии или Дельфах в культурном отношении ближе к играм примитивных народов, чем к нашим Олимпийским играм» [Guttman, 1978: 20]. Древние Олимпийские игры, как и подобные им Пифийские, Истмийские, Немейские, были священным праздником в честь богов. Олимпийские игры посвящались Зевсу, а призы победителям – оливковые ветви из священной храмовой рощи – считались даром главы олимпийских богов. Однако уже в античной Греции, пишет А. Гаттмэн, наблюдается превращение спорта в секулярное явление, сосредоточенное на игре и состязании как таковых. Спорт постепенно становится частью повседневности, а не только средством богопочитания. Еще более явно эта тенденция начинает проявляться в римском обществе, где процветали только утилитарные виды спорта, имеющие целью подготовку воинов, а также гладиаторские спектакли, в которых религиозное содержание отошло на задний план. В этом плане современный спорт ближе к римской модели. Вместе с тем в современном олимпийском движении наблюдается превращение спорта в нечто подобное светской «гражданской религии» (подробнее см. ниже).

Вторая особенность современного спорта, указывает А. Гаттмэн, состоит в установлении по крайней мере теоретического *равенства возможностей* участия в соревнованиях с учетом в первую очередь спортивных результатов и *одинаковых* для всех участников *условий соревнования*, тогда как в обществах прошлого такое участие определялось членством в определенной касте или родственной группе, а не достиженческими критериями: «Быстрота ног и сила рук были для первобытного спорта менее важными, чем принадлежность к определенной группе, поскольку спорт этот часто вовсе и не был соревнованием» [Guttman, 1978: 26]. Древние греки, хотя и сделали значительные шаги для обеспечения равенства условий спортивных соревнований и выдвигения на передний план критерий достижения, но тем не менее сохраняли строгие запреты на участие в играх женщин, рабов, варваров.

В современном спорте в большей степени институционализирован принцип равенства условий, нежели равного доступа. Иногда наблюдается исключение из участия в спортивных соревнованиях по расовому признаку (так, в США Национальная лига американского футбола не допускала в свои ряды черных спортсменов вплоть до 40-х гг. XX в.). В настоящее время неравенство сохраняется внутри команд, где негров реже ставят на наиболее выигрышные и престижные роли и не включают в число менеджеров. Определенное время в современном спорте сохранялись ограничения и на участие в спорте женщин. Так, женские соревнования между колледжами стали практиковаться в США лишь в 50–60-е годы XX в.

Существенной особенностью современного спорта А. Гаттмэн считает *специализацию ролей*. В этом плане уже античный спорт, особенно римский, зашел достаточно далеко. В то же время в Средние века и в начале Нового времени спорт стал менее дифференцированным (идеалом эпохи Возрождения было всестороннее развитие индивида). Что же касается деревенских игр, они почти не знали правил, разделения труда между игроками и даже твердой границы между участниками и зрителями.

Современный спорт в этом отношении представляет собой резкий контраст. Например, в американском футболе 22 игровые специальности; бейсбол начал с девяти специальностей, но постепенно эволюционирует в сторону все большей дифференциации. Параллельно развивается разветвленная система спортивных специальностей. Специализация и профессионализация современного спорта вытекают из его внутренней логики, из установки на все более высокие достижения.

Еще одна особенность современного спорта, на которую обращает внимание А. Гаттмэн, – *рационализация*, которая касается прежде всего правил спорта. Она состоит не в увеличении числа правил (их было достаточно много и в ритуальных играх), а в их характере. Правила рациональны в смысле их логического соответствия целям, задачам, используемым средствам спортивного соперничества, а также подвержены согласованным

изменениям, а не традиционны и священны. Современную стрельбу из лука отличает от средневековых состязаний охотников изобретение равного для всех участников «животного» – стандартной цели. В результате аналогичного процесса рационализации оседлание живого коня превратилось в упражнения на гимнастическом коне.

Рационализация в современном спорте проявляется и в *стандартизации*. Для сравнения автор указывает на греков и римлян, которые располагали техническими возможностями для стандартизации беговых дорожек и метательных снарядов, однако не делали этого, в результате чего беговая дорожка в Олимпии составляла 192,27 м, в Дельфах – 177,5 м, в Пергаме – 210 м, а вес дисков варьировался от 3 до 15 фунтов [Guttmann, 1978: 42–43].

Важным аспектом рационализации современного спорта является опора спорта на результаты *научных исследований* и связанное с этим стремление к все более точным измерениям спортивных достижений (даже в таких видах спорта, как гимнастика, танцы на льду и т. п.).

Это стремление, отмечает А. Гаттмэн, содействует «почти неизбежной тенденции превращать любое спортивное достижение в нечто поддающееся исчислению и измерению» и приводит к невиданному размаху *спортивной статистики*. На основе этого у спортсменов появляется возможность соревноваться заочно, невзирая на разделяющие их время и расстояние. Греки не знали этой статистической мании, и потому до нас не дошло практически никаких точных сведений об их результатах в беге и метаниях. И это не потому, что у них не было технических средств измерения, а потому, что их культура не была ориентирована на квалификацию. Самое большое, что подсчитывалось, – это число побед того или иного атлета на различных Играх. Сохранились заявления отдельных лиц о том, что они, скажем, впервые одержали семь побед в разных Играх или три раза подряд в одних Играх. Это напоминает нашу статистику, но все, же очень далеко от современного положения дел, когда измеряются даже такие с трудом поддающиеся измерению виды соревнований, как гимнастика и танцы на льду [Guttmann, 1978: 47–48].

Порождением современной одержимости цифрами и стремления к наивысшим достижениям является и понятие *рекорда*. Само это слово появилось в английском языке в 80-е гг. прошлого столетия. У древних не было понятия рекорда в нашем смысле, хотя отдельные результаты и становились достоянием не столько точного измерения, сколько легенды. Современная система рекордов позволяет спортсменам соревноваться заочно, невзирая на разделяющие их время и расстояние: «С помощью странной абстракции квантифицированного рекорда австралиец может соревноваться с финном, умершим за 10 лет до того, как этот австралиец родился» [Guttmann, 1978: 52].

Заметим, что А. Гаттмэн с некоторой иронией, называя наивным предрассудком, оценивает эту слепую веру в числа, сопоставимость результатов, показанных на соревнованиях, разделенных несколькими годами. Он задает вопрос: «А что станет с рекордами, когда будут достигнуты абсолютные пределы человеческих возможностей? Вернемся ли мы к греческому пониманию спорта как драматического состязания человека с человеком или изобретем новые способы удовлетворения фаустовской жажды все новых небывалых спортивных достижений?» [Guttmann, 1978: 54].

Отмеченные выше особенности современного спорта, пишет А. Гаттмэн, ведут к возникновению сложной *бюрократической организации*, руководящей спортом, утверждающей правила и рекорды, проводящей соревнования и исследования. Опять-таки Греция и Рим (с его гильдиями спортсменов) создали прообразы современной спортивной бюрократии, начало развития которой приходится на конец XVIII в. Уже в 1959 г. в мире существовали 73 международных организации, крупнейшая из которых – ФИФА насчитывала в своих рядах 126 национальных ассоциаций.

Таким образом, пользуясь понятиями, сформулированными М. Вебером и Т. Парсонсом для описания любых современных институтов, А. Гаттман выделяет семь главных отличительных черт современного спорта: секуляризм, равенство возможностей участия в соревнованиях и условий соревнования, специализация ролей, рационализация, бюрократическая организация, квантификация, установка на рекорды [Guttman, 1978].

Многие исследователи отмечают, что на современном этапе своего развития спорт приобретает такие социальные характеристики, как совокупность социальных ролей, норм и образцов поведения, социальных отношений и социальных функций, выступая тем самым как *социальный институт* и *социальная организация*.

Понятие «*социальный институт*» используется для характеристики той системы социальных ролей, статусов и санкций, предписывающих индивидам определенные правила поведения, которая создается для того, чтобы закрепить жизненно необходимые для человеческого общества типы социальных отношений, сделать их обязательными для членов определенного общества или определенной социальной группы и удовлетворить общественно-значимые потребности [Смелзер, 1994; Фролов С.С., 1996]. Например, социальный институт семьи включает в себя: 1) совокупность значимых общественных ценностей (любовь, отношение к детям, семейная жизнь); 2) стандартизированные образцы поведения (забота о воспитании детей, их физическом и духовном развитии, семейные правила и обязанности); 3) система ролей и статусов (статусы и роли мужа, жены, ребенка, подростка, тещи, братьев и т. п.), с помощью которых осуществляется семейная жизнь. Социальный институт выступает как средство, с помощью которого общество организует и управляет своими членами в целях решения его главных задач путем создания моделей и процедур человеческого поведения, социально приемлемых для данного общества [Berger, 1963: 87]. Под *социальной организацией* понимается созданная для удовлетворения социальных потребностей индивидов и общества целостная функционально-целевая система с присущей ей социальной структурой, которая формируется на основе разделения труда, специализации функций и иерархизированного взаимодействия между индивидами, группами и структурными подразделениями [Радугин А.А. и Радугин К.А., 2003: 173; Социология, 2004: 268–269].

Формирование социального института и социальной организации происходит в процессе *институционализации*. Имеется в виду процесс замены спонтанного, стихийного поведения социальных групп на ожидаемое, регулируемое путем создания в соответствии с нормами и правилами четкой статусно-ролевой структуры, социально одобренной большинством участников этого социального процесса и содействующей удовлетворению некоторой общественной потребности. Этапами институционализации являются: 1) возникновение потребности, удовлетворение которой требует совместных организованных действий; 2) формирование общих целей; 3) появление социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок; 4) появление процедур, связанных с нормами и правилами, и их практическое применение; 5) установление системы санкций для поддержания норм и правил; 6) создание системы статусов и ролей, охватывающих всех без исключения членов института [Социология, 1998: 112].

Процесс становления спорта как социального института включает как минимум четыре составляющих:

1. Учреждение норм и правил, т. е. формулирование, четкое определение, а возможно, и кодификация соответствующих правил и процедур. Эти нормы, правила и уставы должны быть выстроены, систематизированы и изложены в виде долгосрочных формулировок и вследствие этого предсказывать деятельность будущих спортсменов.

2. Создание официальных объединений и административных органов, наделенных властью, механизмами и уполномоченных принимать периодические решения относительно

таких вопросов, как расписание спортивных мероприятий, количество спортивных встреч, которые планируется провести, продолжительность спортивного сезона, правила соревнований, а также внесение изменений в таковые.

3. Охват широкого и относительно стабильного слоя участников спортивной деятельности с помощью широкого круга специалистов – организаторов, тренеров, ученых.

4. Учет исторического фактора – предыстории спорта, связанных с ним обычаев, правил, архивов и т. п. [Meier, 1981: 86].

Современному спорту присущи значимые общественные ценности, стандартизированные образцы поведения, система ролей и статусов. Он выполняет важные социальные функции, имеет свою развитую инфраструктуру, материальную базу (спортивные залы, стадионы, бассейны, специальные учебные заведения и т. д.), ведет подготовку собственных профессиональных кадров (тренеров, преподавателей физического воспитания и др.). Спорт в современном обществе, разделенном на не зависимые друг от друга и организованные по собственным закономерностям сферы существования, сохраняет свою институциональную автономию. Сформировались спортивные образцы поведения и формы организации, которые обозначаются и институционализируются с помощью особых культурных традиций и исторических особенностей.

Это свидетельствует о том, что в настоящее время завершился процесс институционализации спорта, что привело к целому ряду последствий как для самого спорта, так и для отношения к нему со стороны общества. Одно из них состоит в том, что «в современном мире превалирует система взглядов, отражающая положительное воздействие спорта в любых его видах на личность и общество, в результате чего возникают все новые и новые виды состязаний. Общественные процессы, связанные с развитием институтов спорта, привели к признанию спорта в качестве полноценного социального явления. Государства признали пользу спортивных состязаний для укрепления национального престижа, поощрения социального равенства и выстраивания международных отношений. Практически во всем мире существует законодательная база в области спорта, высшим проявлением которой стало выделение занятий спортом в одно из гражданских прав, прописанных в статьях национальных конституций ряда стран» [Кыласов, 2010а: 218].

Дж. Лой и Г. Хескет, характеризуя современный спорт как «институционализированную сферу деятельности», выделяют несколько его особенностей [Loy, Hesketh, 1984: 44].

Первая особенность состоит в том, что в современном спорте «спортивное соревнование включает действие». Ссылаясь на Гоффмана [Goffman, 1967: 185], они указывают, что «это означает вовлечение человека в деятельность, являющуюся предельно важной, полной событий, рискованной и проблемной; которая проводится ради самих участников и где участники могут даже рисковать жизнью» [Loy, Hesketh, 1984: 45].

Второй особенностью Дж. Лой и Г. Хескет считают то, что в современном спорте социальная оценка основана на *равных соперниках*. «В спортивной тренировке участвуют практически равные соперники, соревнования проводятся среди них же, человеческая доблесть демонстрируется также среди равных, и почести за достижения присуждаются таким же равным соперникам» [Loy, Hesketh, 1984: 45].

К числу особенностей современного спорта Дж. Лой и Г. Хескет причисляют также престиж и вознаграждение: «Как спортсмены, так и спортивные организации иерархически стратифицированы на основе ранга и престижа. Например, школьные, университетские и профессиональные команды классифицированы на большие и малые группы или лиги; спортивные команды всех уровней ежегодно сравниваются СМИ на основе опроса; спортсмены в индивидуальных видах спорта, таких как боулинг, бокс, гольф, теннис и сквош, находятся в строгом ранговом порядке в зависимости от уровня выступления, а на уровне мирового спорта как спортсмены, так и команды стремятся стать первыми среди равных. Притязания

ния на престиж являются отличительным признаком честолюбивой системы современного спорта, что очевидно из ежегодных отборов лучших команд; престижных спортивных залов и навязчивого беспокойства о формальных почестях, таких как награды, медали, призы, знаки отличия, трофеи и почетные должности. Данные символические почести являются латентными (скрытыми) средствами общественного контроля в спорте наряду с выполнением более значительных функций» [Loy, Hesketh, 1984: 46].

Как отмечает У. Гуде, в современном спорте призы и награды выполняют важные социальные функции: «(1) представляют основу объективного оценивания, и вручение приза говорит о том, что чей-либо талант достоин уважения; (2) являются доказательством того, что кто-либо достиг высокого уровня исполнения; (3) являются показательными и привлекают более широкую аудиторию, чем просто призер; (4) могут значительно повлиять на будущую карьеру человека, которому они вручаются; (5) являются обнародованными и таким образом приносят престиж команде, в которой выступал призер» [Goode, 1978: 156–158].

В более широком смысле У. Гуде выделяет 4 основные функции призов и наград в современном спорте: «(1) они повышают ранг участников, оценивают их и таким образом предоставляют информацию о занимаемом спортсменом месте на поприще достижений; (2) они также создают престиж слабо финансируемым видам спорта; (3) они повышают престиж достижений, являющихся настолько выдающимися, что их игнорирование означает отвержение некоторых общественных ценностей; (4) престижные награды повышают социальный статус, как спортсмена, так и команды» [Goode, 1978: 163–171].

В структуре социального института спорта сформировались такие относительно самостоятельные социальные институты, как *профессиональный спорт*, *олимпийский спорт*, *спорт высших достижений*, *«спорт для всех»*, *«зрелищный спорт»* и т. п., а также более «мелкие» институты – *спортивные клубы*, *школы* и т. д.

Для современного спорта характерно широкое развитие *спорта для лиц с ограниченными возможностями здоровья (инвалидов)* [Губарева, 2000; Гуманистически ориентированные формы... 1998; Евсеев, 2011; Сб. материалов... 1993; Тарабыкин, Мишатин, 1997; Теория и организация... 2005; Шапкова, 2003; Aaken, 1981; Auberger, Brunet, Schantz, 1994; Beck, 1977; Bertling, 2010; DePauw, 1997; DePauw, Gavron, 1995; Duncan, 2001; Francis, 2005; Guthrie, Castelnovo, 2001; Jochheim, 1984; Jones C., Howe, 2005; McCann, 1996; Paciorek, Jones J.A., 1994; Steadword, 2001 и др.].

Важным аспектом функционирования и развития современного спорта является формирование ряда связанных с ним *социальных движений*.

Прежде всего это *спортивное движение* не только в *отдельных* странах, но и *международное* спортивное движение.

Современный *международный спорт* – сложная социальная система. Она включает в себя широкий круг социальных явлений: международные спортивные соревнования и специальную подготовку к ним; другие формы международных спортивных связей (обмен спортсменами, тренерами, международные семинары, конференции на спортивную тематику и т. д.); международные спортивные объединения – международные спортивные федерации, международные организации, занимающиеся научными проблемами физического воспитания и спорта и т. д.; специфические межчеловеческие отношения и поведенческие нормы, складывающиеся в ходе международных спортивных связей, в процессе деятельности указанных социальных институтов и т. д. Помимо международных федераций, руководящих развитием отдельных видов спорта, важное значение в международном спорте имеют универсальные и специальные организации, а также организации, объединяющие различные комитеты, федерации, ассоциации и союзы или отдельных деятелей различного профиля. Большинство международных спортивных объединений руководит разви-

тием любительского спорта. Вместе с тем имеются объединения профессионального спорта и существуют объединения, в которые входят организации любительского и профессионального спорта. В настоящее время насчитывается свыше 200 всемирных и региональных неправительственных организаций в области физического воспитания и спорта.

Благодаря деятельности этих международных организаций международные спортивные контакты имеют устойчивый характер. Сложилась и успешно функционирует широкая система регулярных международных спортивных состязаний.

В Европе, к примеру, не проходит недели, чтобы не проводился какой-нибудь крупный международный турнир, чемпионат мира или континента. Регулярно проводятся международные Региональные игры – Паназиатские, Панамериканские, Панафриканские, Игры Содружества и др. Важное место в структуре международного спорта занимает студенческое международное спортивное движение. Все более широкий размах получают международные детско-юношеские спортивные соревнования, а также международные соревнования ветеранов. В системе межгосударственных отношений важную роль играют спортивные связи и контакты.

Основной элемент структуры международного спортивного движения – современное *олимпийское движение*. В последние годы его рамки расширились за счет *паралимпийского* и *специального олимпийского движения* [Евсеев, 2011; Тарабыкин, Мишатин, 1997; Теория и организация... 2005; Шапкова, 2003 и др.]. Важное место в спортивном движении занимает проходящее под эгидой ЮНЕСКО *движение «спорт для всех»*, которое направляет свои усилия на всемерное развитие «массового», «общедоступного» спорта [Доци, 2011; Дутчак, 2009; Рэнсон, 1999; Спорт для всех... 2000; Palm, 1991; Promoting... 2010; Renson, 1983; Sport for all... 1991; TAFISA... 2001 и др.]. С современным спортом связаны и другие социальные движения: *студенческое спортивное движение* и *детско-юношеское спортивное движение* [Зотов, 1998]; *движение «Fair play»* [Королев И.В., 2005; Родиченко, 2007], *народное движение* [Европейское... 1996], *дельфийское движение* [Кравченко, 1998], *спартианское движение* [Материалы Международной научной конференции... 2009; Спартианское движение... 2005; Спорт. Спартианское движение... 2007; Столяров, 1990 г, 1994а, 2001б, в, 2002в, 2008б, 2009д].

Все отмеченное выше свидетельствует о том, что структура современного спорта как социального феномена включает в себя комплекс взаимосвязанных социальных ценностей, социальных норм и ролей, социальных институтов и организаций, социальных движений.

Значит, современный спорт представляет собой *социальный институт, социальную организацию и социальную систему*. Эта система обладает относительной автономией, независимостью от других социальных систем общества, а вместе с тем взаимодействует с ними: подвергается их влиянию и сама оказывает на них определенное воздействие [Пономарчук, Козлова, 2002; Супиков, 2004а, б; Heinemann, 1980а; Loy, McPherson, Kenyon, 1978].

В последующем тексте данной книги (см. параграф 22) будет рассмотрена еще одна важная особенность современного спорта, связанная с тем особым *способом организации игровой деятельности (соперничества и сотрудничества)*, который используется на спортивных соревнованиях.

Таковы основные особенности современного спорта.

Читатели, которых интересует период *становления* этой конкретно-исторической формы спорта, детальную информацию по данному вопросу могут получить в работе Нила Трентера «Спорт, экономика и общество в Великобритании (1750–1914) [Trenter, 1998].

Эта книга «считается наиболее взвешенным и авторитетным социологическим исследованием периода так называемой «спортивной революции» в Великобритании времен правления Виктории (1837–1901) и Эдуарда VII (1901–1910). Именно тогда были во многом заложены основы современного профессионального спорта и предопределено его буду-

щее процветание – как в Туманном Альбионе, так и на всем Европейском континенте, для которого родоначальники футбола послужили образцом и во многих других разновидностях этой особой человеческой деятельности» [Кербер, 2006: 42].

Диалектический принцип историзма требует учитывать не только *становление*, но и *развитие* современного спорта. К числу важных аспектов этого процесса прежде всего следует отнести *профессионализацию* и *коммерциализацию* спорта высших достижений (в том числе олимпийского).

В связи с этим происходит его превращение в такую разновидность спорта, которая является *элементом шоу-бизнеса*, отличаясь от другой его разновидности, которая *независима* от данной сферы [Моченов, 2011а, б, 2012; Отечественные записки, 2006; Столяров, 2011и; Heinemann, 1993, 1998, 2005; Image... 2000; Krawczyk, 2000, 2001, 2004; Sports Involvement... 2004 и др.].

Отмечается тенденция формирования и такого спорта, который некоторые исследователи обозначают термином «*постспорт*».

С.Н. Гавров пишет об этом: «Совместно с современным российским исследователем А.В. Кыласовым, мы определяем постспорт как спорт за гранью видовых возможностей человека, когда улучшение спортивных результатов достигается фармакологическим допингом и генной модификацией вида гомо сапиенс» [Гавров, 2011].

Более подробную информацию о модификации спорта в *постсовременном* обществе читатель может получить в ряде научных публикаций [Башаева, 2011; Гавров, 2011; Люлевич, 2011; Моченов, 2012; Отечественные записки, 2006; Столяров, 2011и; Heinemann, 1993, 1998, 2005; Image... 2000; Krawczyk, 2000, 2001, 2004; Sports Involvement... 2004 и др.].

II. Основные идеи и идеалы гуманизма

Важный элемент социального анализа современного спорта и олимпийского движения – *оценка* тех или иных связанных с ними социокультурных явлений. Возможны различные подходы к решению этой задачи. Моя позиция в этом плане состоит в том, что при такой оценке в первую очередь должны приниматься во внимание идеи и идеалы *гуманизма*⁴.

Характеристика гуманизма, его исторических форм и современных проблем содержится во многих работах [например, Бердяев, 1997; Борзенко, Кувакин, Кудишина, 2002; Волков, 1995; Гивишвили, 2001, 2003; Гуманизм... 1997; Кормазева, Передельский, 2010; Манифест 2000. Призыв... 1999; Маритен, 1994; Наука и гуманизм... 2000; Современный гуманизм... 2000; Фролов, 1989; Фромм, 1990, 1994; Хайдеггер, 1993; Человек... 1990; Человеческое развитие... 2000; Braisted, 1975 и др.]. Поэтому ниже дается краткая характеристика основных идей и идеалов гуманизма.

⁴ Характеристика гуманизма, его исторических форм и современных проблем содержится во многих работах [Бердяев, 1997; Борзенко, Кувакин., Кудишина, 2002; Волков, 1995; Гивишвили, 2001, 2003; Гуманизм на рубеже тысячелетий, 1997; Кормазева, Передельский, 2010; Манифест 2000. Призыв ... 1999. Маритен, 1994; Наука и гуманизм... 2000; Современный гуманизм... 2000; Фролов И.Т., 1989; Фромм, 1990, 1994; Хайдеггер, 1993; Человек – мера всех вещей, 1990; Человеческое развитие... 2000 и др. Проблемы гуманизма в современный период постоянно обсуждаются на страницах журнала «Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов».

5. Терминологическая и содержательная характеристика гуманизма

При характеристике основных идей гуманизма следует учитывать многозначность самого термина «гуманизм».

Различные значения термина «гуманизм»

На протяжении веков термин «гуманизм» имел массу значений и весьма неопределенно использовался многими философами, социологами, психологами, педагогами в гуманитарных науках, политике, образовании. «Гуманизм, – пишет по этому поводу А.В. Прокофьев, – может быть самое значительное и при этом наименее определенное понятие из идейного арсенала продолжающейся и поныне исторической эпохи. Многообразие интерпретаций говорит не столько о смысловой пустоте слова, сколько о той его магической притягательной силе, что властно понуждает мыслителей самоопределяться в попытках уловить его истинное значение» [Прокофьев, 2001: 55].

Как отмечает польский философ и социолог спорта З. Кравчик, неопределенность и многозначность термина «гуманизм» в определенной степени связана с тем, что в его основе лежат четыре слова: греческое слово «*homo*» и латинские – «*humanus*», «*humanitas*» и «*humaniora*».

Все эти слова весьма многозначны, а кроме того, могут употребляться в двух вариантах – описательном (аксиологически нейтральном) и нормативном (оценочном). Слово «*homo*» означает «человек» и может пониматься как часть рода человеческого или как индивид, принадлежащий к этому роду. Слово «*humanus*» означает «человеческий». Оно может употребляться в нейтральном смысле и в этом случае обозначает «принадлежащий к роду человеческому», «являющийся элементом этого рода», «являющийся продуктом или проявлением деятельности людей». Но слово «*humanus*» можно понимать и в аксиологическом смысле. В этом случае оно подразумевает «степень человечности поведения, которое оценивается положительно», и используется для различения достойных и недостойных действий человека (последние оцениваются как «нечеловечные»). То же относится и к слову «*humanitas*». Его можно использовать в описательном (аксиологически нейтральном) смысле как «человечество» или «род человеческий». Но данное слово, употребленное в значении «человечности», может ассоциироваться с определенными признаками конкретного человека или социальной группы, заслуживающими похвалы и награды в социальном смысле. В этом случае оно истолковывается как оцениваемое положительно. Наконец, под словом «*humaniora*» понимают культурные достижения греческой и римской античной культуры, прежде всего собрание философских и литературных произведений, в которых сформулированы основные принципы античного гуманизма. В истории социально-философской мысли эти принципы определялись и структурировались по-разному в зависимости от уровня знаний античности и идейно-теоретической ориентации исследователей [Кравчик, 1996: 5]. Н.А. Бердяев, характеризуя многозначность слова «гуманизм», указывал на то, что первоначально в эпоху Ренессанса оно означало обращение к античной культуре, изучение греко-римской культуры и языка, а в XIX веке получило смысл человечности, гуманного отношения к человеку, что иногда определяется словом «гуманитаризм» [Бердяев, 1997].

Излагаемая ниже характеристика основных идей гуманизма основана на такой его содержательной интерпретации, когда он понимается как определенная система воззрений, общая жизненная ориентация и установка в отношении мира, людей и поведения отдельного человека.

Основные идеи гуманизма

Одно из важнейших положений гуманизма состоит в том, что именно *человек* (а не техника, не прибыль, не вещное богатство, не власть, не наука и т. п.) является «альфой и омегой» социальной жизни и общественного развития.

Данное положение сформулировал еще Сократ: «*Человек является высшей ценностью*». Н.А. Бердяев также выдвигает его на первый план в гуманистической концепции: «Гуманизмом я буду называть признание высшей ценности человека в жизни мира и его творческого призвания» [Бердяев, 1997: 64].

В соответствии с такой исходной парадигмой человек рассматривается как *цель* различных сфер общественной жизни (науки, техники, искусства, спорта и др.) и общественного развития в целом. Как отмечал И. Кант, и для других людей человек может быть только целью, но никогда не средством: «Во всем сотворенном все, что угодно и для чего угодно, может быть употреблено *всего лишь как средство*; только человек, а с ним каждое разумное существо есть *цель сама по себе*» [Кант, 1965: 414].

Еще одно важное положение гуманизма: человек – не только цель, но и *критерий (мера) оценки* всех социальных процессов, явлений, сфер общественной жизни. Вспомним классическое высказывание Протагора: «Человек – мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих же, что они не существуют» и высказывание Демокрита: «Мудрый человек есть мера всего, что существует».

В соответствии с этим положением гуманным признается все то, что в деятельности общества и личности «работает» *на человека*. В то же время даже самая высокоорганизованная, технически совершенная деятельность, если она направлена против человека (его существования, его счастья, его самореализации), рассматривается как антигуманная – в какой бы форме и в какой бы сфере она ни проявлялась – военной, производственной или досуговой [Быховская, 1989: 26].

Вместе с тем важно не допускать абсолютизации положения гуманизма о человеке как высшей ценности, чтобы такое понимание человека не переросло в эгоизм и нарциссизм [Грипе, 1988а: 39], а также не приводило к антропоцентризму (признание человека центром и высшей целью мироздания). Такая мировоззренческая позиция «может способствовать формированию антиэкологического характера человеческой деятельности, поскольку другие проявления бытия считает низшими и по отношению к ним допускает любые разрушительные, деструктивные действия» [Глобалистика, 2003: 41].

Очень важным является и вопрос о том, *с каких позиций* оценивается сам человек, а потому и *позитивная роль* того или иного явления для него. С этой точки зрения гуманизм признает позитивным (гуманным) лишь то, что служит не просто человеку, а «культуриванию *человечности*» в человеке, развитию «*человечных* качеств человека» (*studium humanitatis*) [О человеческом... 1991; Печчеи, 1980; Рожанский, 1991; Человек... 1990; Человеческое развитие... 2000]. «Когда мы говорим во имя человека, для человека, это значит не просто для его потребления – для его желудка и материального комфорта, а для его личности, хотя при этом, конечно необходимо, чтобы человек был обеспечен и материальными благами и духовной пищей» [Леонтьев, 1974б: 73].

Уже в античности было осознано и передано Новому времени через Возрождение положение о том, что для гуманизма основным в человеке является «*человечность*» («*humanitas*»), «*человеческое начало*». В эпоху римской республики «*человечный человек*» (*homo humanus*) противопоставлялся «*варварскому человеку*» (*homo barbarus*).

Цицерон рассматривал «человечность» («*humanitas*») как специфическое свойство человеческой природы, как этическое начало поведения людей и называл «гуманистиче-

ским» состояние эстетически и нравственно завершенной эволюции *«подлинно человеческого»* индивида.

Дж. Брунер по поводу такой гуманистической позиции пишет в своей работе «Психология познания»: «Три вопроса повторяются неизменно: что в человеке является собственно человеческим? Как он приобрел это человеческое? Как можно усилить в нем эту человеческую сущность?» [цит. по: Социология: энциклопедия, 2003: 892].

Несмотря на некоторые изменения в истолковании понятия «человечности» в процессе развития гуманизма, в основных своих пунктах оно оставалось неизменным.⁵ Как отмечал известный историк мировой культуры Н.И.Конрад, в известных с давних пор гуманистических представлениях в процессе развития гуманизма менялось не столько общее содержание, сколько объем и доминанта [Конрад, 1972: 481].

⁵ О происхождении человечности см. Шадриков, 1999.

6. Идеалы гуманизма

Гуманистическое представление о «человечности» включает в себя:

- ◆ идеал (культурный образец) *личности*:
- ◆ идеал *социальных отношений* (отношение человека к другим людям, а также взаимоотношения стран, народов, наций и т. п.).

Гуманистический идеал личности

Ни одно общество, ни один народ, ни одна цивилизация, ни одна культура, не могут прожить без некоего идеала (а может быть и идеалов) личности, наиболее полно отражающих самые лучшие качества и способности человека. Имеется в виду представление о том, какими качествами, способностями, параметрами культуры должен обладать человек, который рассматривается как «наилучший», «образцовый». Для характеристики индивида, который по своим качествам адекватен такому образцу, использовались и используются различные понятия: «идеальная личность», «идеальный человек», «совершенный человек», «человек, отвечающий нравственным требованиям», «культурный человек», «модель культурного человека» и т. п.

С давних времен предпринимались попытки определить комплекс качеств, характеризующих идеальную личность. Эта модель личности должна была служить образцом в системе образования и воспитания подрастающего поколения, содействовать решению комплекса других педагогических и социокультурных проблем. История проектов идеального человека – «это история самосознания человека, берущая свое начало с «осевого времени» (К. Ясперс) – VIII–II вв. до н. э., когда возникли духовные предпосылки человечества: Библия, Илиада, Одиссея, античная философия, эллинистическая культура, Упанишады, зороастризм, даосизм, конфуцианство» [Косяк, 2002: 313].

Разумеется, идеал личности не может быть одним и тем же в различных конкретно-исторических условиях, в различных культурах. Анализ истории развития человеческой цивилизации выявляет наличие различного понимания той личности, которая в контексте той или иной системы культурных ценностей рассматривается как приоритетная, как модель, идеал, образец для подражания, как ориентир в системе воспитания и социализации подрастающего поколения [Вебер М., 1990; Веряскина, 2004; Киященко, 1988; Королев Р.И., 2009; Косяк, 2002, 2006; Огурцов, 2001; Савицкая, 1990; Совершенный человек... 1997].

Как отмечает В.П. Веряскина, «различные культуры предлагали свои проекты идеального человека, и ни один из них не может претендовать на универсальность (хотя обычно претендует). Более того, менялось место этого концепта в культуре. В одни эпохи он был в числе центральных (одно это обстоятельство само по себе сближает подобные концепты в большинстве традиционных культур при всех содержательных различиях), в другие отодвигался на периферию» [Веряскина, 2004: 49].

Первой развернутой моделью «идеального человека» принято считать *конфуцианскую*. В качестве идеала здесь выступает образ «благородного мужа» (цзюнь-цзы). Этико-нормативная программа достойной жизни, предложенная Конфуцием, включала четко разработанную систему правил хорошего, достойного поведения, перечень качеств «благородного мужа» и давала характеристику его антиподу (антиидеалу) – «низкому человеку». Эта программа на долгие столетия определила характер духовной и политической культуры китайского этноса, а также культуры корейцев, японцев и вьетнамцев. «Благородный муж» («Цзюнь-цзы») выполняет роль идеального, культурного человека, наглядного примера для подражания. Перечень нравственных качеств этого человека таков: справед-

ливость, скромность, правдивость, приветливость, почтительность, искренность, осторожность, умение сдерживать свои желания, отвращение к клеветникам и т. п. «Благородный муж» никогда не успокаивается на достигнутом, он постоянно занимается самосовершенствованием, а самое главное его качество – человеколюбие, человечность, человеческое начало в человеке [Королев Р.И., 2009].

К числу первых моделей идеальной личности относится и *платоновская* модель. Основными характеристиками такой личности в представлении Платона являются: длительное образование (не для всех) с усвоением полного объема теоретических и практических знаний; усвоение твердых нравственных начал; физическое развитие [Steinhaus, 1961]. Последнее является отражением «телесного сознания» в античной культуре, которая по духу своему была культурой «телесной» и в которой красота тела – высшая красота – понималась не только как красота физическая, а как красота человека как такового. Именно в античной культуре, пишет И.М. Быховская, складывается то взаимоотношение телесного и духовного в человеке, которое в наибольшей степени определяет сущность телесной культуры – «заряженность» телесного духовным – в отличие от физического развития или физического совершенствования, которые возможны и на антикультурной основе [Быховская, 2000: 48–52].

В *даосской* традиции мы встречаем многообразие образов совершенного человека. Но их объединяет общий принцип – стремление измерить достоинство человека его способностью вместить в себя мир. В рамках *еврейского* традиционного мышления понятие «совершенство» в принципе неприменимо к человеку, но может быть осмыслено лишь в качестве цели человеческого существования. Совершенство – недостижимая цель человека, и попытки приблизиться к нему вновь и вновь оборачиваются падениями и неудачами, но стремление к совершенству определяет суть человека и поэтому не устранимо из человеческой природы.

В *исламской* духовной традиции «совершенный человек» – это «Путник Тайны и наместник»: все, что бы ни делал человек, он делает, чтобы изменить состояние своего внутреннего мира, буквально преобразить свое сердце и продвинуться по этапам своего Пути. В Новое время складывается представление о том, что идеальная личность стремится к самореализации в рамках ответственности за ее последствия и тем самым культивирует свою человечность [Королев Р.И., 2009].

Средние века важную роль в системе воспитания в качестве образца (идеальной личности) играл *рыцарь*, который должен был владеть семью «рыцарскими доблестями» (верховая езда, фехтование, охота, плавание, стрельба из лука, игра в шахматы и слагание стихов) и усвоить семь «рыцарских добродетелей» (верность церкви и сюзерену, личная храбрость, соблюдение правил поединков, святость данного слова, великодушие по отношению к побежденным и более слабым, благородное отношение к аристократическим дамам) [Кун, 1982: 94].

Специфическими чертами наделяет человека современная *постмодернистская* концепция [Огурцов, 2001].

Как видно из изложенного выше, всякое представление об идеальной личности опирается на определенное понимание социальной «природы» и «сущности» человека.

Гуманистическая концепция человека исходит из его понимания как *целостного* (*многомерного, универсального*) по своей «природе». Такое понимание, противопоставляемое рассмотрению человека как «*частичного*» («*одномерного*»), является главенствующей идеей европейской культуры [Тавризян, 1983: 76]. Иной в этом плане является позиция *постмодернистской* философии [Гобозов, 2005; Мареев, 2001; Огурцов, 2001; Rapp-Wagner, 1997 и др.], ориентированной на отказ от целостного понимания человека и развития личности. Как отмечает П.С. Гуревич, в этой философии «завершается эпоха прославления человека-гуманизма... Человек в постмодернизме утрачивает целостность, которая отличается

именно строгой структурой, симметричностью, четкостью. Понятие целостности утрачивает свою ценность как некий идеал и подменяется другими словами: «комплексность», «сборка», «единство» [Гуревич, 2009].

Разъяснению и обоснованию идеи человека как *целостного* (многомерного, универсального) по своей «природе» посвящено множество публикаций [Бекарев, 1982; Волков, 1985; Волков, Поликарпов, 1998; Гармонический человек... 1965; Гарпушкин, 2002; Гуревич, 2004; Гуцаленко, 1988; Зеленов, 1988, 1991; Ильенков, 1968; Лазарев, Брюс, 2001; Мисуно, 1988; Многомерный образ... 2001; Мухаметлатыпова, 1988; Проблемы развития... 1984; Станкевич, 1989; Шимин, 1995 и др.].

В соответствии с пониманием человека как *целостного* по своей «природе» идеальной гуманизм считает *целостно развитую личность*. Практически во всех гуманистических концепциях *целостный* («многомерный») человек противопоставляется «частичному» («одномерному») человеку, а *целостное* развитие личности понимается как ее *многостороннее* (разностороннее, гармоничное) развитие, противопоставляемое *односторонне* развитой личности.

К числу качеств, характеризующих *целостно* развитую личность обычно относят нравственность, эстетическую культуру, физическое совершенство, свободу, достоинство, творчество, способность к самопознанию, самореализации, самопреодолению, саморазвитию – «открывать в себе свою собственную суть», «превосходить себя», «подниматься выше себя» и т. п. К развитию этих «человеческих» качеств и способностей целостно развитой личности призывали еще гуманисты античности. [Кувакин, 1998; Печчеи, 1980; Рожанский, 1991; Человек... 1990]. Ж. Маритен, кратко характеризуя гуманизм, оценил его как требование, чтобы «человек развил заложенные в нем возможности и творческие потенции, укрепил жизнь разума, чтобы он трудился, превращая силы физического мира в инструмент своей свободы» [Маритен, 1994: 53]. По мнению М. Хайдеггера, гуманизм есть «озабоченность тем, чтобы человек освободился для собственной человечности и обрел в ней свое достоинство» [Хайдеггер, 1993: 196]. Международный гуманистический и этический союз определяет гуманизм как «демократическую, нетеистическую и нравственную жизненную позицию, утверждающую право и долг человеческих существ самим определять смысл и образ собственной жизни» [Тилман, 1997].

Значит, *гуманизм означает приоритетное утверждение ценности человеческой личности, признание ее права на свободное и полное, целостное развитие всего комплекса своих сил и творческих способностей*.

Важно иметь в виду неоднозначное понимание в различных гуманистических концепциях особенностей целостного человека и целостного развития личности. В зависимости от того, как понимается «частичность» («одномерность», «односторонность») человека и развития личности, дается соответствующая трактовка противоположных качеств – «целостности» («многомерности», «многосторонности», «разносторонности», «гармоничности»).

Как отмечено выше, гуманистическое представление о «человечности» включает в себя определенный идеал не только *личности*, но и *социальных отношений* (отношения человека к другим людям, а также взаимоотношения стран, народов, наций).

Гуманистический идеал социальных отношений

Суть гуманистического отношения человека к другим людям выражает «золотое правило гуманизма»: «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе».

Это правило более двух с половиной тысячелетий назад вывели три древнегреческих мудреца. Клеобул: «Что ненавидишь, не желай другому». Питтак: «Что возмущает тебя в ближнем, того не делай сам». Фалес на вопрос: «Как прожить самую лучшую и праведную

жизнь?» ответил: «Не делай того, что порицаешь в других». Древнеиндийский учитель законов Хилел советовал: «Не делай никому того, чего не хочешь, чтобы было сделано тебе». О том же говорил Конфуций. И в Евангелии от Матфея сказано: «И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». В Новое время английский философ Т. Гоббс утверждал, что золотое правило – это «закон, объемлющий все прочие законы». А его соотечественник и современник Д. Локк был убежден в том, что золотое правило – *«самое непоколебимое нравственное правило и основа всякой общественной добродетели»* [Балашов, 1997: 55–65; Гивишвили, 2003: 62].

В плане *взаимоотношения* стран, народов, наций фундаментальными в рамках гуманистически ориентированной культуры и системы воззрений традиционно считаются такие ценности, как мир, дружба, взаимопонимание, взаимное уважение, взаимообогащающее общение и т. п.

Таким образом, *гуманизм* – такая система воззрений, общая жизненная ориентация и установка в отношении мира, людей и поведения отдельного человека, которая признает ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, всестороннее развитие и проявление своих способностей. Гуманизм считает критерием оценки социальных институтов и процессов благо человека, а принципы равенства, справедливости, человечности – желаемой нормой отношений между людьми.

Особенно важно иметь в виду, что «гуманизм отнюдь не сводится к абстрактной любви к людям, но является мощной движущей силой истории, общим цивилизационным фактором, проникающим собой экономику и политику, нравственность и право. При ближайшем рассмотрении оказывается, что гуманизм является программой как социального развития, так и личностного роста, технологией жизненного успеха и творчества, что он учит не только совершенствованию, но и мужеству, стойкости и гражданской зрелости» [Кувакин, 2003: 4]. Как нормативная модель жизни гуманизм выступает против дегуманизации общества, отчуждения и деградации человека, разных форм его овеществления и порабощения [Кравчик, 1996: 6–7; Allisson, 1988: 21].

7. Гуманизм и современность

В ходе развития общества, особенно в XX столетии и в настоящее время, обнаружались трудности в *практической реализации* провозглашаемых идей и идеалов гуманизма.

Трудности реализации идей и идеалов гуманизма в современном обществе

Такие трудности имеют место в сфере образования, воспитания, организации досуга населения и других сферах жизни современного общества.

Проявляется ряд тенденций, серьезно затрудняющих целостное развитие личности. «Абстрагирование современного человека от эмоционального, чувственного восприятия природы, значительное обеднение связей с ней, выхолащивание из отношения людей к окружающему элементу наглядности, конкретности, определенная «ирреализация» человеческих связей, их все более широкий, но при этом все более опосредствованный характер, отсутствие человека- «партнера»; отсюда снижение доли побуждений нравственности, эмоциональных реакций и т. п. [Тавризян, 1983: 74].

Еще большие трудности касаются реализации гуманистических идеалов и ценностей в системе социальных отношений.

В этой ситуации встречаются попытки принципиального *отказа* от идей гуманизма как якобы устаревших, не соответствующих современным социокультурным и экономическим условиям, замена идеалов и ценностей гуманизма, с одной стороны, идеями *пост-модернистской идеологии*, которая «нацелена на радикальное изменение сознания и на культурную революцию» [RappWagner, 1997: 169–170], а с другой – *прагматическими, технократическими* принципами.

Анализируя причины отказа от идей и ценностей гуманизма, критики их роли и значения в современных условиях, В.А. Лекторский [Лекторский, 1994] отмечает, что рассуждения на эту тему часто воспринимаются либо как прекраснотушние, утопизм, не имеющий отношения к реальной жизни, либо как сознательное вуалирование негуманной и антигуманной действительности, либо как оправдание той или иной системы идей, которая несет ответственность за какие-либо негативные социальные явления. Так, распространено мнение о том, что гуманистические слова, которыми оперировала официальная идеология в нашей стране в течение многих десятилетий, использовались с целью сознательного обмана, прикрытия антигуманной репрессивной практики тоталитарного режима. Полагают, что принцип и идеалы гуманизма не имеют никакого отношения и к тому, что сегодня имеет место в нашей жизни: рост утилитаризма в его самых эгоистических формах, аморализм, коррупция, агрессивность, жестокость, насилие, всплеск воинствующего национализма в большинстве республик бывшего Советского Союза и даже локальные войны. Рассуждения о гуманизме являются либо прекраснотушным, полным непониманием реальной жесткой действительности, либо же сознательным лицемерием. По мнению некоторых критиков гуманизма, крушение социализма в XX столетии свидетельствует о крахе не только марковского гуманистического проекта, но идеала гуманизма вообще, как он сложился в европейской культуре и философии Нового времени.

Полагают, что «гуманизм как идеал и ориентир жизнедеятельности потерпел поражение везде, так как привел к разрыву между человеком и бытием, к отчуждению от человека созданной им и закабалившей его научно-технической реальности, к потере жизненных и культурных корней, к обесмысливанию мира». С такой критикой выступил М. Хайдеггер в его знаменитом «Письме о гуманизме». Критики гуманизма любят приводить и высказыва-

ние русского философа С. Франка, сделанное в 30-е г., в котором крах гуманизма связывается с крахом социализма. «Именно крушение социализма в самом его торжестве, – писал С. Франк, – образует какой-то многозначительный поворотный пункт в духовной жизни человечества, ибо вместе с социализмом рушатся и его предпосылки – та гуманистическая вера в естественную доброту человека, в вечные права человека, в возможности устройства, земными человеческими средствами, земного рая, которая в течение последних веков владела всей европейской мыслью» [Франк, 1992. Цит. по: Лекторский, 1994: 23].

На этом основании высказывается мнение о том, что следует не только отказаться от гуманистической фразеологии как затемняющий реалии жизни, но и подвергнуть критике сам идеал гуманизма, поскольку его принятие приводит к негативным последствиям.

Современное значение гуманизма

Разговоры о гуманизме действительно играли, да, и сейчас иногда выполняют, роль идеологического прикрытия антигуманной реальности.

Но на этом основании ни в коем случае нельзя делать вывод о необходимости отказа от социально-культурных идеалов вообще и от идеала гуманизма. «Дело обстоит как раз наоборот: именно трезвый и реалистический анализ человека, его культурного и социального мира свидетельствует о неустранимой роли идеалов, ценностных систем и нравственно-мировоззренческих ориентиров, вне которых и без которых вся человеческая деятельность теряет смысл и критерии оценки и потому становится невозможной» [Лекторский, 1994: 24].

Во-первых, глобальные проблемы и трудности, с которыми столкнулось человечество на пороге XXI в., как отмечено выше, породили осознание того, что, если человечество хочет выжить, оно должно в современной системе ценностных координат на первый план выдвинуть общечеловеческие гуманистические ценности. «Измениться или исчезнуть» – так сформулировал эту альтернативу основатель Римского клуба А. Печчеи.

Конечно, социальная организация разных государств, поведение многих людей, групп, наций в весьма неодинаковой мере воплощают эти ценности. Однако крепнет убеждение в том, что любое современное общество должно с максимальной последовательностью направлять свои усилия на реализацию гуманистических идей и принципов, если оно хочет обеспечить более высокую степень динамизма и стабильности своего развития, более высокий уровень благосостояния и благоустроенности жизни большинства своих членов, сделать их отношения более цивилизованными, а их самих более здоровыми и физически, и нравственно.

Проведенный группой известных специалистов – социологов, экономистов и др. – анализ путей преодоления Россией тех трудностей и проблем, с которыми она сталкивается в настоящее время, привел к выводу о том, что в этом плане необходима ориентация на гуманистические ценности. «Реализация возможностей гуманистического развития... является составной частью стратегического ответа России на вызовы нового века... Именно гуманизация позволяет вдохнуть в общество силы, способные осуществить назревшие перемены.

...Важен вектор перемен, его ориентиры и очередность решаемых задач... Таким вектором служит гуманизация развития, активизация человеческого потенциала» [Гуманистические ориентиры... 2002: 385]. В Концепции модернизации российского образования указывается, что «школа – в широком смысле – должна стать важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений, формирования новых жизненных установок личности» [Концепция образования... 2002]. Тем самым «в нашей стране идея гуманизма заявлена в качестве основы обучения и воспитания, как важнейшая духовная составляющая и системы образования, и общественной атмосферы в целом» [Кувакин, 2003: 3].

Во-вторых, в настоящее время создаются *реальные условия* для практической реализации идей, идеалов и ценностей гуманизма: те изменения, которые происходят в рамках современной цивилизации и которые означают переход от ее односторонне технологического характера к какому-то иному качеству, предполагают возрастание возможностей отдельного индивида, что «создает предпосылки для реальной гуманизации человеческого мира» [Лекторский, 1994: 25].

Вот почему в настоящее время не только продолжают, но и активизируются поиски инновационных, эффективных и адекватных новым условиям путей средств, форм и методов реализации идей и ценностей гуманизма. Важную роль в решении этой задачи играют *Международный гуманистический и этический союз, Международная академия гуманизма* и в целом *мировое гуманистическое движение*. Например, в ноябре 1996 г. в Мексике состоялся тринадцатый конгресс этого движения, который собрал беспрецедентное число участников, особенно из развивающихся стран. Общая тема конгресса – «Глобальный гуманизм кибернетического века». В нашей стране создано (в 1995 г.) *Российское гуманистическое общество* (межрегиональная общественная организация содействия гуманизму), которое издает журнал «Здравый смысл», проводит семинары и международные конференции, посвященные современным проблемам гуманизма. Члены общества на основе специально разработанных программ преподают основы современного гуманизма в различных учебных заведениях Москвы, Санкт-Петербурга и многих других регионов России. В Российском государственном университете физической культуры, спорта, молодежи и туризма в 2007 г. создан *Спартанский гуманистический центр*, который занимается разработкой и реализацией идей и ценностей гуманизма в системе оздоровления, воспитания, организации досуга [Столяров, 2007а].

В-третьих, по-видимому, вообще «неустранима роль идеалов, систем ценностей и нравственных ориентиров в развитии общества и отдельного человека», и потому «отказ от идеалов и идей гуманизма означает признание исторического поражения человека как такового» [Хайдеггер, 1993: 64].

Кроме того, надо учитывать, что идеи гуманизма *исторически изменчивы* [Бердяев, 1997; Борзенко, Кувакин, Кудишина, 2002; Гуманизм... 1997]. В каждый исторический период, в каждую эпоху на первый план выходят те или иные положения гуманистической концепции как наиболее важные для этого времени.

В древности речь шла главным образом о концепции гармонично (целостно) развитого человека, который живет в «идеальном» обществе и активно формирует это общество.

В эпоху Возрождения на передний план выходят иные гуманистические идеи – свободомыслие и индивидуализм в сфере сознания и реального поведения человека. «Гуманизм есть, во-первых, типичное для Ренессанса *свободомыслящее сознание и вполне светский индивидуализм*, – писал по этому поводу А.Ф. Лосев. – Во-вторых, это не просто светское свободомыслие, но общественно-политическая, гражданская, педагогическая, бытовая, моральная и иные *практические* стороны этого свободомыслия» [Лосев, 1978: 109].

Французская революция принесла обновление гуманизма в виде таких лозунгов, как свобода, равенство и братство, а также идеи гражданского общества. Для XIX и XX вв. характерны гуманистические проекты «совершенствования» общества, а значит, и человека, путем эволюции или революции – главным образом экономической, политической или моральной, а также появление таких гуманистических идей, как мир без войны, самоопределение национальных сообществ, международное взаимопонимание.

В конце XX – начале XXI в. человечество столкнулось с комплексом проблем, ставящих под вопрос само его существование.

Прежде всего человечество вплотную подошло к экологической катастрофе, когда предельно ясны все страшные последствия утопических претензий на тотальное управление

социальными процессами. В этой ситуации необходимо критическое переосмысление идей и идеалов гуманизма, а также поиск инновационных, эффективных и адекватных новым условиям форм и методов их практической реализации [Allisson, 1988; Braisted, 1975].

Поиски нового содержания гуманизма

Важное направление этого переосмысления идей гуманизма – отказ от идеи *овладения, подавления и господства над природой*. «Новому пониманию отношения природы и человечества соответствует не идеал антропоцентризма, а развиваемая рядом современных мыслителей, в частности известным нашим ученым Н.Н. Моисеевым, идея коэволюции, совместной эволюции природы и человечества, что может быть истолковано как отношения равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге... Свобода как неотъемлемая характеристика гуманистического идеала мыслится не как овладение и контроль, а как установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры, с социальными процессами, даже с нерелефлексивными и «непрозрачными» процессами моей собственной психики» [Лекторский, 1994: 27].

Растущее неравенство, нищета, болезни, неграмотность, концентрация загрязнения окружающей среды, культивирование жестокости и насилия, распространение различных форм экстремизма (агрессивного национализма, терроризма, тоталитарных сект и т. п.), сепаратизм, массовые проявления духовной деградации в форме наркомании, проституции, утраты духовно-нравственных ориентиров в искусстве и образовании, острые проявления отчуждения и маргинализации личности свидетельствуют не только об экологическом, но также о социокультурном, духовно-нравственном кризисе.

С учетом этой ситуации усилиями ученых и общественных деятелей разработана концепция *устойчивого развития* [Ващекин, Мунтян, Урсул, 2002; Вебер А.Б., 1997; Данилов-Данильян, Лосев, 2000; Культура и устойчивое... 2002; Новая парадигма... 2000; Столяров, 2011з; Устойчивое развитие... 2003; Meadows D.H., Meadows D.L., Randers, 1992].

Данная концепция стала предметом обсуждения с момента публикации в 1989 г. доклада «Наше общее будущее», подготовленного для ООН в 1987 г. специально созданной в 1983 г. Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию (World Commission on Environment and Development), возглавляемой премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундтланд. Комиссия ввела термин «устойчивое развитие» для обозначения социального развития, не подрывающего природные условия существования человеческого рода. Согласно определению Комиссии, это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Данное определение было канонизировано в решениях Конференции ООН по окружающей среде и развитию – ЮНСЕД (Рио-де-Жанейро, 1992). Утвердившийся русский перевод исходного английского термина (англ. sustainable development) не вполне адекватен смыслу последнего: «сбалансированное», «подкрепляемое», «непрерывно поддерживаемое», «самоподдерживающееся» и т. п. развитие.

Концепция устойчивого развития возникла прежде всего на основе осознания угрожающего истощения природных ресурсов и ухудшения состояния окружающей среды и как следствие возможности экологической катастрофы, которой грозит обернуться человеческая деятельность: мировая окружающая среда может не вынести тех изменений, которые нужны для того, чтобы обеспечить населению каждой страны материальное благополучие, подобное тому, которым обладают люди развитых индустриальных стран. Поэтому первоначально в данной концепции на первом плане оказались проблемы загрязнения окружающей среды

и угрозы глобального экологического кризиса, ресурсных ограничений экономического и демографического роста.

Однако в дальнейшем все более утверждалось понимание того, что важным аспектом устойчивого развития является социальное основание, связанное с поляризацией богатства и бедности, проблемами безработицы, «старения» населения, сокращения разрыва в уровнях экономического развития различных стран и благосостояния их населения, безопасности, в том числе от терроризма и преступности, и т. д. Как экологическая, так и экономическая устойчивость в конечном счете предполагают переход к социально устойчивому развитию, которое обеспечивает лучшее качество жизни для всех групп населения и всех стран. Значит, обеспечение такого развития предполагает решение комплекса социальных, экономических, демографических, научно-технических и иных проблем современной цивилизации. Переход к устойчивому развитию предусматривает радикальное изменение системы ценностей культуры, сдвиги в мировосприятии, в стереотипах поведения, в жизненных установках людей. Для этого необходима существенная модернизация образования и воспитания.

Поэтому общепризнано выделять три основания концепции устойчивого развития: социальный, экономический и экологический. Это развитие призвано гармонично и взаимосвязанно обеспечить социальное равенство, высокий жизненный уровень населения, качество жизни, экономическое развитие и защиту окружающей среды. В «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 440 от 01.04.1996) подчеркивается, что «устойчивое развитие – это стабильное социально – экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы». Оно призвано обеспечить сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды, а также природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей. В документе ООН «Johannesburg Summit 2002» приведено аналогичное определение.

Принцип устойчивого развития получил поддержку ООН: 2-я Конференция ООН по окружающей среде и развитию (КОСР-2, Рио-де-Жанейро, 1992), в которой участвовали представители 179 стран, включая многих глав правительств и государств, перевела общую идею устойчивого развития в плоскость конкретных международных обязательств и планов. Одобренная КОСР-2 программа действий («Agenda 21» – «Повестка дня на XXI век») предлагает более 100 целевых проектов для правительств, предпринимательских и общественных кругов всех стран. На Саммите тысячелетия (Нью-Йорк, сентябрь 2000 г.) и в «Декларации тысячелетия» мировые лидеры вновь заявили о поддержке принципов устойчивого развития, изложенных в «Повестке дня на XXI век», указали на необходимость изменить в интересах будущего «неустойчивые модели производства и потребления», выразили озабоченность препятствиями, с которыми сталкиваются развивающиеся страны в деле мобилизации ресурсов для финансирования их устойчивого развития, объявили о решимости добиваться сокращения вдвое к 2015 г. доли населения Земли, живущего в крайней нищете, и ряда других подобных целей. При этом было подчеркнуто, что социально-экономические и экологические проблемы свидетельствуют не о недостатке производительных сил человечества, а о социокультурном, духовно-нравственном кризисе межнациональных и социальных отношений.

Осмысление проблем устойчивого развития привело к осознанию того, что одним из основных условий обеспечения устойчивости, безопасности и эффективного развития человечества является кардинальное изменение современной культурной парадигмы, которая на всех своих уровнях предполагает слишком много насилия. Важнейшее значение в этом плане приобретает формирование и развитие *культуры мира*. Концепция этой культуры развита под эгидой ЮНЕСКО выдающимися деятелями образования, науки, искусства [Культура мира и устойчивое развитие... 2002; Культура мира и демократии, 1997; Культура мира.

Документы... 1999; Материалы международной... 2009; Общественные перемены... 1999; Спорт, спартианское движение... 2007; Столяров, 2005д, 2011з; Чубарьян, 1997]. Впервые она сформулирована в выступлениях и работах бывшего генерального директора ЮНЕСКО Федерико Майора [Майор, 1997].

В последние годы ООН и ЮНЕСКО приняли важные документы, связанные с данной концепцией: Резолюции «Культура мира» и «Провозглашение 2000 года Международным Годом культуры мира» (приняты по инициативе ЮНЕСКО 52-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1997 г.); «Декларация о культуре мира» и «Программа действий в области культуры мира» (приняты 53-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 10 ноября 1998 г.); Резолюция «Международное десятилетие культуры ненасилия и мира в интересах детей планеты (2001–2010 гг.) – принята 53-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 19 ноября 1998 г. и др. [Культура мира. Документы... 1999].

Концепция культуры мира исходит из того, что для исключения войн из жизни общества или их предотвращения нужны глубокие изменения в культуре. Речь идет о том, чтобы *культуру войны*, в основе которой лежит ценностная ориентация на насилие, на решение конфликтов с помощью вооруженных средств, заменить на *культуру мира*.

Под культурой мира, как видно из самого ее названия, понимается культура, связанная с таким социальным явлением, как *мир*. Слово «мир» в зависимости от контекста имеет много значений. Часто оно употребляется в контексте выражения «мир, в котором мы живем» и обозначает «все то, что нас окружает», «вся планета», «все ее население» и т. п. В международном праве это слово используется для характеристики таких отношений между народами и государствами, которые основываются на проведении внешней политики ненасильственными средствами и предполагают отсутствие организованной вооруженной борьбы между государствами. В этике и морали слово «мир» применяется для характеристики отношений между людьми или для описания состояния души человека, часто определяемого как «внутренний мир». Слово «мир» используют также для описания условий, существующих внутри страны, общества, групп, организаций, социальных структур или между человеком и окружающей средой. Кроме того, «мир» – это название крестьянской общины в России XIII – начале XX вв. и т. д.

В концепции культуры мира понятие «мир» имеет ряд особенностей:

♦ слово «мир» используется для обозначения определенных *социальных отношений*, а не «всей планеты», «всего ее населения», как это часто делается;

♦ понятие «мир» характеризует определенные отношения не только между странами и государствами, но и между *различными социальными группами* внутри государств и народов;

♦ оно употребляется не в узком смысле, который ему часто приписывается – как одно лишь отсутствие вооруженного конфликта, войны —, а в более широком смысле: характеризует не только состояние, противоположное войне, но и «*положительный*» мир. «Положительный» мир предусматривает не только *отсутствие войны*, а также инструментов войны и соответствующих организаций, разоружение и демилитаризацию, военную конверсию, но и полный *отказ от насилия*, неприятие и недопущение использования силы во всех ее формах в отношениях между государствами, между теми или иными группами, между отдельными людьми. Культ *ненасилия* является важнейшим и безошибочным показателем уровня нравственного развития человека и общества, а вместе с тем – «прагматическим императивом нашего времени» [Степин, 1999: 239].

«Положительный мир» не исключает конфликтов, под которыми понимают противоречия в чувствах, целях, ценностях, а также процесс разрешения этих противоречий, столкновение индивидов или сообществ, обусловленное их противоречащими друг другу интересами, претензиями, намерениями [Вилсон, Макклафлин, 1999: 28; Природа конфликта... 1999: 77; Розов, 1999: 4]. Для конфликтов существует бесчисленное множество потенци-

альных источников – экономические, природные и прочие факторы. Поэтому мир – это не просто утопическое отсутствие конфликтов, а такое «перманентное состояние, при котором имеется индивидуальная или коллективная способность к разрешению межличностных или межгрупповых конфликтов без применения силы» [Wachter, 1983: 255].

Основное средство ненасильственного разрешения конфликтов, разногласий, споров в условиях «положительного» мира – *диалог*. В концепции культуры мира он понимается в самом широком смысле, включая диалог между культурами, между различными религиями и между разными национальными и этническими группами и отдельными людьми с целью обеспечить мир и взаимную безопасность. Он рассматривается как та первая, исходная стадия, которая должна предшествовать другим формам урегулирования конфликта.

Современное мировое сообщество изобилует расовыми, этническими, религиозными, культурными и языковыми различиями, и очень важно обеспечить мирное существование этого разнородного целого. Одна из самых серьезных опасностей, стоящих на пути становления и укрепления мира, – *нетерпимость*, которая проявляется в отрицании и подавлении различий между отдельными людьми и культурами. Такая позиция индивида, социальной группы и особенно государства подрывает принципы демократии и приводит к нарушению индивидуальных и коллективных прав человека. Не случайно 1995 г. по инициативе Генеральной конференции ЮНЕСКО был провозглашен годом Организации Объединенных Наций, посвященным терпимости. Основанием для этой акции стала озабоченность существованием и даже ростом ряда серьезных угроз для мирной жизни человеческих сообществ и международной стабильности в целом. Среди этих угроз были названы прежде всего следующие: этнонациональные конфликты; дискриминация в отношении меньшинств; акты ксенофобии, особенно против беженцев и мигрантов; деятельность расистских организаций и акты расового насилия; религиозный экстремизм; насилие и гонения против интеллигенции и других лиц, исповедующих свободу мнений и их выражения; нетерпимость со стороны политических движений и идеологий; нетерпимость, выраженная в маргинализации и исключении из общества уязвимых групп или в дискриминации и насилии против этих групп.

Вот почему особенно важное место в системе ценностей «положительного» мира концепция культуры мира отводит такой ценности, для обозначения которой в русском языке используются два слова с одинаковыми значениями: «*толерантность*» и «*терпимость*».

Толерантность (терпимость) – способность, умение терпеть, выносить что-нибудь чужое, мириться с чужим (мнением, характером и т. п.), соглашаться с существованием чего-то или кого-то, быть снисходительным к чему-то или кому-то [Терпимость... ЮНЕСКО: 13]. Оксфордский словарь определяет толерантность как «готовность и способность принимать без протеста или вмешательства личность или вещь», а Советский энциклопедический словарь – как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [Советский энциклопедический словарь, 1980: 1348]. Одна из причин трудностей в характеристике терпимости состоит в том, что в разных языках она определяется по-разному, причем даже в официальных языках Организации Объединенных Наций. Но в своей простейшей и фундаментальной форме она сводится к предоставлению другим людям права на уважение их личности и самобытности [Декларация принципов... 1999; На пути... 2000].

Терпимость предполагает осознание того, что мир и социальная среда являются многомерными, а значит, и взгляды на этот мир различны и не могут и не должны сводиться к единообразию или в чью-то пользу. В статье 1 «Декларации принципов терпимости» (1999) понятие «терпимость» разъясняется следующим образом: «Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности... Проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отно-

шения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим» [Декларация принципов... 1999: 44–45].

К числу важных ценностей культуры мира относятся также ценности демократической культуры: соблюдение политических и гражданских прав человека, а также права на участие в экономической, социальной и культурной жизни общества, включая право на развитие, равенство в правах мужчин и женщин, их совместное участие в управлении и т. п.

Итак, *фундамент культуры мира составляют такие ценности, как отказ от насилия, приверженность принципам демократии, поддержка свободы, справедливости, солидарности и терпимости (толерантности), взаимное уважение представителей различных культур, идеологий и верований и другие гуманистические ценности.*

В принятой Генеральной Ассамблеей ООН 19 ноября 1998 г. Резолюции «Международное десятилетие культуры мира и ненасилия в интересах детей планеты (2001–2010 гг.)» подчеркивается, что культура мира включает в себя «ценности, взгляды и типы поведения, которые отражают и вдохновляют социальное взаимодействие и сотрудничество на основе принципов свободы, справедливости и демократии, всех прав человека, терпимости и солидарности, которые отвергают насилие и направлены на предотвращение конфликтов путем устранения их конкретных причин, с тем чтобы решать проблемы с помощью диалога и переговоров, и которые гарантируют возможность в полной мере пользоваться всеми правами и средствами, чтобы полностью участвовать в процессе развития своего общества» [Общественные перемены... 1999: 320].

Культура мира складывается и развивается в сложных условиях, порожденных новым цивилизационным кризисом и связанной с ним ломкой устаревших понятий, морально-этических принципов, старых стереотипов мышления. Одно из важнейших проявлений этого процесса – глубокий кризис *нравственных начал*, который вызван действием ряда факторов. Произошло резкое ослабление общественных институтов, способствующих поддержанию нравственных начал (семья, традиционные структуры первичной социализации, церковь, ценностные идеологии). Вместе с тем возросло аморальное воздействие на сознание и поведение сотен миллионов людей средств массовых коммуникаций (а в последнее время – Интернета) [Культура и устойчивое развитие... 2002; Моисеев, 1994; Субетто, 1999; Трансформации... 2000].

Культура мира, понимаемая как утверждение общечеловеческих нравственных ценностей, как ответ на вызовы «цивилизационного кризиса», имеет огромное значение для всех стран, сталкивающихся со все более острыми проявлениями отчуждения и маргинализации личности, культивирования жестокости и насилия, распространения различных форм экстремизма (агрессивного национализма, терроризма, тоталитарных сект и т. п. В настоящее время человечество ведет поиск новых мировоззренческих ориентаций – нового способа и образа жизни, нового отношения к людям, к природе, к обществу, «новой матрицы ценностей, идущих на смену прежним жизненным ориентациям, свойственным техногенной цивилизации» [Степин, 1999: 243]. В современном быстро меняющемся мире, в условиях противоречивых тенденций исторического процесса, неопределенностей будущего, отсутствия ясных общественных идеалов культура мира дает людям, особенно подрастающему поколению, систему важных духовно-нравственных ценностных ориентиров. Конечно, создание этой культуры – длительный процесс. Как показывает исторический опыт, по сравнению с изменениями в политической и экономической жизни, которые могут

быть стремительными, изменения в культуре и поведении отдельных лиц, групп граждан и народов требуют длительного времени.

Таковы основные общие и инновационные идеи и идеалы гуманизма, которые имеют важное значение при анализе и оценке актуальных социальных проблем современного спорта и олимпийского движения.

Важно отметить, что *гуманистическая оценка* этих социальных явлений не противоречит их *научному анализу*. Как указывает Г.М. Андреева, существуют определенные условия, «при которых снимается противоречие между наукой и ценностями. Это снятие противоречия происходит не за счет "исключения" ценностей из науки, но за счет принятия исследователем таких ценностей общества, "право" которых на существование само может быть научно обосновано». При таком подходе «для гуманистической ориентации... включение ценностного подхода означает не снижение качества знания, но, напротив, обогащение его, хотя это обогащение мыслится за счет привлечения в познание чего-то внешнего, например, почерпнутого в аксиологии или герменевтике» [Андреева, 1974: 6].

III. Концепция современного олимпизма

Концепция современного олимпизма – это теоретическое осмысление социальной природы, социального смысла олимпийского движения, его места и роли в культуре, основных ценностей (идеалов, целевых установок, норм, образцов поведения и т. д.), т. е. *предельных оснований, фундаментальных предпосылок* этого движения, которые определяют его характер, содержание, значение и даже само существование.⁶

Теоретическое осознание и осмысление предельных оснований, фундаментальных предпосылок социального бытия и жизнедеятельности людей с целью определить их объективность, возможность и методы познания, социальный смысл и значение, идеалы, целевые установки, место и роль в системе культуры и т. д. является задачей *философии* [Столяров, 2010а, 2011и]. Поэтому концепция современного олимпизма – это *философская* концепция.

Философия играет важнейшую роль в олимпийском движении. Пьер де Кубертен в своих публикациях и выступлениях неоднократно обращал внимание на «интеллектуальный и философский смысл» возрождения Олимпийских игр [Кубертен, 2011: 37]. «Олимпийские игры, – писал он, – по существу есть великий урок философии, подпитывающий спортивный патриотизм; философии, провозглашающей единство тела и духа» [Кубертен, 2011: 133].

Д. Фоллоуз, президент Британской олимпийской ассоциации, заявил в своем выступлении на Олимпийском конгрессе в Баден-Бадене, что Олимпийские игры «без философии... становятся обычным мероприятием спортивного календаря. Игры не могут существовать без этой философии, которая является неотъемлемой составной частью олимпийского движения. Они существуют на основе философии, устремленной к идеалу и освященной традициями». Эту позицию поддержал и член МОК М. Мзали: «Что придает исключительность и силу олимпийскому движению, это, разумеется, философия, которую оно воплощает, философия, которая служит движению стимулом и сама им стимулируется». [цит. по: Ленк, 1982: 6–7]. Анализу концепции современного олимпизма посвящены многочисленные публикации ученых и общественных деятелей. Она обсуждается на сессиях Международной олимпийской академии (МОА) и является предметом дискуссий на многих международных научных и олимпийских конгрессах.

И все же ситуация с пониманием этой концепции до сих пор остается весьма сложной. На это обращают внимание многие исследователи.

Некоторые из них подчеркивают трудность точного определения того, что такое олимпизм. «Как это ни парадоксально, но до сих пор трудно дать точное определение понятия олимпизма, хотя само слово «олимпизм» довольно широко распространено» [Landry, 1989: 139].

Теоретическое осмысление какого-либо явления, процесса и т. д. предполагает его научно обоснованное, в отличие от других возможных способов (обыденного, религиозного и т. д.), понимание явления, процесса.

Отмечается неопределенность понимания данной концепции, что проявляется в обилии терминов, которые используются для ее обозначения («олимпийская идея», «олимпийский дух», «олимпийская идеология», «олимпийская философия» и т. д.), а также в весьма сложных, «туманных» и вместе с тем неоднозначных разъяснениях этих терминов [Кахигал, 1983а; Landry, 1986, 1989; Lenk, 1984; Müller, 1998].

⁶ *Концепция* (от лат. *conceptio* — понимание, система) – определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений, основная точка зрения, руководящая идея для их освещения; ведущий замысел, конструктивный принцип различных видов деятельности.

Примером такой неопределенности может служить и характеристика *трех столпов олимпизма*. «Почти вся литература, посвященная олимпийскому движению, ссылается на три столпа олимпизма, которые символизируют его приоритеты. Однако по поводу того, что именно подразумевается под этими тремя столпами, ведутся горячие споры. Важно отметить, что это выражение появилось в МОК в развитие идей Кубертена. Кубертен писал, что олимпизм – это соединение «спорта, культуры и образования», и именно от этого отталкивался МОК, выдвигая идею трех столпов... Ассоциация с колоннами-столпами за эти годы повторялась на все лады разными комитетами МОК. Формула Кубертена зафиксирована в Олимпийской хартии, однако при этом сайт МОК называет тремя столпами «спорт, культуру и окружающую среду»... В другом документе говорится о «МОК, международных федерациях и Национальных олимпийских комитетах»... или об «Олимпийских играх, олимпийском движении и олимпизме» [Миа, Гарсиа, 2013: 25].

Нередко поэтому делаются пессимистические выводы о состоянии разработки философии олимпизма.

◆ «То, что можно было бы назвать философией олимпизма... находится пока в зачаточном состоянии» [Речек, 1986].

◆ «...Те, кто проявляет к Олимпийским играм научный интерес, почти единодушно сходятся во мнении, что, несмотря на все великолепие и символику, олимпизм фактически лишен внутренней сущности» [Педдик, 1992].

◆ «Идея о социальной роли Олимпизма имеет смутное прошлое и нестабильное настоящее» [Миа, Гарсиа, 2013: 23].

Существенную помощь в понимании олимпийской философии могут оказать работы Пьера де Кубертена, которому, как отмечается в Олимпийской хартии, принадлежит «концепция современного олимпизма» [Олимпийская хартия, 2010: 8].

8. Кубертеновская концепция современного олимпизма

Основные положения концепции олимпизма сформулированы Кубертенем в таких основополагающих работах, как лекция «Атлетика в современном мире и Олимпийские игры» [Coubertin, 1895], прочитанная в 1894 г. в Парнасском обществе в Афинах, речь «Философские основы современного олимпизма» [Coubertin, 1935], произнесенная по германскому радио в 1935 г., а также в многочисленных других работах, выступлениях и письмах в течение всей его долгой жизни [см. Durantez, 1994b; Müller, Schantz, 1986].

Олимпийская концепция и практическая деятельность Кубертена по ее реализации являются предметом многочисленных исследований и оценок ученых, журналистов, спортивных деятелей и писателей разных стран.

Данная тема затрагивается почти во всех книгах, связанных с Олимпийскими играми, в многочисленных трудах, статьях и книгах, издаваемых органами олимпийского движения. За рубежом издано множество работ, посвященных Кубертену, его жизни, взглядам, вкладу в олимпийское движение. К числу наиболее известных относятся, например, такие работы, как К. Дим «Олимпийская идея» [Diem, 1970], П. Булонье «Жизнь и педагогическая деятельность Пьера де Кубертена» [Boulongne, 1975] и Дж. Макэлун «Великий символ. Пьер де Кубертен и возрождение современных Олимпийских игр» [MacAloon, 1981]. Активную работу по изучению и пропаганде идей Кубертена ведет Международный Комитет его имени. Комитетом подготовлена и издана целая серия брошюр, посвященная взглядам Кубертена по наиболее актуальным вопросам спорта и олимпизма. Одну из них под названием «Пьер де Кубертен. Олимпийский гуманист» [Durantez, 1994b] написал президент этого Комитета, президент Ассоциации Латиноамериканских Олимпийских академий и президент Испанской Олимпийской академии Конрадо Дюранте. В ней опубликована и библиография работ как самого Кубертена, так и о Кубертене. Актуальность идей Кубертена в современных условиях обсуждалась на проведенном Комитетом симпозиуме «Актуальность П. де Кубертена» [Симпозиум... 1986].

Много внимания изложению и разъяснению идей Кубертена в связи с обсуждением философской концепции современного олимпийского движения уделяется на сессиях Международной олимпийской академии [см., например, Boulongne, 1994a, b; Favre, 1970; Georgiadis, 1999; Landry, 1986, 1987a, 1989; Lekarska, 1989; Lenk, 1985; Lotz, 1980b, 1988; Lucas, 1976, 1979; MacAloon, 1985; Müller, 1977, 1980, 1998; Nissiotis, 1979, 1982, 1985a, 1987; Pouret, 1967, 1979; Szymiczek, 1972, 1985; Vialar, 1962a, b, 1964 и др.].

Но несмотря на обилие научных публикаций и дискуссий по данному вопросу, ситуация с пониманием идей Кубертена и его концепции современного олимпизма до сих пор остается весьма сложной.

Во-первых, «в целом мысли и дела Кубертена, не говоря уже о его жизни, остаются пока очень малоизвестными» [Durry, 1999: 57]. В некоторой степени это объясняется тем, что некоторые авторы пытаются осмысливать и оценивать идеи Кубертена, опираясь не на его оригинальные работы, а на кочующие из одной публикации в другую ошибочные представления по данному вопросу.

Во-вторых, даже «среди членов МОК очень немногие понимают то, о чем действительно говорил Кубертен, хотя они и заинтересованы в том, чтобы олимпийское движение стояло над остальными спортивными организациями из-за своего «духовного статуса»» [Müller, 1998: 5–6].

В последующем тексте при изложении кубертеновской концепции современного олимпизма используются материалы предыдущих публикаций автора данной книги [Столяров,

1996б, в, 1998е, 2000б, 2005в, 2010л, 2011и, 2012а, 2013 г, ж, з, и, 2014а, в], а также диссертации Г.М. Аксенова [Аксенов, 2003], которая выполнена под руководством автора.

Для того, чтобы правильно понять идеи Кубертена, в первую очередь важно учитывать ту основную цель, достижению которой он посвятил свою жизнь.

Реформа системы воспитания как центральный элемент концепции

Часто встречаются утверждения о том, что в течение всей своей жизни основные усилия Кубертена были направлены на возрождение Олимпийских игр. Такое утверждение встречается, например, в учебных пособиях по олимпийскому образованию: Кубертен «был еще совсем молодым человеком, когда высказал мысль о возрождении Олимпийских игр. С этого момента всю свою жизнь Пьер де Кубертен подчинил осуществлению великой идеи» [Книга олимпийских знаний, 2004: 15; Олимпийский учебник студента... 2003: 14–15].

Такие утверждения не в полной мере соответствуют реальности.

На определенном этапе своей деятельности Кубертен действительно пришел к выводу о необходимости возрождения Олимпийских игр и много сил отдал для реализации этой идеи. Но сама эта идея подчинена его *главной цели – реформировать существовавшую в тот период систему образования и воспитания.*

Этот замысел не случайно возник у Кубертена. Он учился в Парижском лицее и в военной школе в Сенсоре, а после окончания в 1880 г. иезуитского колледжа Святого Игнатия в Париже, отказавшись, вопреки желанию семьи, от военной, дипломатической и юридической карьеры, продолжил образование в Парижской свободной школе политических наук. В Парижском университете Кубертен получил три бакалаврские степени: гуманитарных наук (1880), точных наук (1881) и права (1885). В период учебы Кубертена система образования и воспитания во Франции подвергается резкой критике за ее невосприимчивость к новым научным, промышленным и общественным реалиям. Это во многом содействовало критическому настрою его мыслей в отношении этой системы. С ранних лет путь решения социальных проблем Кубертен усматривал в *реформе системы образования и воспитания.* И на протяжении всей своей жизни эту реформу он считал главной целью. Эта идея «наполнила смыслом всю его дальнейшую жизнь с того момента, когда в решении образовательной проблемы он увидел ключ к человеческому счастью и общественному благополучию» [Rioux, 1986: 3].

Об этом неоднократно писал и сам Кубертен:

- «Я уже почти поступил в академию Сен Сир, уже видел себя погруженным в череду мирных лет со всей монотонностью гарнизонной службы, как вдруг мне пришло в голову резко изменить свой жизненный путь. Я захотел связать свое имя с большой реформой в области воспитания и образования» [цит. по: Politik... 1980].

- «Насколько я помню, у меня было такое чувство, что действенное лекарство таится в преобразованной системе воспитания, способной восстановить общественное спокойствие, влить струю мудрости и разумной силы» [цит. по: Дьюри, 1974: 123].

- «Никакая реформа политического, экономического или социального характера не будет успешной без предшествующей ей реформы педагогики» [см. Anthony, 1994: 29].

- «В течение пятидесяти лет мое существование было связано с педагогической реформой, в которой я начал прозревать первейшую и важнейшую необходимость нашего времени. Решительно отвергая все, что могло бы увлечь меня по другой стезе, с того момента я ориентировал себя исключительно в этом направлении» [см. Anthony, 1994: 31].

Один из лучших знатоков кубертеновского наследия – Ив. П. Булонь заметил по этому поводу: «Кубертен был всю свою жизнь прежде всего реформатором системы образования. Это подтверждается многочисленными работами, которые он посвятил этой теме, – такими, в частности, как «Утилитарная гимнастика» (1905), «Универсальный анализ» (1907) о проблеме интеллектуального воспитания, «Взаимное уважение» (1915) о проблеме морального воспитания. Именно в свете этих работ и только в их перспективе (предоставим психоаналитикам искать другую) нужно читать труды Кубертена об олимпизме» [цит. по: Кахигал, 1983б: 24].

На это обращают внимание и некоторые другие исследователи.

• М. Мзали в своей лекции в МОА специально подчеркнул, что призыв Кубертена к возрождению Олимпийских игр древности на самом деле является результатом его долгих и кропотливых исследований в сфере образования» [Mzali, 1979: 63].

• «Олимпийские игры в глазах Кубертена – не цель, но лишь средство распространения идеи спорта, в свою очередь, являющегося главной составной частью системы воспитания» [Дьюри, 1974: 124].

В связи с этим особенно важно отметить, что при характеристике идей и деятельности Кубертена основное внимание, как правило, обращается на его замысел *возродить Олимпийские игры*, а лежащая в основе этого замысла *педагогическая концепция* либо вообще не затрагивается, либо кратко упоминается.

«Удивительно, – пишет по этому поводу Ж. Дьюри, – до какой степени тень, отброшенная главным творением его жизни, затмила само это внушительное здание, которое Кубертен, этот мечтатель, возводил в течение последующих 40 лет. А ведь уже тогда было ясно, что Олимпийские игры в глазах Кубертена не цель, но лишь средство распространения идеи спорта, в свою очередь являющегося главной составной частью системы воспитания» [Дьюри, 1974: 124]. То же отмечает и Д. Энтони – член Совета Международного комитета имени Кубертена. Он пишет, что Кубертен «известен миру почти исключительно своей работой по возрождению Олимпийских игр. Его активная образовательная деятельность и ведущая роль в развитии физического воспитания в мире еще не получили должного признания, даже в профессиональных кругах, связанных с физическим воспитанием» [Anthony, 1994: 30].

Значит, для правильного понимания разработанной Кубертенем концепции современного олимпизма прежде всего важно учитывать главную цель его деятельности – реформировать существовавшую в тот период систему воспитания.

Важнейшее значение в той или иной системе воспитания играет *цель* этой педагогической деятельности – тот *идеал личности*, на реализацию которого она ориентирована, т. е. представление о том, какими качествами должен обладать наилучший, совершенный, образцовый человек. Целевая установка воспитательной деятельности самым существенным образом влияет на ее содержание, формы и методы.

Поэтому Кубертен, разрабатывая новую систему воспитания, прежде всего огромное внимание уделил поиску того *идеала личности*, на который должна ориентироваться эта система.

Идеал личности в олимпийской концепции Кубертена

Увлечение историей и философией Древней Греции определили ориентацию в проектируемой им системе воспитания на идеалы *гуманизма* и в первую очередь на *гуманистический идеал личности*.

Как отмечено выше (см. гл. 2) гуманизм ориентирован на такую личность, для которой характерно *целостное* развитие качеств и способностей. Но в разных гуманистических

концепциях по-разному могут пониматься те качества (способности) человека, которые, согласно гуманистической концепции, должны быть у него целостно (разносторонне и пропорционально) развиты. В зависимости от этого дается разная интерпретация целостного развития личности, на передний план выдвигаются те или иные аспекты этого развития.

Наиболее широко в гуманистической философии представлено такое его понимание, согласно которому оно предполагает *полноценное и пропорциональное развитие как телесных (физических), так и духовных (нравственно-эстетических) качеств*. Такое развитие личности чаще всего обозначают термином «*гармоничное развитие*» [Берсенева, 2008; Гармонический человек... 1965; Загвязинский, Амонашвили, Закирова, 2002; Кузнецова Л.В., 1988; Прядченко, 2005; Штайнер, 1995; Шумакова, 2006; Щетинина, 2010 и др.].

Идея целостной личности как гармонично развитого человека возникает в культуре разных эпох и народов. Наиболее ярко она представлена в лоне античной культуры [Античная агонистика... 2002; Баумгартен, 2000; Билинский, 1998; Быховская, 1998б; Рожанский, 1991; Steinhaus, 1961; Young, 2005]. Древнегреческие мыслители сформулировали личностный идеал *калокагатии* (греческое слово *kalokagathia* от *kalos* – прекрасный и *agatos* – добрый), который подразумевает у человека гармонию тела и души, сочетание внешних достоинств с внутренними, духовными, нравственными качествами [Лосев, 1960]. Этот идеал восходит к платоновской и аристотелевской триаде: музыка, философия и гимнастика, которые рассматриваются как фундаментальные элементы, затрагивающие все аспекты человеческого существования: чувственный, познающий и психологический. «Если человек занимается только гимнастикой, – писал Платон, – то становится жестоким, грубым и диким; душа его, если бы в ней и была какая любознательность, не наслаждалась ни учением, ни исследованием какого-либо предмета, не занимаясь ни словом, ни иною музыкою, становится слабой, глухой и слепой; потому что она не возбуждается и не питается, и не очищает чувств своих». Идея гармонии телесного и духовно-нравственного начал в человеке нашла отражение в практике образования и воспитания античности. Свидетельством направленности этого образования на данную идею, стремления гармонично объединить совершенное владение тела, умение владеть собой, соблюдение правил чести и т. п. является тот факт, что гимнасионы в Афинах возглавляли люди, которых именовали «софронисты», т. е. «заботящиеся о добродетели» [Быховская, 1998: 9, 11]. И даже в Спарте воспитание физически здорового, сильного и выносливого воина осуществлялось в единстве с интеллектуальным и эстетическим воспитанием: в школах детей обучали «пиррическим танцам», приравнивая их к общей физической подготовке будущих воинов [Передельский, 2009а, б; Шумакова, 2006].

Зародившаяся в Древней Греции *олимпийская идея* также базировалась на положении о гармонии телесности и духовности (нравственности) человека [Античная агонистика... 2002; Быховская, 1998; Szymiczek, 1972]. С этих позиций в Древней Греции было сформировано и понимание «*идеальной олимпийской личности*». Образцом такой личности считался Геркулес, воплощающий в себе гармонию телесных и духовных качеств [Paleologos, 1977, 1985]. Как отмечает К. Палеологос, «герой и полубог Геракл – пример симметрии, истинный настоящий образец красоты. Этот великий идеал красоты и достоинства должен был стать примером для мужчин так, чтобы они могли представить эту действительную личность и понять его непревзойденное моральное и физическое величие». 12 подвигов Геракла «демонстрировали, что спортивные дела и достижения не были совершены исключительно телом, независимо от того, как хорошо оно натренировано, если сам человек не имел чистой и возвращенной души, быстрого ума, храбрости, веры, настойчивости, то есть всех необходимых духовных и интеллектуальных достоинств». В Храме Зевса в Олимпии демонстрируется хорошо тренированное тело Геракла, прекрасные, красивые особенности его рельефных мускулов. «Это – правило Ионийской школы, которая видит героя как представителя

«kalos kagathos», где хорошо сформированное и гармоничное тело служит выражением красивой души, и лицо излучает интеллект, доброту и честность» [Paleologos, 1985: 54, 60, 67].

К числу качеств целостно развитой личности гуманисты античности относили и такие «человечные» качества человека, как достоинство, творчество, способность к самопознанию, самореализации, самопреодолению, саморазвитию – «открывать в себе свою собственную суть», «превосходить себя», «подниматься выше себя» и т. п. Им принадлежат, в частности, такие известные древние изречения гуманистической ориентации: «*Познай самого себя*» (лат.: «Nosce te ipsum»), которое было высечено на колонне при входе в храм Аполлона в Дельфах в качестве призыва бога Аполлона к каждому входящему, и «*Победи самого себя!*» («Te ipsum vincere!») или «*Нет большей победы, чем победа над собой!*» Платона.

Идея гармонии телесного (физического) и духовного (нравственного) в человеке обосновывается в работах не только античных философов, но и философов последующих периодов времени. И. Кант в трактате «О педагогике» рассуждает о том, что следует воспитывать гармонично развитую личность, что духовное и внешнее начало должно быть сбалансировано. Культуру тела он связывает воедино с культурой души, которую тоже называет в определенной степени физической. Ф. Фурье писал о необходимости гармонического, а Г. Спенсер – умственного, нравственного и физического воспитания [Хрестоматия по истории... 2001]. В 20-х годах XX века возникло новое философское направление, которое получило название «холизм» («философия целостности»). В рамках этого направления человек рассматривается как целостная личность, в которой гармонируют внутреннее и внешнее начала.

Положение о необходимости гармоничного единения физического и духовного начал человека лежит практически во всех педагогических концепциях гуманистической ориентации в прошлом и в настоящее время [Валеева, 1997; Загвязинский, Амонашвили, Закирова, 2002; Лихачев, 1997; Селиванова, 1998; Степашко, 1999; Стратегия воспитания... 2004; Хрестоматия по истории... 2001].

Кубертен возродил «идеал гармонично развитого человека» [Брендедж, 1991: 29]. В античной греческой философии он увидел основу для нового типа педагогики, включающей в себя *гармоничные отношения между душой и телом, мускулами и духом, красотой и добродетелью* [Zuchora, 1994: 39]. Опираясь на такое понимание идеальной личности, Кубертен считал, что картезианское разделение тела и души – двух элементов единого, целостного человеческого бытия, рассмотрение их как двух совершенно независимых друг от друга факторов ведет к дисгармонии человека. «Поэтому, – писал он, – эти два фактора должны быть интегрированы в единое гармоничное целое, чтобы достигнуть эвритмии» [цит. по: Durántez, 1994b: 88]. Слово «*эвритмия*» («*eurhythmy*») он часто использовал для обозначения своей идеи гармонии физических и духовных способностей человека. Как отмечает Э. Хён, «эвритмия», которая в начале XX в. определялась как «регулярность, гармония и пропорциональность», а в толковом словаре, изданном в ГДР, как «красота, совершенство форм жизни и самовыражения», для Кубертена служила термином, обозначавшим содержание и проявления высококультурного, совершенного образа жизни, который должен быть достигнут не в последнюю очередь благодаря современному олимпизму [Хён, 1984: 52].

После определения *цели* новой системы воспитания – формирование гармонично развитой личности, – перед Кубертенем встала задача определить *средство* достижения этой цели.

Важнейшее значение в этом плане он придавал *спорту*.

Кубертен о значении спорта для новой системы воспитания

Прийти к выводу о важной роли спорта для реформы системы воспитания Кубертену помогло посещение Англии. Он посещает школы в Хэрроу, Итоне и Регби, учебные заведения Веллингтона, Винчестера, Мальборо, Чартерхауза, Куперс-Хилла, Вестминстера, несколько католических школ, а также университеты Оксфорда и Кембриджа. К тому времени, когда Кубертен приехал в Англию, там в течение 14 лет, начиная с 1828 г., успешно осуществлял реформу образования педагог Томас Арнольд (1755–1842), автор идеи *«мускулистого христианства»* (*«Muscular Christians»*). Т. Арнольд был директором закрытой школы для мальчиков в английском Регби (Rugby School) и работу этого педагогического учреждения строил исходя из глубокого убеждения в том, что главные ориентиры системы образования – инициатива личности, свобода выбора, максимум возможностей для индивидуального развития. Важное значение в достижении этой цели он придавал спорту. В соответствии с этим основными постулатами его педагогики были: психологическая подготовка, которая делает ученика ответственным за собственные возможности; моральное воспитание, позволяющее принимать правильные решения и осознавать их возможные последствия; физическое воспитание, в рамках которого спорт служит *«мощным и одновременно тонким инструментом духовного и нравственного воспитания»*, а также подготовки к активной жизни [Coubertin, 1986a: 368].

Знакомство Кубертена с педагогической концепцией Т. Арнольда привело его к *идее о важной роли спорта в воспитании гармонично развитой личности*. А.В. Кыласов справедливо пишет по этому поводу, что в Англии Кубертен *«наконец нашел, как ему казалось, совершенную модель воспитания молодого поколения высшего общества. Кубертен уверовал, что только спорт может стать универсальным педагогическим средством. Его тогда очень удручало, что весь круг его общения состоял из бездельничающих денди (dandy), среди которых трудно было найти подлинно благородных людей. И у него родилась концепция действенной педагогики и атлетического воспитания, которую, впрочем, он так и не опубликовал»* [Кыласов, 2010а: 42].

С этим последним замечанием А.В. Кыласова нельзя согласиться. Кубертен не только разработал концепцию *«спортивной педагогики»*, *«педагогики спорта»*, *«атлетического воспитания»*, но и изложил ее в ряде своих публикаций. Наиболее полно она изложена в его работах *«Спортивная педагогика»* [Coubertin, 1919] и *«Уроки спортивной педагогики»* [Coubertin, 1921].

Кубертен подчеркивал *многостороннюю* значимость спорта: *«Народы должны осознать все возможности спорта, а не относиться к нему как к чему-то отвлекающему от повседневности, как приятному времяпровождению... Спорт должен занимать достойное место в социальной доктрине народов»* [цит. по: Брендедж, 1991: 30].

Прежде всего он отмечал значение спорта для сохранения и укрепления здоровья. *«Если греки занимались спортом для укрепления здоровья, – писал Кубертен, – он не повредит и нам, как не повредит и их огромная вера в спорт, и их желание достичь физического совершенства, которое воодушевляло их. Когда мы в свое время добьемся прекрасного здоровья, занятия спортом для его поддержания станут даже еще важнее, и мы не совершим ошибку, если отставим все остальные заботы на второй план»* [см. Vialar, 1962b: 79].

Вместе с тем Кубертен подчеркивал, что включение спорта в систему воспитания позволит не только улучшить здоровье и физические качества людей, но также сделать их лучшими гражданами, более честными, оптимистичными и сильным духом.

Важное значение он придавал значению спорта для совершенствования интеллектуальных, нравственных и эстетических способностей человека. По мнению Кубертена, спорт – это средство, с помощью которого индивидуум может достичь «гармонизации двух видов силы» – мышечной и духовной, что дает ему возможность обрести физическое здоровье и духовную гармонию [см. Georgiadis, 1999: 49]. Он доказывал, что спорт способен формировать «характер и укреплять нравственные силы», а также «инициативность, стойкость, энергичность, стремление к самосовершенствованию и пренебрежению к возможным опасностям», а значит, содействовать не только физическому совершенствованию, но и «гармоничному развитию взрослого человека (equilibrium of the adult)» [Coubertin, 1966b: 57, 79, 108].

По мнению Кубертена, «изучение собственного сознания, анализ чувств и эмоций – единственный способ морального совершенствования – имеет в спорте неограниченное поле, неограниченные возможности для применения. И эта возможность для больших свершений в области педагогики обязательно должна быть использована ею» [Coubertin, 1919: 137–138].

Кубертен полагал, что спорт способен внести вклад в решение не только личного совершенствования, но и *социальных отношений*: он может вдохнуть в человечество дух свободы, мирного соревнования, способствовать укреплению дружбы и взаимопонимания между народами, их культурному сотрудничеству. Таким образом, спорт, спортивные соревнования и подготовку к ним Кубертен оценивал как наиболее эффективный путь совершенствования человека и человечества: «Среди всех сил, движущих современным миром и обогащающих человечество, нет, на мой взгляд, такой, на которую мы можем положиться больше, чем на спорт. Это сила, которая отвечает всем современным нуждам» [цит. по: Vialar, 1962a: 70].

Однако это – *лишь один аспект* оценки Кубертенем спортивной деятельности. *Он фактически первый обратил внимание на возможность неоднозначного и даже противоречивого влияния спорта на личность и социальные отношения.*

Высоко оценивая гуманистический потенциал спорта для воспитания совершенной личности и гуманных социальных отношений, Кубертен неоднократно подчеркивал, что спорт может – при определенных условиях – *отрицательно* влиять на здоровье человека, на его личностные качества, в том числе культуру, способен развивать в человеке жестокость, чувство мнимого превосходства над другими; он может использоваться как средство разжигания межнациональных конфликтов, решения узкокорыстных политических целей и т. д.

♦ Спорт «может вызывать к жизни как самые благородные страсти, так и самые низменные... может развивать бескорыстие и чувство достоинства, также как и любовь к наживе... может быть рыцарски благородным или развращенным, мужественным или брутально жестоким; наконец, его можно использовать как для укрепления мира, так и для подготовки к войне» [Кубертен, 2011: 22].

♦ «Мы знаем, – писал также Кубертен, – что спорт может привести к тяжелым злоупотреблениям, утонуть в меркантилизме и низменной грязи, и от такой судьбы нам необходимо его уберечь. Если этого не сделать, разрушатся все надежды, связанные со спортом, и он не будет играть никакой роли ни в школьном воспитании, ни в общественной жизни, а, напротив, поможет коррупции, дав ей дополнительный шанс» [Coubertin, 1986a: 369].

Положение Кубертена о возможности противоречивого влияния спортивной деятельности на личность и социальные отношения имеет важнейшее значение для понимания его идеи возродить Олимпийские игры, а также всей концепции современного олимпизма.

Идея возрождения Олимпийских игр в концепции Кубертена

В отношении этой идеи нередко допускаются две неточности.

Во-первых, Кубертену ошибочно приписывают первенство в возрождении античных игр Олимпиад. По уточненным данным, современные Олимпийские игры проводятся без малого 400 лет. Полагают, что отсчет времени их проведения следует начинать с 1612 г., «когда от простого интереса к античным играм перешли к организации состязаний по их образу и подобию» [Кыласов, 2010а: 177].

Идею возрождения древних Олимпийских игр осуществил королевский прокурор Роберт Довер (Robert Dover, 1575–1652), который во времена правления Якова I организовал в городе Чиппинг Кэмпден (Chipping Campden) графства Глостер Олимпийские игры Котсуолда (Cotswold Olimpick Games). Эти игры с участием местного населения проводились ежегодно вплоть до 1852 г.

Особенно важное значение имели организованные в 1850 г. Олимпийские игры в Мач Венлоке графства Шропшир, которые основал пригласивший на них Кубертена доктор Вильям Пенни Брукс. Не случайно 7-й президент МОК Хуан Антонио Самаранч, прибыв в Мач Венлок, возложил венок на могилу Брукса и произнес речь: «Я приехал воздать дань уважения и почтить память доктора Брукса, который поистине был основателем современных Олимпийских игр» [цит. по: Кыласов, 2010а: 49].

Предпринимались и другие попытки возрождения античных Игр – в Германии, Канаде, Франции и Швеции – суммарно уже 341 раз в течение 280 лет.

Во-вторых, идею Кубертена возродить Олимпийские игры и на их основе развить олимпийское движение часто объясняют стремлением содействовать *повышению интереса к спорту и развитию его в международном масштабе*.

Такое желание действительно было у Кубертена. Для периода зарождения современного олимпийского движения (вторая половина XIX в.) характерна неразвитость спорта и спортивных отношений как в рамках отдельных стран, так и в международном масштабе. Международное спортивное движение еще только зарождалось. Встречи спортсменов разных стран были крайне редкими. Регулярное проведение Олимпийских игр, по мнению Кубертена, могло стимулировать интерес к спорту, способствовать развитию спортивных контактов, содействовать тому, чтобы «эти контакты стали периодическими и завоевали себе неоспоримый авторитет», приобрели международный статус, т. е. «интернационализировать» спорт.

И все же не в этом состоял *основной смысл* кубертеновской идеи возрождения Олимпийских игр и разработанной им концепции современного олимпизма. Подчеркивая важную роль спорта как средства формирования совершенной личности, Кубертен осознавал возможность его противоречивого влияния на личность и социальные отношения, использования не только в позитивных (с точки зрения гуманизма), но и негативных целях.

Поэтому на первый план для Кубертена вышла задача: *каким образом максимально полно использовать огромный воспитательный потенциал спорта и предотвратить связанные с ним возможные негативные явления*.

Он неоднократно указывал на то, что нужен не любой спорт, а спорт «*воспитательный*» («*educatif*»). Чтобы спорт мог выполнять свою воспитательную функцию, писал Кубертен, необходимо его «*облагородить*»: «именно потому что в новом, формирующемся ныне мире спорт может играть важнейшую роль для прогресса и восстановления дружеских связей между государствами, мы хотим, чтобы спорт был чище и благороднее» [см. Vialar, 1962b: 81, 85]. В 1896 г., касаясь роли спорта в борьбе за мир, Кубертен выразил надежду

на то, что в рамках олимпийского движения «атлетизм будет возвеличен и облагорожен, и международная молодежь будет черпать в нем любовь к миру и уважение к жизни» [цит. по: Петров, 1980: 18].

Учитывая возможность негативного влияния спорта на личность и социальные отношения, использования его в антигуманных целях, Кубертен постоянно ставил и обсуждал вопрос о том, каким образом избежать этих негативных явлений.

Для этого он предлагал ряд мер:

четкую дифференциацию спортивного воспитания посредством физических упражнений и на основе использования соревнований; недопущение чемпионатов, организуемых казино и гостиницами или по случаю выставок и общественных фестивалей;

запрет на проведение боксерских поединков за денежные призы; отказ муниципалитетов от строительства крупных стадионов, предназначенных исключительно для спортивных «шоу», сооружение стадионов согласно модернизированному плану древнегреческих гимнасий;

запрещение превращать в зрелища соревнования, в которых участвуют спортсмены моложе 16 лет;

развитие спортивной медицины, поддерживающей хорошее состояние здоровья, в дополнение к медицине, ориентированной лишь на лечение заболеваний или травм;

популяризацию занятий спортом среди взрослых людей и уменьшение интенсивности спортивных занятий для подростков и т. д. [Кубертен, 1997: 173–175].

Важные рекомендации по решению проблемы гуманизации спорта Кубертен формулирует и в «Спортивной педагогике»: «Во-первых, это сочетание спортивной деятельности с другими сферами жизни человека. Спортивные упражнения, причем не только в процессе обучения, но и в обычной жизни желательно сочетать с умственными, с постоянной работой мысли. Физическое упражнение не должно расцениваться как просто нечто противоположное умственной работе, а, наоборот, должно стать ее постоянным и почетным спутником. Во-вторых, это эффективное взаимодействие ученика и учителя, сына и отца, опытного спортсмена и новичка. Только такое тесное взаимодействие и сотрудничество может открыть глаза начинающему спортсмену на подстерегающие его трудности, на всю серьезность стоящей перед ним задачи и закалить его морально. С другой стороны, для более опытного спортсмена это сотрудничество не менее плодотворно, так как дает ему возможность оставаться всегда молодым» [Coubertin, 1919: 238–239].

В связи с отмеченным выше вызывает удивление такое положение, которое Эльк Франке приписывает Кубертену в ходе критики его философской концепции олимпизма: «...Кубертен исходил из того, что мужество, храбрость, взаимоуважение, терпимость и чувство локтя как бы автоматически возникают в ходе физических упражнений» [Франке, 2006: 74]. Это ошибочное, на наш взгляд, положение повторяет и А.В. Кыласов: «Путая причинно-следственные связи, вождь олимпизма исходил из того, что мужество, храбрость, взаимоуважение, терпимость и чувство локтя естественным образом возникают в ходе физических упражнений. Иными словами, муштра создает добропорядочных граждан. А под влиянием образов спорта жизнь улучшается. Здесь можно продолжить ряд силлогизмов: большая голова свидетельствует о широте мысли, красивое оперение птиц – об их прекрасном пении и т. д.» [Кыласов, 2010а: 276]. Если опираться на работы Кубертена и высказываемые в них положения, становится очевидно, что позиция Кубертена в данном вопросе *прямо противоположна* той, которую ему приписывают указанные авторы.

Указанные меры Кубертен рассматривал как *частичные*, не способные *в полной мере* решить проблему использования спорта в новой гуманистически ориентированной системе воспитания. Знакомство с античной культурой подсказало Кубертену более эффективное средство решения данной проблемы – *возрождение Олимпийских игр*. При этом он исхо-

дил из того, что древние греки культивировали эти Игры главным образом не для развития тела и не для создания спектаклей-праздников, а для воспитания человека. Культивируя тело в процессе соревнований и подготовке к ним, Игры развивали и оттачивали духовные качества, формировали человека, совершенного во всех отношениях – гармонично развитую личность. Именно для этой цели Кубертен и предлагал возродить Олимпийские игры.

♦ «Мы воссоздали их не из-за меркантильных интересов, не для того, чтобы они стали музейным экспонатом или реквизитом для кино, или же они стали объектом предвыборных интриг. Возрождая институт спорта, который насчитывает две с половиной тысячи лет, мы хотели, чтобы вы могли снова стать адептами религии спорта, в том виде, какой ее создали наши великие предки. В современном вырождающемся мире все еще много величайших возможностей, и олимпийское движение может стать школой благородства и моральной чистоты, «рыцарства», стойкости и физической энергии» [Кубертен, 2011: 144].

♦ «Почему я возродил Олимпийские игры? Чтобы облагородить и укрепить спорт, чтобы обеспечить его независимость и стабильность, и таким образом дать ему возможность лучше выполнять ту воспитательную роль, которая выпала ему в современном мире» [см. Anthony, 1994: 27].

♦ «Я хотел возродить не только форму, но и принцип этого тысячелетнего мероприятия, потому что именно в нем видел для своей страны и для всего человечества направление педагогического воспитания, которое вновь стало необходимым» [Кубертен, 2011: 59–60].

♦ «Важнее всего сохранить за спортом тот благородный и рыцарский характер, который отличал его в прошлом, чтобы спорт мог и далее играть ту блестящую роль в воспитании современных народов, какая была ему предназначена нашими учителями-греками» [цит. по: Адам, 1981: 58].

Значит, **основная идея разработанной Кубертенем концепции современного олимпизма состояла в том, чтобы на основе возрождения Олимпийских игр, развития олимпийского движения содействовать *повышению воспитательной роли спорта, решению связанных с ним педагогических задач.***

Воспитательной роли Олимпийских игр специально посвящена одна из статей Кубертена [Coubertin, 1912].

Такая его позиция объясняет, почему, в частности, к числу «основных пунктов» концепции Олимпийских игр он относил «исключение лиц школьного возраста» из числа участников Олимпийских игр. В «Олимпийских мемуарах», обсуждая результаты Конгресса в Париже (23 июня 1894 г.), на котором обсуждалась данная концепция, Кубертен писал: «Викелас⁷ и швед Берг предлагали ввести состязания для детей, что мне представлялось непрактичным и опасным» [Кубертен, 2011: 19]. По той же причине он критически оценил II Олимпийские игры (Париж, 1900). По мнению Кубертена, опыт этих Игр, которые были включены в программу Всемирной выставки, проходившей в Париже, «подтвердил, что следовало остерегаться включения Игр в любые крупные ярмарки, на фоне которых философское значение Игр улетучивается, а их педагогическое воздействие становится неэффективным» [Кубертен, 2011: 47].

Главной воспитательной задачей олимпийского движения Кубертен считал воспитание посредством спорта целостной личности, для которой характерна гармония физических и духовных способностей.

Возрождение античных Олимпийских игр Кубертен рассматривал как важное средство повышения *не только воспитательной роли спорта, но также как интереса к нему и развитию спорта в международном масштабе.*

⁷ В тексте перевода фамилия Д. Викеласа искажена: вместо Виклас написано Бикелас.

В реализации своей концепции Кубертен опирался на ряд теоретических положений и рассчитывал на комплекс форм и методов, связанных с Олимпийскими играми и олимпийским движением.

Ниже дается их краткая характеристика.

Необходимость педагогической ориентации МОК

Задумывая олимпийское движение как средство повышения воспитательной роли спорта, Кубертен прежде всего, учитывал существенную зависимость социального значения спортивной деятельности от того, какие *задачи* ставят перед собой те, кто вовлечен в эту деятельность, каким образом и для каких целей она *используется*.

Об этом свидетельствует, в частности, следующий факт: обращая внимание на все возрастающее значение спорта, на то, что «его роль в современном мире станет еще более значительной и прочной в современном мире, так же как это было в Античности», Кубертен подчеркивал, что «сегодня, как и в былые времена, его влияние может оказаться благотворным или вредным, в зависимости от того, как его использовать, и от направления, в котором оно будет развиваться [Кубертен, 2011: 22].

Поэтому, рассматривая олимпийское движение как важнейшее средство повышения воспитательной ценности спорта, он рассчитывал на ***преимущественно педагогическую ориентацию руководящих деятелей этого движения***. Кубертен полагал, что *члены МОК (в отличие от руководителей других спортивных обществ) в первую очередь будут ориентированы во всей своей деятельности на решение не просто спортивных, а связанных со спортом педагогических задач, на использование спорта в целях воспитания*.

Об этом Кубертен прямо пишет, давая оценку первых Олимпийских игр (Афины, 1896 г.): «В Афинах мы облачили в одежды истории, если можно так выразиться, голую спортивную технику: ни конгрессов, ни конференций, никаких видимых действий, направленных на укрепление морали и воспитания. Однако, чтобы обеспечить завтрашний день Игр, надо было вспомнить об интеллектуальном и философском смысле моего начинания. Я стремился изначально, чтобы МОК по своему значению и роли был гораздо выше и важнее обычных спортивных обществ» [Кубертен, 2011: 37].

Кубертен считал, что члены МОК не обязательно должны быть компетентными в вопросах организации соревнований, заменяя тем самым технических специалистов. В первую очередь члены МОК должны быть «доверенными лицами олимпийской идеи», и их задача заключается в том, «чтобы пропитать этой идеей все соревнования Игр» [Кубертен, 2011: 56].

Олимпийские конгрессы

Чтобы акцентировать внимание членов МОК и организаторов Олимпийских игр на проблемы использования спорта как средства воспитания, по инициативе Кубертена стали проводиться ***олимпийские конгрессы***, в повестку которых он прежде всего включал *спортивно-педагогические* вопросы.

Организованный по его инициативе в 1894 г. в Париже конгресс, названный впоследствии I Олимпийским конгрессом, официально назывался Конгресс по возобновлению Олимпийских игр. Однако Кубертен постоянно подчеркивал на этом конгрессе, что в первую очередь речь идет о значении спорта для «обновления человечества через воспитание» [цит. по: Лотц, 1983: 17].

На последующих Олимпийских конгрессах по инициативе Кубертена также в первую очередь обсуждались не организационные, а социально-педагогические вопросы.

Так, на II Олимпийском конгрессе в Гавре (1897 г.), который проходил под девизом «Восстановление единства мышц, воли и мысли», предметом обсуждения были следующие спортивно-педагогические проблемы: «О различии между свободными играми и упражнениями под команду: преимущества и недостатки первых и вторых.

О моральном влиянии физических упражнений на детей, подростков: влияние физических усилий на формирование характера и развитие личности.

Об организации физических упражнений в лицах и колледжах: могут ли их организовывать и руководить ими сами ученики и каким образом? Последствия самостоятельности, предоставленной ученикам» [Кубертен, 2011: 37].

В программу Олимпийского конгресса в Лозанне (1913 г.), который был посвящен спортивной психологии, Кубертен также внес ряд спортивно-педагогических проблем: «Может ли потребность в спорте формироваться физически посредством привычки, протекающей либо из мускульного автоматизма, либо из жажды красоты, порожденной интенсивными упражнениями, а также в нравственном отношении – амбицией, независимо от того, возникает ли эта амбиция от желания получить аплодисменты или же ее цель более благородна, как, например, поиск красоты, здоровья или силы?

...Интеллектуальные и моральные качества, развиваемые и используемые каждым видом спорта. Различные условия занятия разными видами спорта: уединение и товарищеские отношения; взаимопомощь и соперничество; инициатива и дисциплина; формирование и развитие команды.

...Обычная тренировка может быть чисто физической и повышать только выносливость и силу, но она может способствовать духовному развитию посредством укрепления воли, храбрости и уверенности в своих силах, а также интеллектуальному росту, кроме того, что тренировка дает спокойствие и психическую устойчивость. Но в каких условиях? Наконец, какова взаимосвязь спортивной активности и практической философии жизни?» [Кубертен, 2011: 95]

Олимпийские идеалы и культурные образцы в концепции Кубертена

В разработанной Кубертенем концепции современного олимпизма много внимания уделяется формулированию и обоснованию *олимпийских идеалов и культурных образцов*, которые призваны не только *повысить ориентацию* субъектов олимпийского движения на решение воспитательных задач, но и *конкретизировать* эти задачи.

К числу таких спортивно-ориентированных идеалов он относил прежде всего сами *Олимпийские игры*.

Кубертен неоднократно подчеркивал, что «Олимпийские игры – это не просто международные соревнования» [Кубертен, 2011: 59]. В своей вступительной речи на Олимпийском конгрессе в Праге в 1925 году он сказал: «Возрожденный олимпизм» может стать наиболее эффективным пропагандистом усилий по реализации олимпийских ценностей «при условии, что мы перестанем пытаться ассимилировать Олимпийские игры в чемпионаты мира» [цит. по: Mzali, 1979: 62]. По его мнению, различие между «Олимпийскими играми и обычными международными чемпионатами» состоит в том, что они призваны содействовать реализации «олимпийской идеи» [Кубертен, 2011: 56]. Суть этой идеи выражена в словах Кубертена: «Олимпийские игры по существу есть великий урок философии, подпитывающий спортивный патриотизм; философии, провозглашающей единство тела и духа» [Кубертен, 2011: 133].

На реализацию олимпийской идеи и придание специфики Олимпийским играм ориентирован и придуманный Кубертенем *олимпийский церемониал* (зажжение олимпийского огня, олимпийский флаг, олимпийский гимн, олимпийская клятва и т. д.).

«Церемониальная часть, – писал он в 1910 г., – является одной из важнейших, и мы должны урегулировать ее в первую очередь», поскольку Олимпийские игры могут выделиться на фоне «обычной серии мировых чемпионатов» и превратиться во всеохватное «философское и историческое учение» лишь «благодаря блеску... мощной символики» [цит. по: Франке, 2006: 71].

В списке обетов, данных первым конгрессом 1894 года, фигурировал призыв к МОК «ввести в его регламент положение, дающее ему право отстранять от участия в соревнованиях любое лицо, которое своими прежними делами могло бы бросить тень на добрую репутацию начинания». Как отмечает Кубертен, хотя эта «формулировка была какой-то неясной», «все же ее включили в регламент, чтобы сохранить возможность своего рода моральной защиты, понемногу приучая современное олимпийское движение к идее чистоты состязания, составлявшей одну из основ античных Олимпиад» [Кубертен 2011: 62].

Значит, по мнению Кубертена, *Олимпийские игры* с точки зрения своей педагогической направленности, ориентации, гуманной атмосферы и даже состава участников *должны служить образцом* для других спортивных соревнований. Тем самым они должны помочь решить задачу возрождения и усиления *духовно-нравственных начал, воспитательной* роли спорта, сделать его «чище и благороднее», повысить роль спорта в совершенствовании человека и социальных отношений [Coubertin, 1986b].

Существенную роль в педагогической ориентации Олимпийских игр и олимпийского движения, по мысли Кубертена, играют их участники. *Олимпийцы должны быть идеальным образцом развития личности. Олимпиец, homo olympicus*, – это атлет, который демонстрирует не только спортивное мастерство, но также полноценное и пропорциональное развитие физических, психических и духовных (нравственно-эстетических) качеств, т. е. *гармоничное развитие личности*.

Для характеристики такой личности олимпийского атлета Кубертен использовал придуманный им и конкретизирующий его идею «эвритмии» девиз: «*Mens fervida in corpore lacertoso!*» («*Возвышенный дух в развитом теле!*»). Этот девиз, на который Кубертен впервые указал в 1911 г. [Coubertin, 1911], призван был заменить известное выражение Ювенала «*Orandum est ut sit mens sana in corpore sano*» (как правило, ему дается не совсем точный перевод: «В здоровом теле – здоровый дух»)⁸. По мнению Кубертена, «этот идеал, этот идеал, сугубо гигиенический, был слишком медицинским, чтобы соответствовать честолюбию молодых людей» [Кубертен, 2011: 84].

Идеал личности, отвечающий девизу «Возвышенный дух в развитом теле!», Кубертен мечтал привить всему человечеству в качестве его *raison d'être* (смысла существования). Согласно этому идеалу, олимпийскому атлету должны быть присущи совершенные физические качества, здоровье, красота физически развитого тела и движений, а вместе с тем сила духа, интеллект, эстетический вкус, художественный талант, культура речи и общения, честность, великодушие, бескорыстность и др.

Олимпийские игры, как и другие спортивные соревнования, предполагают стремление каждого из участников к *победе*. Ориентация на победу в соперничестве наиболее отчетливо сформировалась в условиях древнегреческой культуры и расцвета агонистики – достаточно вспомнить гомеровский девиз «всегда быть лучше и превосходить других», «всегда быть на голову выше всех остальных».

⁸ Как отмечает Г. Ленк, у Ювенала сказано: «Желательно, чтобы в здоровом теле был здоровый дух» [Ленк, 1982: 2]. Дается и такой перевод этой фразы с оригинала: «Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом» [Ювенал, 1994].

Абсолютизация такой ориентации приводит к позиции, которую наиболее четко сформулировал футбольный тренер из США В. Ломбарди. Ему приписывают слова: «*Победа – не самое главное, победа – единственное, ради чего стоит бороться*» [Макинтош, 1998]. В соответствии с таким подходом *идеалом* для воспитания в спортивной деятельности становится *спортсмен высочайшего класса, рекордсмен*, который в соперничестве с другими стремится только к победе и добивается ее *любыми средствами*.

Позиция Кубертена по данному вопросу иная и включает в себя два основных пункта.

1. Олимпийские атлеты должны стремиться к максимально высокому результату. Кубертен категорически возражал против «чрезмерного сдерживания» спортивных результатов, видя в их постоянном росте «притягательность» спорта и его «право на существование» [цит. по: Daume, 1981: 67]. Мысль покончить с этим он считал утопией, взлелеянной неспортсменами [Coubertin, 1909a]. Критикуя тех, кто призывал к «умеренности», к отказу от спортивных рекордов, Кубертен писал: «Спортивный рекорд является неизбежной вершиной всей спортивной системы, его неустранимость сродни неустранимости «вечной аксиомы» (так назвал закон Ньютона французский писатель Тэн). Вы не можете надеяться устранить ее, не разрушив все остальное. Поэтому, сторонники утопии умеренности, признайте свое поражение. Умеренность противоречит самой природе. Наблюдайте, как мы продолжаем воплощать в жизнь девиз Отца Дидона, который он имел привычку повторять своим ученикам и который стал девизом олимпизма: Быстрее, выше, сильнее!» [Кубертен, 1997: 176]. «Рекорд – это сгусток мышечного совершенства. Торжество воли. В спорте без рекорда – высшего достижения – обойтись нельзя. Выставьте его за дверь – он войдет в окно... В облике рекорда присутствует какая-то торжественность, которая поднимает авторитет спорта, увеличивает его притягательную силу» [цит. по: Лоу, 1984].

Такая позиция Кубертена определялась стремлением использовать спорт в качестве средства воспитания характера, воли и других качеств личности.

2. Как бы ни была желанна олимпийскому спортсмену победа, он *не должен стремиться к ней любой ценой*.

В этом отношении позиция Кубертена принципиально отличается от упомянутой позиции В. Ломбарди. Идеалом для него является спортсмен, для которого на первом плане находится *не успех, не победа в спортивном соперничестве, а поведение, адекватное нравственным нормам*.

Спортсмен должен отдавать предпочтение честному, благородному, рыцарскому поведению в спортивных поединках, ибо только в этом случае спорт, будет выполнять свою воспитательную функцию. Только нравственные ценности способны придать спорту подлинно человеческую, гуманистическую направленность. С таким представлением Кубертена об идеале поведения участников спортивных соревнований связаны и слова в его «Оде спорта»: «Трижды сладостна победа, одержанная в благородной, честной борьбе» [Кубертен, 1987].

По мнению Кубертена, следуя нравственным принципам, олимпийский атлет прежде всего должен стремиться к победе не над соперником, а над *самим собой*. Этот призыв подчеркнут в названии его статьи: «*Победи самого себя!*» [Coubertin, 1915]. А на медали для участников Африканских игр по предложению Кубертена было начертано: «*Athletae Proprium Est Se Ipsum Noscere, Ducere et Vincere*», что означало: «*Обязанность и сущность атлета – познать самого себя, владеть собой, побороть себя*» [Кубертен, 2011: 131].

Отношение Кубертена к победе на Олимпийских играх часто выражают неточно, ошибочно приписывая ему фразу: «*Главное в Олимпийских играх не победа, а участие*» (или: «*На Олимпийских играх важно не столько побеждать, сколько участвовать*») [Макинтош, 1998: 63].

На самом деле эту фразу использовал архиепископ Пенсильванский Э. Тальбот 17 июля 1908 г. в своей речи в соборе Святого Павла в Лондоне, обращенной к участникам IV

Олимпийских игр. Кубертен, выступая 24 июля 1908 г. на торжественном обеде, который английское правительство дало в связи с Играми, оценил речь епископа как «высоко философскую», но скорректировал использованное им выражение и подчеркнул воспитательное значение спорта. «Запомните, господа, эти прекрасные слова: *главное в жизни не триумф, а битва; важнее храбро сражаться, чем победить* (выделено мной – В.С.). Распространять эти заветы – значит, воспитывать более мужественное, более сильное во всех отношениях, более добросовестное и более великодушное человечество» [Coubertin, 1908: 19. Цит. по: Дьюри, 1974: 126].

Кубертену принадлежат и такие слова: «Бесчестие не в том, что ты будешь побежден, а в том, что ты отказываешься от борьбы» («Le déshonneur ne consisterait pas ici à être battu: il consisterait à ne pas se battre») [Coubertin, 1986a: 372].

Значит, в отличие от архиепископа Кубертен на первый план выдвигает не *участие* в соревновании и борьбе, а *отношение* к соревнованию и борьбе. По его мнению, главное – не победа над соперником, а отвага, мужество, проявляемые в ходе борьбы за эту победу, сам дух борьбы, побуждающий человека к совершенству, к преодолению самого себя, своих слабостей и недостатков. Необходимо бороться «храбро» – «*well*», на основе принципов, воспитывающих «*более мужественное, более сильное во всех отношениях, более добросовестное и более великодушное человечество*».

Это существенное отличие в позициях архиепископа и Кубертена не всегда осознается.

Так, например, А.В. Кыласов приводит указанные слова архиепископа, обращенные к участникам Игр IV-й Олимпиады, и пишет: «Интересно, что на сайте МОК в краткой справке о той Олимпиаде содержится разъяснение, что «подлинный смысл этой фразы раскрыл Кубертен». И в этом проявилась его проницательность и чутье. Странно. Вроде бы и так все было понятно» [Кыласов, 2010а: 91].

Значит, позицию Кубертена в обсуждаемом вопросе кратко можно сформулировать следующим образом: *олимпийское поведение в соперничестве предусматривает не просто участие, а проявление мужества, воли, настойчивости, стремление к достижениям, максимально возможному результату, победе, но при этом отказ от желания победить любой ценой, за счет своего здоровья или причинения ущерба здоровью соперникам, посредством обмана, насилия, нечестного судейства и других антигуманных действий. Олимпиец должен отдавать предпочтение честному, благородному поведению в спортивных поединках.*

Что касается идеала **социальных отношений**, то Кубертен, опираясь на идеи либерального гуманизма XIX века, включал в олимпийский идеал такие социальные принципы и ценности, как *демократизм, интернационализм, равноправие всех людей и народов, просвещение в духе истинного патриотизма в сочетании с взаимоуважением наций, несмотря на расовые, религиозные и политические различия, а также гуманистические ценности мира, дружбы и взаимопонимания*. Некоторые из этих принципов и ценностей отражают соответствующие фундаментальные ценности *либерального* мировоззрения (в первую очередь принцип индивидуальной свободы), которое сформулировано европейским Просвещением (Локк, Монтескье, Вольтер и др.) [Гельперин, 1977; Егоров, 1991б; Parry, 1995].

В соответствии с указанными ценностями важной задачей олимпийского движения Кубертен считал утверждение *мирных отношений* между народами и государствами. По его мнению, спорт, развитый не только в национальном, но и в международном масштабе:

- станет важнейшим универсальным социальным фактором, средством коммуникации между культурами;
- вдохнет в человечество «дух свободы, мирного соревнования и физического совершенства»;
- будет способствовать утверждению мирных отношений между государствами, укреплению дружбы и взаимопонимания между народами, их культурному сотрудничеству, «пре-

кращению споров, разногласий и недоразумений», преодолению националистических предрассудков, улучшению политических отношений между народами, принадлежащими к разным культурам.

Кубертен считал, что «вместе со спортом растет новая и мощная опора делу мира» [цит. по: Нидерман, 1986: 29]. «Олимпийские игры... соберут представителей народов мира, и мы вправе считать, что эти соревнования... станут наилучшим проявлением интернационализма» [цит. по: Лотц, 1983: 17]. «Истинная демократия, а также мудрый и миролюбивый интернационализм придут на обновленный стадион, чтобы поддерживать на нем культ чести и бескорыстия, который позволит атлетизму осуществить духовное совершенствование и социальный мир одновременно с телесным развитием». Поэтому «нужно, чтобы каждые четыре года возрожденные Олимпийские игры давали возможность молодежи всего мира встречаться в счастливой и братской атмосфере, когда понемногу стирается взаимная неприязнь и непонимание между народами, которая приводит к ненависти, недопониманию, а иногда и к варварской, беспощадной борьбе» [Coubertin, 1986a: 370]. «Давайте гонке вооружений, – призывал Кубертен, – противопоставим гонку гребцов... И пусть это будет острая и бескомпромиссная борьба, но борьба мирная» [цит. по: Петушкова, 1988: 169].

Свою идею использовать спортивные соревнования в борьбе за мир и с милитаризмом Кубертен высказал еще в 1896 г.: «Атлетизм будет возвеличен и облагорожен, и международная молодежь будет черпать в нем любовь к миру и уважение к жизни» [цит. по: Петров, 1980: 18].

Предпосылкой международного взаимопонимания, дружбы и уважения является знакомство народов разных стран друг с другом. Поэтому миротворческую роль спорта Кубертен связывал с воспитанием чувства уважения на основе создания возможности для людей лучше узнать друг о друге: «Требовать от народов, чтобы они любили друг друга, является одним из видов ребячества. Требовать от них уважения друг к другу не является ни в коем случае утопией: но чтобы уважать друг друга, необходимо сначала познакомиться друг с другом» [цит. по: Ленк, 1981: 21].

А для того, чтобы разные народы и нации могли познакомиться друг с другом, они должны встречаться между собой и учиться видеть хотя бы частично культурные своеобразия партнера, различия в манере держать себя и т. д. Только таким образом возможно избежать преувеличенного этноцентризма, когда на все и на всех смотрят через однотонные очки собственной культуры, родины. И в этом плане потенциал спорта огромен, поскольку он может значительно содействовать организации такого рода встреч, выступает как институт встречи.

«Представители различных наций должны встречаться между собой и учиться видеть хотя бы частично культурные своеобразия партнера, различия в манере держать себя, сравнивая, и с пониманием толковать непривычное и распространять полученную таким образом картину о другом народе, представителе другой культуры в собственном народе. Только подобным образом для него оказывается возможным избежать преувеличенного этноцентризма, который пытается видеть все через однотонные очки собственной культуры, родины, окружения, в котором вырос. Кто ни разу не столкнулся с чужой культурой, тот не знает и своей собственной» [Ленк, 1981: 21].

Положение о миротворческом потенциале спорта занимает важное место в кубертеновской концепции принципов мира и создания международной организации государств [Арская, 1996].

Необходимость спортивного воспитания

Важное значение Кубертен придавал развертыванию в олимпийском движении *спортивного воспитания*, ориентированного на гуманистические *идеалы олимпизма*.

В «Олимпийских письмах», которые были опубликованы в «La Gazette de Lausanne» 26 октября 1918 г., Кубертен писал: «Олимпийское движение... предполагает всеобщее спортивное воспитание, которое доступно всем, отличается мужественностью и рыцарским духом и в совокупности с эстетическими и литературными занятиями является движителем национальной жизни и очагом гражданственности. Вот идеальная программа» [цит. по: Дьюри, 1974: 125].

Член МОК, премьер-министр Туниса М. Мзали, отмечая стремление Кубертена «превратить спорт в средство воспитания нового человека, здорового телом и духом, общительного и свободного», ссылается на его высказывание о том, что «спортивное воспитание, как оно было задумано Томасом Арнольдом, может быть лучшим и самым эффективным методом, который педагоги всего мира могли бы использовать для формирования юношей, здоровых телом и духом» [Mzali, 1979: 64].⁹

Идея «религии спорта», *religio athleticae*

Важным средством «облагораживания спорта» и духовно-нравственного воспитания олимпийцев Кубертен считал возрождение «*религии спорта*», *religio athleticae*, которая наиболее ярко выражена в олимпийском спорте Античности. По его мнению, новое олимпийское движение должно стать «религией со своей церковью, догматикой, культом» [Coubertin, 1966a: 107].

Кубертен неоднократно обращал внимание на связь своего понимания спорта с религией: «Моя концепция спорта всегда сильно отличалась от концепции большинства спортсменов. Что до меня, спорт был религией, догмой, культом» [Кубертен, 2011: 75]. Что сближает современное олимпийское движение с олимпизмом Античности, писал он, «так это религиозный дух, тот дух, который когда-то заново расцвел в юном атлете Средневековья. *Religio athletae*¹⁰: древние смутно ощущали смысл этих слов; современные люди пока еще его не постигли. Полагаю, что они к этому склоняются» [Кубертен, 2011: 148].

А вот другие его мысли по этому поводу:

- «Первой сущностной характеристикой как античного, так и современного олимпизма, является его религиозная природа... Поэтому я думаю, что был прав, пытаясь с самого начала воссоздать вокруг возобновленных Олимпийских игр религиозное чувство... В этом – происхождение всех обрядов, которыми сопровождаются церемонии современных Игр... Идея религии спорта, *religio athleticae*, очень медленно проникала в сознание участников состязаний» [Coubertin, 1976: 129–130].

- В своем послании молодежи после открытия Олимпийских игр в Олимпии 16 апреля 1927 г. Кубертен так охарактеризовал цели возрождения Олимпийских игр и института спорта: «...мы хотели, чтобы вы могли снова стать адептами религии спорта, в том виде, какой ее создали наши великие предки» [Кубертен, 2011: 144].

Для формирования религии спорта, *religio athleticae*, Кубертен считал необходимым создание соответствующей символики и ритуалов. Так, в 1910 г. он указал на то, что «цере-

⁹ Подробнее о спортивном и спортивно-гуманистическом воспитании, о различных подходах к пониманию его содержания, форм и методов см. Столяров, 1988е, ж, 1989в, 2000в, 2013и, к.

¹⁰ Здесь: религия атлетизма (*лат.*).

мониальная часть является одной из важнейших, и мы должны урегулировать ее в первую очередь», поскольку Олимпийские игры могут выделиться на фоне «обычной серии мировых чемпионатов» и превратиться во всеохватное «философское и историческое учение» лишь «благодаря блеску... мощной символики» [цит. по: Франке, 2006: 71].

Хотя пропагандируемая Кубертенем «религия спорта» не является религией в строгом смысле слова, но она обладает рядом признаков религиозного культа, предметом которого становится спортивная деятельность и те, кто достигает в ней совершенства.

- «Религия спорта» – это «этическая система, не основанная на сверхъестественной санкции и тем самым не являющаяся религией в собственном смысле слова, но обладающая всеми признаками религиозного культа, предметом которого являлась энергичная и неутилитарная физическая деятельность» [Гельперин, 1977: 5].

- «Спорт – пример социоцентрической псевдорелигии, которая не исходит из наличия трансцендентного бога, но предполагает сакрализацию (фетишизация) объекта поклонения, возникшего внутри общества, наделяет этот объект сверхъестественными качествами» [Никишин, 2005: 17].

Зажжение олимпийского огня, шествие, клятва, торжественные речи на современных Олимпийских играх – все эти олимпийские ритуалы восходят к религиозному ритуалу античности. Но «все эти обряды не просто скопированы с процессий и жертвоприношений древней Олимпии. Культ божества преобразован в них в культ человека как носителя определенных ценностей. Зевс превратился в идею единства человеческого рода, стал логическим синтезом всего пострационализма, всего европейского научного мышления XIX века» [Кахигал, 1983б: 21].

Идея Кубертена о необходимости «религии спорта» дает повод некоторым исследователям, опираясь на введенное М. Вебером понятие *харизматической власти* (т. е. власти, которая существует за пределами мира рациональных правил и древних традиций, восходит к духовным началам и вращается вокруг сверхъестественного лидера, управляющего преданностью и уважением его последователей), говорить о *харизматическом* характере олимпизма. «Квазирелигиозные ритуалы и символы, окружавшие Олимпиаду, регулярный четырехлетний цикл, девиз «*Citius, altius, fortius*» («Быстрее, выше, сильнее»), пять колец и факел, а также церемонии торжественного открытия и закрытия – все являются частью этой практически духовной веры в пророка Кубертена и его последователей в Международном олимпийском комитете, мифическим образом связанного с миром античной Греции и спортивными фестивалями, восходящими к 770 г. до н. э.» [Novak, 2008: 48].

Вопрос о взаимоотношении современного *спорта* и *религии*, а также о том, может ли олимпийский спорт развиваться в самостоятельную «*гражданскую религию*», основу концепции которой заложил Роберт Н. Белла в работе «Гражданская религия в Америке» (1967), является дискуссионным [Жыласов, 2009, 2010а, б; Никишин, 2005; Пегов, 1998; Перельский, 2014; Посьелло, 2006; DaCosta, 2002, 2006; Franke, 2006; MacAloon, 1978, 1981; Moltman, 1980; Novak, 2008; Rösch, 1979; Weis K., 1997 и др.].

Так, например, если Эвери Брендедж, президент МОК с 1952 по 1972 г., заявил в 1964 г., что «олимпийское движение является религией 20 века» [цит. по: DaCosta, 2006: 160] то Дж. Молтман оценил такое мнение как «идолопоклонство»: «Олимпизм как религия является идолопоклонством. Можно даже считать религиозный олимпизм как классический пример искусственно организованного современного идолопоклонства... Не Олимпийские игры созданы в честь религии, а религия создана в честь Олимпийских игр» [Moltman 1980: 83].

Интеграция спорта и искусства

Ориентация олимпийского движения не только на физическое, но и духовное совершенствование личности предполагает, по мысли Кубертена, тесную *связь этого движения с искусством*.

Объясняя свое желание провести очередные Олимпийские игры в Риме, он писал: «Мое желание провести очередные соревнования в Риме было связано с поездкой в утилитарную Америку, – здесь, в Риме, олимпийское движение снова облачилось бы в роскошную тогу, вытканную искусством и духовным совершенствованием. Не стоит и говорить, что я с самого начала желал видеть олимпийское движение облаченным в эти одежды» [Кубертен, 2011: 52].

Интеграцию спорта с искусством в рамках олимпийского движения Кубертен считал необходимым условием решения воспитательных задач этого движения, одним из главных средств гармоничного развития личности, преодоления все усиливающегося разрыва между физическим и духовным развитием людей [Кубертен, 1998; Хён, 1984; Coubertin, 1934; Landry, 1987a; Nissiotis, 1987; Pierre de Coubertin and the Arts, 1994].

В своем выступлении в Париже 23 мая 1906 г. на открытии Консультативной конференции по вопросам искусства, литературы и спорта он сказал: «Мы должны заново объединить узами законного брака давно разведенную пару – Разум и Тело... Их взаимопонимание длилось долго и было плодотворным. Но неблагоприятные обстоятельства разлучили их... Наша задача – снова соединить их... Искусство должно быть связано с практикой спорта, чтобы из этого получилась взаимная выгода» [Кубертен, 1987: 24–25; Pierre de Coubertin and the Arts, 1994: 7].

В «Олимпийских мемуарах» Кубертен так пишет об этом: «Речь шла о «соединении давно отдельно существующих тела и духа» и необходимости посредством усилий представителей профессионального спорта и искусства создать программу новой сферы олимпийских соревнований. Проблема заключалась в признании односторонности¹¹ интеллектуального, духовного или религиозного развития при игнорировании совершенства физического» [Кубертен, 2011: 59].

Вместе с тем он подчеркивал, что «во взаимосвязи физического развития и разума разум, несомненно, доминирующий элемент, при том, однако, условии, что речь идет о наиболее совершенных формах художественного и литературного творчества, а не о незначительных произведениях, которые благодаря все возрастающей в наше время невзыскательности навязываются нам повсеместно, нанося ощутимый вред цивилизации, правде, человеческому достоинству и взаимоотношениям между народами» [Цит. по: Хён, 1984: 55].

Обоснованию положения о необходимости укрепления связи спорта с искусством посвящен раздел «Искусство и спорт» в работе Кубертена «Спортивная педагогика». Здесь он отмечает, что «искусство должно соседствовать со спортом», «должно быть связано с практикой спорта»: «Спорт надо рассматривать как *источник и как повод для искусства*. Он порождает красоту, формируя атлета, обладающего великолепными скульптурными формами. Спорт является причиной красоты благодаря сооружениям, которые для него возводятся, спектаклям и праздникам, которые в его честь устраиваются» [Coubertin, 1919: 146]. Кубертен неоднократно выражал удивление по поводу взаимного невнимания спортсменов и артистов (людей, занимающихся каким-либо видом искусства). Причину этого он усматривает прежде всего «в отсутствии организованных контактов между ними, а также в условиях, касающихся выбора тем для творчества. Сегодняшние артисты с помощью лома-

¹¹ В тексте перевода допущена ошибка: написано «одностороннего».

ных, фантастических и незаконченных линий пытаются передать такие же несуществующие и фантастические впечатления, неопределенные, нереальные мечты. Спорт – это одна из самых конкретных реалий, это законченность и совершенство, классика. Каждое движение спортсмена выверено и отточено, и ни кисточка, ни скребок тут ничего не могут поделывать». Вместе с тем Кубертен полагает, что события, происходящие в современном мире, активно способствуют возвращению престижа реальных ценностей, когда-то утраченных, а совершенное человеческое тело так прекрасно, что настоящий артист просто не может не обратить на него внимание [Coubertin, 1919: 147].

Кубертен настаивал на том, чтобы «между атлетами, людьми искусства и зрителями был заключен союз» [Coubertin, 1986с: 17]. Он мечтал о том, чтобы спортсмены и деятели искусства совместно создавали красоту. Эстетическое восприятие красоты спортивного представления должно вдохновлять композиторов, художников, скульпторов и литераторов. Все дело, по его мнению, «сводится к одной проблеме: где могут встретиться артисты и спортсмены? Оружейные или боксерские залы для этого не подходят. Античная гимназия, возможно, была бы идеальным местом, но – увя... Однако теперь, когда у нас есть такие современные стадионы, туда вполне можно было бы пригласить людей искусства. Было бы очень своевременно пригласить их туда, облегчив тем самым им задачу, ободрить их. И наконец, почему бы не сопровождать соревнования – выставки достижений спортивного мастерства – художественными выставками, посвященными спорту?» [Coubertin, 1919: 147].

Для организации таких встреч спортсменов и людей искусства, по мнению Кубертена, необходимы современные проекты клубов верховой езды, водного спорта, гимнастики, наполовину открытых, наполовину закрытых, с возможностью расширения программы и присоединения других видов спорта: своего рода спортивные городки из камня, кирпича или дерева с большим количеством разнообразных спортивных площадок; практичные, отличающиеся оригинальным архитектурным решением и художественным вкусом. Необходимы и спортивные парки со всеми необходимыми сооружениями, открытые для всех и общедоступные. При этом особенно важно, подчеркивает Кубертен, использовать такие художественные формы, различного рода декорации, которые способны создать «гармоничную композицию» [Coubertin, 1919: 148–149].

Гармония, по его мнению, необходима и при решении вопроса о музыкальном сопровождении спортивных соревнований. Этот вопрос, указывает он, не нужно смешивать с вопросом организации музыкальных фестивалей на свежем воздухе. «Для фестиваля важны мощные оркестры и мощные хоры по той простой причине, что музыка является основной причиной собрания людей и должна сосредоточить на себе их основное внимание. При организации спортивных соревнований, наоборот, она является только вспомогательным средством. Поэтому более важным, чем громкость звучания и мощность звука, является ритм. Избегайте галопирующих, вульгарных или просто слишком часто звучащих ритмов. Ровный и размеренный ритм окажут больший эффект. Если у вас есть литавры, поместите их подальше, чтобы смягчить агрессивное звучание. Если у вас есть несколько певцов, наоборот, поставьте их ближе к зрителям и более того, разместите их самом центре трибун, если это необходимо. Длинным оркестровым пассажам лучше предпочесть хоровое пение. Если у вас есть возможность чередовать пение хора со звуками охотничьего рожка, как бы отвечающего хору, – не стоит раздумывать. Вы сумеете добиться самого гармоничного сочетания и превосходного эффекта» [Coubertin, 1919: 150–151]. Наконец, важное значение для художественного оформления спортивных соревнований имеет и правильная организация церемонии награждения победителей [Coubertin, 1919: 152].

По мнению Кубертена, союз спорта с искусством (а также наукой) может служить важным средством «*облагораживания*» спорта. В документе, подготовленном для упомянутой выше конференции по вопросам искусства, литературы и спорта, Кубертен указывал на то,

что ее участники призваны обсудить, «в какой мере и в какой форме искусство и литература могли бы участвовать в праздновании современных Олимпиад и, в общем, сочетаться с практической стороной спорта, с тем, чтобы благоприятствовать ему и облагородить его» [Кубертен, 2011: 61]. Под «*облагораживанием*» спорта, спортивной практики Кубертен имел в виду в первую очередь повышение их *культурной ценности*. Об этом свидетельствуют, в частности, его слова, сказанные в связи с предложением ввести конкурсы искусств в программу Олимпийских игр: «Главное – пробудить интерес к конкурсам со стороны самой широкой общественности, чтобы все больше и больше людей осознавало спорт неотъемлемой частью культуры. В грядущих поколениях обязательно будут работники как умственного, так и физического труда, занимающиеся спортом с глубоким пониманием его культурной ценности. Время в этом вопросе идет с нами в ногу и работает на нас». Тем самым Кубертен, как отмечает Франц Лотц, «хотел убить двух зайцев одним выстрелом: заинтересовать спортом представителей наук и искусств, чтобы в то же время благодаря их присутствию и участию «поднять акции» спорта» [Лотц, 1983: 16].

Важную роль в укреплении связи спорта с искусством, по мнению Кубертена, должны играть *Олимпийские игры*.

- «Искусство, – писал Кубертен, – должно участвовать в современных Олимпиадах... Какой же это праздник без музыки, стихов, живописно украшенных стадионов? Музы должны официально утвердиться на Играх»; «Олимпийские игры должны быть окружены ореолом поэзии и красоты» [цит. по: Пуре, 1980: 36].

- В 1912 г. статье «Воспитательная роль Олимпиады» («*Le rôle éducatif des Olympiades*») он писал: «Олимпиады являются не только манифестацией мускульной силы, они также несут интеллектуальное и художественное начало, и роль этого начала будет неуклонно возрастать» [Pierre de Coubertin, 1986: 376].

- В послании спортсменам и участникам Олимпийских игр в Амстердаме (1928 г.) Кубертен выразил надежду на то, что эти Игры позволят «объединить красивую работу мускулов с работой ума, воодушевленного идеей спорта» [Coubertin, 1928: 3].

- В выступлении по радио в 1935 г., характеризуя «философские основы современного олимпийского движения», Кубертен сказал: «Наконец, последний элемент – чувство прекрасного, которое дает нам участие в Играх Искусств и Мысли» [цит. по: Дьюри, 1974: 129].

Кубертен считал, что союз спорта с искусством может служить важным средством повышения не только духовно-нравственной ценности спорта, но и престижа (авторитета) Олимпийских игр. Совсем не случайно писатели и артисты собирались на Древней Олимпиаде и «из этого несравненного единения рождался тот авторитет, то обаяние, которые были неразрывно связаны с Играми на протяжении долгого времени» [Кубертен, 2011: 59].

Наилучшим средством практического осуществления идеи укрепления связи спорта с искусством Кубертен считал *включение в программу Олимпийских игр художественных конкурсов*.

В 1906 г. в своей вступительной речи на конференции по вопросам искусства, науки и спорта Кубертен предложил включить в программу Олимпийских игр *художественные конкурсы* («*Pentathlon of the Muses*») в *пяти видах искусства*: архитектуре, скульптуре, музыке, живописи и литературе.

Разъясняя это свое предложение, он сказал следующее: «Первый пункт плана, который мы сегодня представляем для критического рассмотрения и консультации, – это предполагаемая организация пяти конкурсов: произведений архитектуры, скульптуры, живописи, музыки и литературы. На этих конкурсах раз в четыре года будут демонстрироваться ранее не публиковавшиеся и не выставившиеся работы, созданные под прямым влиянием идей спорта. Работы, допущенные к этим конкурсам, сначала могут быть немногочисленны, они могут даже быть не самого высокого класса по той простой причине, что поначалу такие

конкурсы привлекут, несомненно, только тех художников и литераторов, которые сами в той или иной степени занимаются спортом. В самом деле, разве не должен скульптор, желающий создать достоверное изображение огромного физического напряжения, в котором находится тело спортсмена, обладать хотя бы некоторым собственным опытом в данном виде спорта? Спросим еще раз: неужели нас смутит старый и ни на чем не основанный предрассудок, что некоторые виды профессиональной деятельности несовместимы со спортом? Могущество и универсальность спорта, возрожденные за столь короткий промежуток времени, предостерегают нас от подобных взглядов. Не далее как в следующем поколении люди различных уровней образования и разных профессий одновременно будут и спортсменами. Разве это не обычное явление среди фехтовальщиков уже сейчас? Время работает на нас. Однако было бы безрассудно ожидать чересчур многого от будущего союза спортсменов, художников и зрителей. Как много еще предстоит сделать из-за того, что была забыта эвритмия» [цит. по: Хён, 1984: 52–53].

Деятели искусства, собравшиеся на конференции по вопросам искусства, науки и спорта, поддержали предложение Кубертена включить упомянутые им пять конкурсов в процедуру современных Олимпийских игр. Однако это решение не было реализовано во время Олимпиады в Лондоне (1908 г., IV Олимпийские игры). Впервые практически оно было осуществлено (причем в условиях резкой оппозиции со стороны шведских художников того времени) только в 1912 г. при проведении Олимпийских игр в Стокгольме. Но в промежутке между этими Олимпийскими играми Кубертен и МОК организовали в 1911 г. в Париже международный архитектурный конкурс для окончательной выработки проекта «Новой Олимпиады». До этого он был принципиально разработан в серии статей, которые Кубертен опубликован в «Ревю олимпик» (в номерах с октября 1909 г. по май 1910 г.).

Описание Кубертенем церемонии чествования победителей этого международного архитектурного конкурса показывает, какое важное значение он придавал художественной деятельности и творчеству в олимпийском духе, планированию всей процедуры Олимпийских игр, особенно церемоний их открытия и закрытия, в традициях эвритмии.

Вот как он характеризует эту церемонию: «Она состоялась ночью в прямоугольном внутреннем дворе Сорбонны, заполненном, несмотря на надвигавшуюся грозу, двумя тысячами гостей. Оркестр и хоры укрылись за живой изгородью. Двор был погружен во мрак. Устроенная в галерее иллюминация производила множество цветовых эффектов. Музыка, движения сотни гимнастов с факелами и пальмовыми ветвями в руках, которые образовали фон для шестнадцати полубнаженных юношей, выполнявших свои упражнения напротив часовни Ришелье, – все это создавало гармонию звука и тишины, цвета и графики силуэтов... Красота окружающей архитектуры прекрасно дополняла общий эффект. Затем последовала интерлюдия в виде стилизованного средневекового фехтовального турнира, потом появилась небольшая группа людей с шарманками и волынками, женщины танцевали, а под конец была припасена очаровательная пьеса «Философ и атлет», специально написанная для этого случая Морисом Поттешером, в которую входили настоящие борцовские состязания. Кульминация наступила, когда в деревянных решетках стен и купола зажглись бенгальские огни, в то время как хоры вознесли величественные гармонии Рамо и Палестрины над переполненной энтузиазмом и все же организованной толпой зрителей. Это блестящее зрелище потребовало объединения усилий всего лишь гимнастического клуба, клуба фехтовальщиков и музыкального общества одного из парижских кварталов. Для меня это было не только осуществлением чудесной мечты, но и новой ясной целью, стоящей перед искусством для масс. Цивилизация заблудилась, и только «возвращение к эвритмии» могло бы снова настаивать на истинный путь. Эвритмия – забытая концепция, о которой рассуждают, не имея ни малейшего представления, чем она была на самом деле» [Coubertin, 1919: 153–154. Цит. по: Хён: 53–54].

Художественные конкурсы проводились на Олимпийских играх в период с 1912 по 1948 год. В 1912 г. в этих конкурсах приняли участие представители 31 страны. На Играх 1936 г. проведено 15 художественных конкурсов.

Таковы основные положения разработанной Кубертенем концепции современного олимпизма.

Для правильного понимания этой концепции особенно важно учитывать:

- главную цель, достижению которой Кубертен посвятил свою жизнь, – создание новой системы воспитания, ориентированной на формирование совершенной (гармонично развитой) личности;

- осознание им важной роли спорта как средства достижения этой цели;

- обоснование Кубертенем положения о возможности противоречивого влияния спортивной деятельности на личность и социальные отношения;

- поэтому признание им необходимости *«облагородить» (гуманизировать)* спорт для эффективного использования в системе воспитания;

- осознание Кубертенем существенной зависимости гуманистической ценности спорта от того, как он будет использован и какими соображениями при этом будут руководствоваться.

С учетом этих положений основная идея кубертеновской концепции состояла в том, чтобы на основе возрождения Олимпийских игр повысить воспитательную роль спорта и противодействовать возможности его негативного использования.

Реализация этой идеи предусматривала целостный социально-педагогический механизм – комплекс указанных выше олимпийских акций. Олимпийское движение Кубертен оценивал как гуманистически ориентированное социальное движение, призванное использовать спорт в целях воспитания, совершенствования человека и общества в целом.

Теперь важно выяснить подходы к концепции современного олимпизма после Кубертена

9. Интерпретации идей и идеалов современного олимпизма после Кубертена

В Олимпийской хартии, других официальных документах, а также в выступлениях руководящих деятелей современного олимпийского движения, как правило, подчеркивается необходимость *сохранения* ориентации современного олимпизма на изложенные выше идеи Кубертена относительно целей, задач, идеалов олимпийского движения.

Ориентация на идеи и идеалы Кубертена

В современных интерпретациях олимпизма важное место отводится сформулированному Кубертенем идеалу *гармонично развитой личности*.

Этот идеал трактуется по-разному. Можно выделить как минимум 10 различных его интерпретаций [Соколова, 1992].

В Олимпийской хартии, других официальных документах, а также в выступлениях руководящих деятелей современного олимпийского движения, его обычно понимают в том смысле, который ему придается в концепции Кубертена – как положение о необходимости гармонии *физического (телесного) и духовного в человеке*.

- В Олимпийской хартии олимпизм трактуется как философия жизни, «возвышающая и объединяющая в сбалансированное целое достоинства тела, воли и разума» [Олимпийская хартия, 2010: 9].

- При учреждении МОА президент МОК Эвери Брендедж направил послание, в котором, в частности, говорилось: «Основной целью олимпийского движения, как ее понимал барон де Кубертен, является широкое и всестороннее развитие человека, в котором спорт, исполненный красоты и высоких моральных качеств, является важным звеном, но только одним звеном... В равномерном и гармоничном развитии физических, умственных и духовных качеств человека они являются лишь эпизодами, одним из средств, а не целью» [цит. по: Френкин, 1963: 15].

- Х.А. Самаранч, выступая на специальной 50-й сессии Генеральной ассамблеи ООН заявил: «Рассматривая спорт как часть образования и культуры, олимпийское движение стремится внедрить такой образ жизни, который основан на радости творчества и который гармонизирует умственное и физическое развитие личности» [Президент... 1996: 7].

- Генеральный директор ЮНЕСКО Амаду-Махтар М'Боу в своей речи на открытии I Международной конференции министров и руководящих работников, ответственных за физическое воспитание и спорт, сказал: «Приобщение к физкультуре и спорту в сочетании с развитием интеллектуальных способностей и моральным воспитанием вполне естественно готовит людей к спорту в соответствии со столь необходимой ему этикой. Больше чем когда-либо необходимо восстановить идеал, который Пьер де Кубертен сумел возродить через многие века в своей блистающей чистоте, идеал атлета, прилагающего все свои силы для того, чтобы превзойти самого себя, преодолевающего в своих бескорыстных усилиях те границы, которые определили для него условия обычной человеческой жизни» [Окончательный доклад... 1976: 34].

- Профессор И. Хайнрих (Франция) так характеризует олимпизм: «Олимпизм – это догматическая и философская позиция, которая стремится использовать физические упражнения и спортивную активность для достижения гармонии тела и разума» [Heinrich, 1980: 207]. Идея гармоничного развития личности как важный идеал современного олимпийского движения постоянно пропагандируется на сессиях Международной олимпийской академии.

♦ Георг Сала (Франция), представитель ЮНЕСКО, заявил в докладе на 26-й сессии МОА: «необходимо сделать все для того, чтобы сохранить олимпийский дух, возрожденный Кубертенем, и реализовать цели Международной хартии физического воспитания и спорта, принятой ЮНЕСКО, которая отдает приоритет гармоничному развитию человека и его полной интеграции в общество – как материальное, так и духовное» [Sala, 1987: 185].

♦ Член МОК, премьер-министр Туниса М. Мзали в своих выступлениях на сессиях МОА постоянно подчеркивает, что, современный олимпизм должен быть ориентирован на «гармоничное воспитание и совершенствование человека», «единство физического, интеллектуального и духовного воспитания» [Mzali, 1979: 68].

♦ Клеантис Палеологос (Греция) в трактовке задач современного олимпизма призывал исходить из античной олимпийской идеи, поддержанной и Кубертенем, которая «базировалась на союзе тела и разума, на идеалах красоты, гармонии и благородства» [Paleologos, 1977].

В современных интерпретациях олимпизма подчеркивается также важное значение идеи Кубертена о том, что в олимпийских соревнованиях спортсмены, тренеры, болельщики, другие лица, связанные со спортом, должны демонстрировать *рыцарское, высоконравственное поведение*. Такое поведение в настоящее время называется *фэйр плэй (fair play)* [Фэйр Плэй... 2003].

При переводе этого выражения возникают определенные трудности. Они связаны с тем, что, английское слово *fair* означает, с одной стороны, справедливость и честность, а с другой – удовольствие и красоту; для французов *fair* – поведение спортсмена, который действует элегантно, не ставит под сомнение победу противника и удовольствие от самой игры считает выше победы в состязании [Caille, 1996].

На русский язык указанное выражение обычно переводится как *честная (справедливая, корректная) игра*. Так, например, в Олимпийской хартии при перечислении основных задач МОК указывается, что этот комитет способствует соблюдению и поощряет соблюдение спортивной этики, посвящает свои усилия тому, чтобы дух честной игры превалировал на спортивных площадках и чтобы насилие было изгнано с них. Цель олимпийского движения, указывается здесь, – «содействие построению мирного и лучшего мира через воспитание молодежи средствами спорта в соответствии с идеями олимпизма и его ценностями», «что подразумевает взаимопонимание в духе дружбы, солидарности и честной игры» [Олимпийская хартия, 2010: 9, 10]. В итоговом документе международного симпозиума «Актуальность Пьера де Кубертена», который организован Центром олимпийских исследований в Лозанне в 1986 г., отмечалось, что «идея честной игры... сейчас становится еще более актуальной, чем в эпоху Кубертена» [Симпозиум... 1986: 10].

Существуют определенные проблемы и в *содержательной* трактовке принципов фэйр плэй.

Известный английский социолог спорта П. Макинтош обращает внимание, что до сих пор «не проведена четкая грань между тем, что обязательно и что желательно, между тем, что не следует делать, и такими поступками, которые вызывают резкое неодобрение. Действительно, термины «честная игра» и «нечестная игра» беспорядочно употребляются при характеристике обоих типов поведения. «Это – нечестно» обычно означает «этого не следует делать». Однако Генеральный директор ЮНЕСКО, участвующий в ежегодной церемонии вручения наград за честную игру спортсменам, отмеченным Международным комитетом честной игры, награждает их не за то, что те должны были делать во время соревнований, а за благородное и рыцарское поведение, превосходящее веления долга». П. Макинтош полагает, что «для большей ясности было бы удобнее, если бы термин «*fair play*» употреблялся только применительно к одному-единственному типу поведения, в то время как другие выражения, такие, как «*sportsmanship*» («спортивное товарищество») или «*in a sportif spirit*» («в духе

спорта») использовались для характеристики иного типа поведения» [McIntosh, 1984b: 73; McIntosh, 1979].

В «Манифесте о честной игре», который разработан и опубликован Международным советом физического воспитания и спорта при ЮНЕСКО, указывается, что честная игра выражается прежде всего в поведении самого спортсмена и характеризуется:

- честностью, добросовестностью, решительным и достойным поведением в ситуациях, когда другие ведут себя нечестно;
- уважением к партнеру;
- уважением к противнику независимо от того, является ли он победителем или побежденным, осознанием того, что соперничество – неперемное условие соревновательного спорта и что противник – необходимый партнер в спорте;
- уважением к судье, причем уважением позитивным, выражающимся в постоянном сотрудничестве с ним;
- умением оставаться скромным после победы и достойно принимать поражение.

В документе подчеркивается, что соблюдение принципов честной игры требуется не только от спортсменов. Оно необходимо для тренеров, спортивных руководителей, зрителей, всех других лиц, связанных со спортом, которые могут прямо или косвенно влиять на спортсмена [Манифест СИЕПС, 1977].

Аналогичная характеристика этих принципов дается в новом тексте манифеста, принятом на заседании Международного комитета честной игры в 1992 г. [Manifesto, 1992], а также в «Кодексе спортивной этики» [Кодекс... 1997].

В.С. Родиченко указывает, однако, на ряд *противоречий* между трактовкой принципов фэйр плэй в этих документах (а также в большинстве научных публикаций) и тем, за какие конкретные поступки спортсменов и тренеров (как проявление этих принципов) Международный комитет Фэйр Плэй присудил призы и дипломы за период с 1964 по 2001 г. «Первое. Среди отмеченных наградами поступков 43,5 %, или почти половина – оказание помощи сопернику.

Но мы не найдем в наиболее часто цитируемых принципах фэйр плэй такого, как помощь сопернику... Второе противоречие – между таким часто прокламируемым императивом, как уважение решения судьи, и тем фактом, что более чем четвертая часть (27,1 %) наград присуждена за действия, ревизующие и корректирующие принятые судьями решения. Третье. Еще один часто декларируемый императив из принципов ответственности спортсмена – уважение правил соревнований. Но подавляющее большинство, если не все 155 присужденных наград, практически никак не связаны с соблюдением или несоблюдением правил соревнований» [Родиченко, 2003: 4].

Кроме того, широко распространено представление о принципах фэйр плэй, согласно которому речь идет лишь о соблюдении *правил* спортивного соревнования. Такая «минималистская, формальная» [Lipies, 1997] концепция фэйр плэй часто встречается в средствах массовой информации, в интервью спортсменов, тренеров, организаторов соревнований. Полагают, к примеру, что те или иные футбольные или хоккейные команды играют «справедливо», «честно», так как они имеют меньше желтых карточек или проводят меньше времени на штрафной скамейке, чем их соперники. Такой подход характерен и для присуждения наград фэйр плэй во многих командных играх. Аналогичным образом признают, что некий спортсмен является образцом поведения в духе фэйр плэй, поскольку он никогда не принимал анаболики, не участвовал ни в каком громком скандале, и, кроме того, приятен и дружелюбен.

Более оправданной представляется концепция поведения в духе фэйр плэй, которую предложил известный немецкий философ и бывший олимпийский чемпион (Рим, 1960 год) Г. Ленк. Он опирается на социологическое разграничение между *принудительно* соблюда-

емыми нормами, нарушение которых наказывается санкциями (штрафы, контроль), и *рекомендуемыми* нормами, соблюдение которых ценится высоко, но против нарушения которых не вводятся санкции, во всяком случае строгие. В связи с этим Г. Ленк проводит различие между «*формальной фэйр плэй*» как принудительно предписанным нормативным требованием соблюдать правила игры и «*неформальной фэйр плэй*» как не обусловленным санкциями ожиданием уважения и рыцарского духа по отношению к соперникам и судьям. *Неформальное честное (благородное) поведение* выходит за рамки формального момента соблюдения правил, выступает прежде всего как «нравственность», как норма и олицетворение «рыцарского духа» («*esprit chevaleresque*»), который связан с взаимным уважением соперников даже в жесточайшей борьбе [Ленк, 2004; Lenk, Pilz, 1989].

Наряду с принципами фэйр плэй в официальных документах современного олимпийского движения указываются и такие ценности этого движения, как *интеграция спорта с образованием и культурой*, а также определенный *образ жизни*. «Олимпизм, соединяющий спорт с культурой и образованием, стремится к созданию образа жизни, основывающегося на радости от усилия, на воспитательной ценности хорошего примера, социальной ответственности и на уважении к всеобщим основным этическим принципам» [Олимпийская хартия, 2010: 9].

В связи с этим важное значение придается идее Кубертена о *союзе спорта и искусства*.

Активным ее сторонником был бывший президент МОК Х.А. Самаранч [Самаранч, 1997; Samaranch, 1999]. В своем послании организаторам выставки «Спорт в искусстве Китая» он, в частности, писал: «В Древней Греции атлетика и спорт были тесно объединены, особенно в связи с Олимпийскими играми. Величайшие поэты, ораторы и артисты принимали участие в церемониях, связанных с этими Играми... Идея Кубертена объединить спорт и искусство стала одним из основных принципов олимпийского движения. Мы – участники этого движения верим в то, что его идеи будут реализованы в спортивной практике, построенной на принципах честной игры и в гармонии с искусством, культурой и интеллектуальными усилиями» [China... 1990: 7]. Отвечая на письмо автора данной книги и проекта «СпАрт», в котором излагалась новая программа интеграции спорта с искусством, Х.А. Самаранч написал: «Воспитание молодежи посредством синтеза спорта и культуры является одной из важнейших задач олимпийского движения. МОК готов оказать моральную поддержку и дать патронаж всем инициативам, содействующим союзу спорта, искусства и культуры» [см. Столяров, 1998ж: 249].

Идея интеграции спорта и искусства поддерживается многими другими учеными и общественными деятелями [Духовность. Спорт. Культура, 1996б; Зухора, 1982, 1996; Спорт, духовные ценности, культура, 1998 г; Durry, 1981, 1987, 1999; Zuchora, 1976 и др.]. В работах автора данной книги и его учеников разработана *целостная научно обоснованная концепция интеграции спорта с искусством*: обоснована необходимость этой интеграции, определены ее основные направления, формы, методы и т. д. [Самусенкова, 1996; Столяров, 1990 г, 1998л, о, 2011д, е; Столяров, Лазарев П.В., Самусенкова, 1996; Столяров, Самусенкова, 1996; Теория, проекты и технологии... 2011; Stolyarov, 1991b, 1993 и др.].

В современном олимпийском движении предпринимаются и реальные шаги, укрепляющие связи спорта с искусством: проводятся высокохудожественные церемонии открытия и закрытия Олимпийских игр, выставки произведений искусства, авторами которых являются спортсмены и др. Значительный вклад в это направление олимпийского воспитания вносят Международный олимпийский центр за мир и культуру (Греция) и Олимпийский музей в Лозанне [Samaranch, 1999; Zhenliang, 2001].

Вместе с тем, с 1952 г. по решению МОК художественные конкурсы на Олимпийских играх, проводившиеся по инициативе Кубертена, были заменены культурной программой (художественными представлениями, концертами, выставками и другими подобными меро-

приятными) на Олимпийских играх. При объяснении такого решения нередко ссылаются на низкое качество работ, представляемых на конкурсы, вследствие чего в ряде конкурсов победители не определялись и награды не вручались. Так, в 1924 г. в музыкальном конкурсе ни одна из медалей не была вручена; из 198 различных конкурсов на семи Олимпиадах решено было не вручать 54 награды – 21 золотую, 13 серебряных и 21 бронзовую медаль – или 27 % всех наград [Mezo, 1958].

Указывают также на небольшое число участников, особенно из Европы, и почти полное отсутствие известных артистов. Отмечают критическое отношение к конкурсам части деятелей искусства, которые считают, что искусство не может быть сферой соревнования. Обращают внимание и на проблемы с жюри, учитывая субъективный характер критериев их оценки, отсутствие общего языка и общей философии и др. [Lambis, 1987: 79–80; Masterson, 1987: 106–107].

В последние годы неоднократно поднимался вопрос о возрождении художественных конкурсов в программе Олимпийских игр. Этот вопрос специально обсуждался на 26-й сессии МОА.

В пользу возрождения высказывались следующие аргументы:

- многие престижные международные конкурсы в различных видах искусства уже организуются и успешно оцениваются по тем критериям, которые обычно если и не полностью одобряются, то по крайней мере принимаются за основу (в качестве примера чаще всего приводилась Нобелевская премия за литературные произведения);
- возрождение художественных конкурсов на Олимпийских играх вдохновило бы создание многих произведений искусства на спортивную тематику, дало бы существенный толчок развитию художественного творчества во всем мире и оказывало бы дополнительное воспитательное и культурное воздействие на зрителей и спортсменов во время проведения Игр.

Однако большинство участников сессии выступило против идеи возрождения художественных конкурсов в официальной программе Олимпийских игр. Их доводы:

- сама природа искусства как средства художественного выражения в рамках или посредством определенной культуры не соответствует идее международных (а значит, межкультурных) соревнований;
- трудность решения вопроса о том, какие виды искусства (среди многих его форм) должны стать предметом соревнования на Олимпийских играх;
- трудность установления объективных критериев для оценки произведения искусства, особенно на межкультурной основе;
- включение художественных конкурсов в программу Олимпийских игр создаст дополнительные трудности, связанные с ее перенасыщенностью;
- помимо трудностей в субъективной оценке выступления спортсменов в отдельных видах спорта (гимнастика, фигурное катание) имеются трудности, связанные с субъективной оценкой художественных конкурсов;
- нежелание известных деятелей искусства участвовать в такого рода конкурсах из-за опасения утратить свою репутацию;
- дополнительные проблемы для городов, проводящих Олимпийские игры, связанные с расселением артистов, их костюмами, безопасностью и т. д.

Участники дискуссии рекомендовали комиссии МОК по культуре провести консультации с экспертами и деятелями искусства по вопросу о поиске тех акций, которые могли бы быть осуществлены в рамках олимпийского движения для развития искусства без дополнительных осложнений, связанных с трансформацией традиционной программы Игр [Landry, 1987b].

Применительно к сфере *социальных отношений* вслед за Кубертенем обычно подчеркивается важное место в олимпизме таких ценностей, как интернационализм, равноправие всех людей и народов, просвещение в духе истинного патриотизма в сочетании с взаимоуважением наций, несмотря на расовые, религиозные и политические различия, а также гуманистические ценности мира, дружбы и взаимопонимания.

♦ Х.А. Самаранч в одном из своих выступлений, отвечая на вопрос корреспондента, как он относится к словам Кубертена «Олимпизм – это не организация, а образ мышления», сказал: «У нас есть философия, и с годами она не изменилась... наша философия исходит из того, что спорт – это неотъемлемая часть процесса воспитания молодежи, фактор укрепления мира, дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между народами» [Самаранч, 1989: 12].

♦ Декан МОА Отто Шимичек, разъясняя свое понимание олимпийской философии, так охарактеризовал ее: «Олимпизм, главный и мощный социальный феномен нашей эпохи, охватывает все мировое сообщество без каких-либо исключений, культивирует дух взаимного признания, сотрудничества и дружбы между народами, искреннее понимание, признает честное и благородное соревнование на равных условиях и дает наглядный пример тем, что соперничает в других областях социальной жизни. Олимпизм признает и поощряет индивидуальные усилия и не приемлет никакой дискриминации по национальному, расовому, политическому, классовому и т. д. признаку» [Szymiczek, 1985: 152].

Обычно отмечается и характерная для олимпизма ориентация на гуманность и справедливость.

• По мнению О. Шимичека, «олимпийская идеология... является оазисом в современном материалистическом и разрушительном мире» современного общества, в котором люди поглощены корыстными, утилитарными заботами и которое страдает от «всеобщей материализации» интересов, побуждений [цит. по: McNeely, 1980: 268].

• Президент Ассоциации спортивных писателей Франции П. Виалар в лекции на сессии МОА также заявил о том, что олимпийский идеал, сформулированный Кубертенем, является наиболее справедливым и наиболее универсальным идеалом в «безжалостном стальном мире» нашего времени [Vialar, 1964].

В соответствии с таким пониманием идей и идеалов олимпизма обычно и *олимпийское движение* понимается вслед за Кубертенем как гуманистически ориентированное социальное движение, призванное использовать спорт в целях воспитания, совершенствования человека и общества в целом.

Так, согласно Олимпийской хартии, олимпийское движение – это концентрированная, организованная, универсальная и постоянная деятельность лиц и организаций, вдохновляемых ценностями олимпизма; осуществляется под руководством МОК; охватывает пять континентов; объединяет спортсменов на великом спортивном празднике – Олимпийских играх; символ – пять переплетенных колец; цель олимпийского движения – содействие построению мирного и лучшего мира через воспитание молодежи средствами спорта в соответствии с идеями олимпизма и его ценностями, что подразумевает взаимопонимание в духе дружбы, солидарности и честной игры [Олимпийская хартия, 2010: 9, 10]. По мнению польского философа З. Кравчика, задуманное Кубертенем олимпийское движение является «универсальным, т. е. транскультурным, надгосударственным и наднациональным институтом, который стремится реализовать свою систему ценностей в современную модель человеческой активности, сделать мир более совершенным и более гуманным» [Krawczyk, 1988: 240–241].

Коррекция и дополнение идей Кубертена

Иногда при характеристике отдельных положений концепции современного олимпизма в сформулированные Кубертенем ценности олимпийского движения вносятся некоторые коррективы, чаще всего стилистического плана.

Так, в разделе сайта МОК «Олимпизм в действии» упоминаются три ценности – «совершенство», «уважение» и «дружба».

Эти ценности выделяются и в методических материалах по олимпийскому образованию, подготовленных Департаментом образования оргкомитета Сочи-2014. При этом подчеркивается, что олимпийское понимание *дружбы* «относится не только к привязанности между отдельными людьми, а шире – между целыми народами и культурами. Спорт – это инструмент, который помогает найти взаимопонимание между людьми и целыми народами. А дружба в команде помогает достичь лучшего результата, чем простая сумма всех усилий». Под *совершенством* понимается полная самоотдача как на спортивной арене, так и в жизни. Причем, «речь идет не столько о триумфальной победе, сколько об упорной борьбе за достижение поставленных целей, ежедневном преодолении себя – то есть о *стремлении* к совершенству». *Уважение* – «это уважение к себе, своему телу, уважение к другим, к окружающей среде. В спорте уважение – это соблюдение правил, средство борьбы против использования допинга и других злоупотреблений. Уважение к сопернику – исключает использование неспортивных средств достижения цели» [Методич. рекомендации... 2010].

Ниже приводится еще несколько примеров незначительной коррекции кубертеновских идей концепции современного олимпизма.

В.С. Родиченко, почетный вице-президент Олимпийского комитета России, выделяет «пятьдесят одну наиболее значимую олимпийскую ценность для трех нижеследующих элементов современного мирового сообщества: личность человека; общество; спорт как достижение мировой культуры» [Родиченко, 2010: 268–270].

А.Г. Егоров к числу основных *социокультурных смыслов* олимпизма относит *агонистику, игру, диалог и пацифизм*. Агонистика (от греч. «агон» – конкурс) – обязательный элемент культовых обрядов и ритуальных церемоний античности (а шире – вообще античной культуры) составляет основу олимпизма. Ряд проблем олимпийского движения (соотношение любительства и профессионализма в олимпийском спорте, честная игра) обусловлен необходимостью сохранения игры как атрибута олимпизма. Агональное и игровое содержание соединены в олимпизме в феномене диалога. Диалогизм, основанный на равенстве сторон, практически невозможен и нереализуем в отношении «друг – враг». Отсюда экехирия – священное перемирие на период античных Олимпийских игр. Пацифистский компонент сохранился и в современном олимпизме, хотя социальная значимость олимпийского пацифизма в настоящее время не имеет силы античной надгосударственной нормы.

Отмеченные четыре элемента культуры, считает А.Г. Егоров, не исчерпывают социокультурного феномена олимпизма. Новыми для олимпизма являются такие социокультурные смыслы, как *либерализм* и *гуманизм*. В основных принципах и идеалах нового олимпизма (недопущение дискриминации по расовым, религиозным или политическим мотивам, соревнование между отдельными спортсменами и командами, а не между государствами, авторитет арбитра, соблюдение правил игры, требование деидеологизации и деполитизации олимпийского движения и др.) угадываются ценности либерального мировоззрения. Гуманизм олимпизма определяется прежде всего его социокультурной ориентацией на преодоление групповой и корпоративной морали современного спорта, а также технократического стиля мышления, когда спортивный результат, а не человек является самоценностью [Егоров, 1989, 1994, 1996б, 1998, 1999, 2001а, б, 2005а, б].

Норберт Мюллер (Германия), президент Национальной олимпийской ассоциации Германии, вице-президент Международного комитета Пьера де Кубертена, выделяет пять основных концептуальных идей и идеалов олимпизма:

- ◆ идею гармоничного развития совершенной личности;
- ◆ идею совершенствования человека на основе стремления к превосходству в сфере спорта, равно как в сфере науки и искусства;
- ◆ добровольное согласие в рамках спортивной активности с такими этическими принципами, как фэйр плэй, равенство возможностей и уважение принятых обязательств;
- ◆ идеал мира и взаимопонимания, который даже в незначительных вопросах призывает к уважению и терпимости;
- ◆ эмансипацию в спорте и посредством спорта [Müller, 1998: 6].

Николаос Ниссиотис (Греция), президент МОА, член МОК, на первый план выдвигает «антропологический характер» олимпийской философии, который проявляется в том, что эта философия идеалом человека считает *kalos kagatos*. Этот идеал подразумевает гармонию тела и души, сочетание внешних достоинств с внутренними, духовными, нравственными качествами. В соответствии с этим основными ценностями олимпизма Н. Ниссиотис считает такие достоинства совершенного человека (*kalos kagathos*), как *красоту, величие и истину (beauty, greatness and truth)*: «олимпизм пытается реализовать идеи красоты, величия и истины через силу и способности человеческого тела» [Nissiotis, 1979: 172, 174]. По его мнению, «речь идет отнюдь не об оптимистическом, искусственном, романтическом, гуманистическом понимании человека, не о взгляде на него из башни из слоновой кости... Это наиболее реалистическая концепция в антропологии. Она рассматривает человека не таким, каков он есть теперь, а таким, каким он призван стать с точки зрения высших ценностей. Такими ценностями являются «красота, величие и истина», ориентируясь на которые он ведет непрерывную борьбу с самим собой и против сил зла, действующих в истории. *Kalos kagatos* – это процесс становления, это цель, которая должна быть достигнута, это максимально возможный и постепенно достигаемый результат... Наши усилия должны быть обращены в будущее. Мы никогда не должны удовлетворяться тем, каковы мы в настоящий момент». «Идея *kalos kagatos* – это решимость всегда заново начинать путь по дороге совершенства». Н. Ниссиотис считает, что антропологические принципы олимпизма, которые сконцентрированы вокруг идеи *kalos kagatos*, не могут быть поняты в отрыве от другого принципа древней мудрости – «*Познай самого себя*». Он обращает внимание и на то, что идея *kalos kagatos* относится не только к индивидуальным качествам человека. Эта идея ориентирована «на будущее общее желание всех людей». Никто не может претендовать на то, что он уже достиг уровня *kalos kagatos*, поскольку обладает внешней красотой и высокими моральными качествами. Дело в том, что, во-первых, красота – весьма относительное понятие, которое во многом зависит от индивидуального восприятия; во-вторых, красота как ценность беспредельна и потому всегда возможна ее более совершенная модель. С другой стороны, моральное совершенство лежит за пределами человеческих возможностей. Поэтому идеал *kalos kagatos* всегда ставит перед всеми людьми предельно возможные для реализации в их жизни задачи. «Он служит мотивом нашего стремления ко все более высоким целям, особенно в духовной и нравственной сферах» [Nissiotis, 1979: 176, 177]. Олимпийские игры должны быть не просто соревнованием и демонстрацией силы. Прежде всего, они «должны напоминать о той высшей ценности, которую представляет собой человек, и уж потом быть состязанием силы» [Nissiotis, 1979: 170].

Исходя из этого, Н. Ниссиотис трактует олимпийскую идею как попытку «постичь глубоко скрытую высшую реальность жизни и в то же время приглашение людей к переживанию этой реальности и размышлению над ней. Олимпийская идея обновляет человека, побуждая его к попытке достичь высшей цели его существования». Поэтому каждый

человек, пытающийся реализовать указанные высшие ценности, основные усилия должен направлять на преодоление собственной природы и на поиски основы существования. В первую очередь это касается олимпийцев. Олимпийский чемпион представляет человека, который стремится понять подлинное значение жизни, а не просто победить своего соперника. И «когда человек постигает, что смысл его существования состоит в постижении высшей формы бытия, тогда его физическая сила тоже начинает служить этой цели», и тогда сами соревнования, в которых человек стремится доказать свое превосходство, все более становятся средством общения и взаимного уважения людей [Nissiotis, 1979: 173, 174–175]. Н. Ниссиотис подчеркивает, что Олимпийские игры должны быть не просто соревнованием и демонстрацией силы. Прежде всего, они «должны напоминать о той высшей ценности, которую представляет собой человек, и уж потом быть состязанием силы» [Nissiotis, 1979: 170]. Отмечая диалектический характер олимпийской философии, Н. Ниссиотис двояко характеризует ее: с одной стороны, учитывая тесную связь с реальной жизнью, – как «реалистический идеализм», а с другой – как «идеалистический реализм», поскольку «она учит этике жизни во всех сферах человеческого существования» [Nissiotis, 1985a: 71–72].

Григориос Ойкономакос (Греция) выделяет 10 черт олимпийского идеала.

К ним он причисляет:

- ◆ связь с добродетелью;
- ◆ полную бескорыстность;
- ◆ идеализм;
- ◆ благородство, уважение к сопернику и другие атрибуты рыцарского поведения;
- ◆ несовместимость с безразличием, леностью и пассивностью;
- ◆ оптимизм (но не чрезмерный);
- ◆ героизм;
- ◆ прагматизм и реализм;
- ◆ несовместимость с фанатизмом;
- ◆ антивоенную направленность [Oikonomakos, 1980: 125].

А. Крисостомос, министр образования Кипра, считает, что олимпийский идеал «включает в себя не только тренированное тело и победы в спортивных соревнованиях», а в первую очередь систему ценностей, «усмиряющих животные инстинкты, сдерживающих страсти и облагораживающих человека»: «ценности равновесия, гармонии и выдержки, которые легли в Олимпии в основу систематического развития тела и разума и дают нам модель добродетельного и благородного гражданина, идеала древнего мира. Через спорт мы должны стремиться сформировать и развить гармоничную личность, обладающую сильным, здоровым телом и одновременно сильной и смелой душой». Олимпийскому идеалу, указывает А. Крисостомос, соответствует «тип деятельной, твердой в жизненной борьбе личности, анализирующей происходящие вокруг нее события, предпочитающей активную борьбу пассивному наблюдению событий». Именно такая и только такая личность может «достойно ответить на вызов современного потребительского общества, которое превращает людей в потребителей, лишая их тем самым права на творчество и сопутствующее ему духовное удовлетворение» [Chrysostomos, 1980: 202–203].

Американский философ Дж. Пэрри оценивает олимпизм как «универсальную социальную философию», поскольку эта философская концепция обращена к каждому человеку независимо от национальности, расы, пола, социального положения, религии или идеологии. Объектом ее внимания «является не только спортивная элита, но и каждый человек, не один краткий период времени, но и вся жизнь, не только борьба и победа, но и ценности участия и сотрудничества, спорт не только как вид деятельности, но и как формирующий и развивающий фактор, способствующий образованию положительных качеств у отдельной личности и в общественной жизни». По мнению Д. Пэрри, олимпизм как социальная фило-

софия освещает «роль спорта в мировом развитии, и выдвигает на первый план взаимопонимание между народами, мирное сосуществование, социальное и нравственное воспитание» [Pappu, 1995: 181, 182].

Г. Ленк (Германия) выделяет 11 ценностей олимпийского движения:

- ◆ торжества религиозно-культурного типа;
- ◆ художественная и духовная образность;
- ◆ элитарность и равенство шансов;
- ◆ стремление к успеху, состязательность;
- ◆ фэйр плэй и рыцарский дух;
- ◆ регулярное проведение Олимпийских игр и заключаемый на это время мир;
- ◆ интернациональный характер Игр, основанный на уважении национальных суверенитетов;

- ◆ единство всех видов спорта;
- ◆ любительский характер спорта;
- ◆ независимость олимпийского движения во главе с МОК;
- ◆ античный прообраз современного олимпийского спорта [Lenk, 1964a, b].

В более поздней работе Г. Ленк указывает, что полная характеристика «олимпийской идеи» должна включать в себя всю «многосложную систему ценностей, норм и базовых установок олимпийского движения», в том числе такие общие ценности, как «толерантность, равные права участников, равные возможности и квалификации, так же как и начальные шансы, уважение партнеров, соперников и конкурентов, идеи символического единения всего человечества, принцип достижения цели и соответствующая идея достижения олимпийской элиты». При этом на первый план он выдвигает идеал «олимпийца, обладающего чертами Фауста и Прометеея», «самоформирующегося, интеллектуально развитого спортсмена», который является образцом «совершенного человека» как «*достигающей личности*» [Lenk, 2007: 43].

Оммо Групе немецкий философ и социолог формулирует ряд ценностей олимпизма.

• *Гармония души и тела.* Олимпийское образование должно затрагивать всего человека, обеспечивая развитие тела, души и воли. Именно этими качествами обладает «олимпийская личность».

• *Стремление к самосовершенствованию.* Постоянное совершенствование атлета – улучшение не только физических способностей, но и работа над собой в целом.

• *Статус любителя.* Отказ от денежного вознаграждения должен придавать спорту благородство. Понятия «алчность» и «зависимость» не должны существовать для атлета. Данный принцип особенно актуален и в настоящее время, когда спортсмены становятся объектами торговли и нередко теряют свою личную свободу.

• *Принципы этики.* Соревнования должны основываться на социально-этических нормах. Сила и агрессия контролируются в добровольном ведении честной игры. Это касается не только атлетов, но и зрителей.

• *Мир.* Спортивное соревнование должно быть «мирной встречей» и носить сбалансированный характер [цит. по: Bold, Gutenberg, 1999].

Германн Андрес (Австрия) выделяет следующие основные ценности олимпийского движения:

- воспитание здоровой и сильной молодежи;
- спортивное мастерство;
- спорт ради удовольствия и наслаждения;
- интерес к изобразительному искусству, чтобы сделать жизнь более полной;
- лучшее взаимопонимание между народами всех национальностей.

Эти ценности определяют и педагогические цели олимпийского движения: «спорт как вклад в развитие личности; спорт как средство сотрудничества и взаимопонимания; спорт как радостная активность и как вклад в обогащение личности» [Andrecs, 1980: 115].

Польский философ Джозеф Липец в понимании ценностей современного олимпийского движения опирается на античный греческий идеал *kalos kagamos* как «идеал гармоничного сочетания духовной силы и физического совершенства», предполагающий, что интеллектуальные ценности находятся в гармонии с моральными, а эстетические – в гармонии с ценностями телесности. Конкретизируя это положение применительно к олимпийскому движению, он указывает на то, что это движение было задумано как идея, направленная против развития индивида только в духовном плане, без должного уважения к физическим основам своей жизни, т. е. к телу. Олимпийское движение всегда пыталось играть гармонизирующую роль, поддерживая духовные ценности через спортивные соревнования. «Мы точно не знаем, – пишет Д. Липец, – почему и когда дороги этих двух факторов разошлись. Нужно признать, что они развивались разными путями, редко пересекаясь». Современное олимпийское движение должно возродить в международном спорте идеал гармонично развитой личности спортсмена. «Дело не в проведении конференций под олимпийским флагом, декларирующих амбициозные резолюции по дружбе и братству, или в поддержке традиционных соревнований искусства. Это, конечно, должно делаться, но нужно помнить, что это лишь вспомогательная, хотя и нужная, деятельность. Главное – наполнить сам спорт этими идеалами, которые в этом случае не нуждались бы в декларировании, потому что они составляли бы самую сущность спорта» [Lipiec, 1994: 96].

Камаль Хамид Шаддад (Судан) считает, что олимпизм как философия жизни предполагает:

- а) понимание природы спорта;
- б) понимание ценностей и идеалов, того, что следует рассматривать как позитивное, желаемое или ценное в спорте;
- в) нормы и ценности, связанные с тем, что следует и чего не следует делать в рамках олимпийского движения».

По его мнению, «олимпизм как таковой это – гуманистический образ жизни», неразрывно связанный со спортом и с получением удовольствия от занятий спортом: «Олимпизм – это образ жизни, в котором удовольствие максимизировано посредством занятий спортом» [Shaddad, 1980: 216, 218; 1997: 48].

А.М. Местре подчеркивает сходство ценностей олимпизма и Европейского союза (ЕС). Это сходство проявляется в официальных документах. Например, слова и выражения «человеческое достоинство», «мир» и «антидискриминация», могут быть найдены и в Договоре о Европейском союзе, который отражает ценности ЕС, и в Олимпийской хартии. Среди общих целей олимпизма и ЕС – защита прав человека, а также содействие развитию «солидарности» и «устойчивого развития». Совет министров ЕС подчеркнул необходимость поощрять этические ценности спорта и олимпийских идеалов – «дружбу между народами и братство людей». Как заявлено в документах ЕС, олимпийские ценности должны быть включены в целевые установки молодежной политики ЕС, а олимпийские идеалы должны рассматриваться как неотъемлемая часть европейской спортивной традиции [Mestre, 2010: 24–25].

Л. Райтман обращает внимание на связь идеи олимпийской концепции Кубертена с понятиями моральной философии И. Канта [Reithmann, 2010]

Энди Миа и Беатрис Гарсиа рассматривают Олимпизм как философию, «неотъемлемой частью которой являются поиски и прославление человеческих устремлений, выходящих за рамки спорта» [Миа, Гарсиа, 2013: 56]. Это положение в несколько скорректированной форме находит отражение в Олимпийской хартии, которая гласит, что Олимпизм соединяет «спорт с культурой и образованием», стремясь к созданию «образа жизни, осно-

ывающегося на радости от усилия, воспитательной ценности хорошего примера, социальной ответственности и на уважении к всеобщим основным этическим принципам» [Олимпийская хартия, 2010: 9].

Нетрудно заметить, что все изложенные выше взгляды на олимпийскую философию и ценности олимпийского движения различаются лишь в деталях, то есть отличия носят *не содержательный*, а *терминологический* характер.

Вместе с тем, в современных социальных условиях к прежним гуманистическим ценностям олимпийского движения иногда *добавляются новые*.

Так, в последнее время в сфере спорта важное значение придается уважительному отношению не только к другим людям, но также к *окружающей среде, природе*. Тем самым идея **интеграции спорта, образования и культуры** в олимпийском движении модифицируется в идею интеграции **спорта, образования, культуры и экологии**.

Ряд новых ценностей олимпийского движения связан с тем, что в настоящее время важную роль играют *паралимпийское, сурдлимпийское и специальное олимпийское движение*, как инновационные формы функционирования адаптивного спорта. В паралимпийском движении принимают участие люди с поражениями опорно-двигательного аппарата и зрения, в сурдлимпийском – слуха, в специальном олимпийском – с поражением интеллекта.

О характере таких ценностей можно судить, например, по клятве спортсменов на Специальных олимпиадах, которая, в частности, содержит такое положение: *«Позволь мне победить, но если я победить не смогу, позволь мне проявить смелость в этой попытке»*.

Основные ценности адаптивного спорта в олимпизме:

- *смелость*;
- *равенство*;
- *решимость*;
- *вдохновение*.

«Смелость – это каждодневное преодоление трудностей, включение в борьбу за высшие результаты...

«Равенство – это прежде всего равенство возможностей людей с инвалидностью...

«Решимость – то, что требуется от атлета-паралимпийца в многократном размере для достижения результата...

«Вдохновение – это то, что подталкивает к собственным свершениям или как минимум вызывает чувство сопричастности общему действию» [Методические рекомендации... 2010].

Большинство исследователей вслед за Кубертеном указывает на различие Олимпийских игр и других спортивных соревнований, в том числе международных. «...Главное отличие между Олимпийскими играми и остальными спортивными мероприятиями состоит в том, что последние не так очевидно утверждают свои идеологические принципы, как это сделано в Олимпийской хартии, в которой говорится, например, о стремлении быть социальным движением и «философией жизни»» [Миа, Гарсиа, 2013: 22].

Следует обратить внимание на то, что в характеристике олимпизма как философии жизни, содержащейся в Олимпийской хартии, данная философия трактуется не как иррационалистическое философское течение конца XIX – начала XX вв., которое носило то же название «философия жизни» и в качестве исходного понятия выдвигало «жизнь» как некую интуитивно постигаемую целостную реальность, не тождественную ни духу, ни материи. В Олимпийской хартии под философией жизни понимается несколько иное: «Олимпизм представляет собой философию жизни, возвышающую и объединяющую в сбалансированное целое достоинство тела, воли и разума» [Олимпийская хартия, 2010: 9].

Таким образом, *несмотря на некоторую коррекцию идей и идеалов концепции современного олимпизма, преобладающей в настоящее время остается их кубертеновская трактовка*.

Сохраняется с некоторой коррекцией ориентация и на предложенные Кубертенем *формы и методы* реализации идей и идеалов олимпизма – спортивное воспитание, интеграция спорта с искусством, «религия спорта» и др.

Особенно важное значение придается педагогической деятельности, для обозначения которой обычно используют термин «*олимпийское образование*» или «*олимпийское воспитание*». Иногда применяют другие термины, например «воспитание в духе олимпизма», «воспитание в духе олимпийских идеалов и ценностей», «воспитание посредством олимпийского движения», «воспитание внутри олимпийского движения» и др. Цель этой педагогической деятельности – приобщение детей и молодежи к гуманистическим ценностям олимпизма.

О необходимости олимпийского образования детей и подростков, вовлекаемых в спорт, говорится во многих международных официальных документах. Еще в 1979 г. на генеральной ассамблее Всемирной ассоциации НОКов /АКНО/ НОК Мальты предложил, чтобы изучение олимпийской идеи было в мировом масштабе включено в программы школ всех ступеней, от начальных школ до университетов. В Международной хартии физического воспитания и спорта, принятой ЮНЕСКО, под которой поставили свои подписи представители почти всех государств – членов ООН, содержится призыв включать в государственные программы социального и культурного развития воспитание детей и молодежи в духе принципов олимпизма.

В резолюции 3-й сессии Межправительственного комитета по физическому воспитанию и спорту при ЮНЕСКО (1983) высказано пожелание ко всем государствам – участникам комитета «ввести или усилить преподавание олимпийских идеалов в школах и учебных заведениях в соответствии с их собственной системой образования». В Олимпийской хартии – главном официальном документе современного олимпийского движения – специально подчеркивается, что МОК и НОКи должны всемерно содействовать олимпийскому образованию молодежи, пропаганде основополагающих принципов олимпизма, распространению олимпизма в учебных программах по физическому воспитанию и спорту в школах и вузах.

В 1961 г. создана Международная олимпийская академия как организация при МОК, ответственная за реализацию образовательных задач олимпийского движения. Академия регулярно обсуждает вопросы олимпийского образования на своих ежегодных сессиях, посвящает им специальные заседания. Значительное внимание этим вопросам уделяется в работе Национальных олимпийских академий. Для активизации работы по олимпийскому образованию детей и молодежи в 1994 г. образован Руководящий комитет проекта всемирной компании «Национальные олимпийские комитеты в действии: олимпийские идеалы через образование».

В практике работы по олимпийскому образованию в настоящее время применяется комплекс форм и методов. Центральное место среди них занимает работа по разъяснению и пропаганде идей олимпизма, олимпийского движения во время учебного процесса в школах, вузах и других учебных заведениях, и в первую очередь в рамках тех учебных дисциплин, которые непосредственно связаны с областью физической культуры и спорта (на уроках физкультуры, занятиях по физическому воспитанию). Все более широкое распространение получают и занятия, специально организуемые для этих целей: «олимпийские уроки», «уроки олимпийских знаний», «уроки олимпизма», «олимпийские часы» и т. д., в ходе которых используются и межпредметные связи. Используются разнообразные формы олимпийского образования и во внеучебное время: конкурсы «знатоков олимпизма»; Олимпийский День; изготовление олимпийской символики, фильмов и слайдов; проведение конкурсов рисунков и фотографий; театральные постановки на спортивную и олимпийскую тематику; оформление стендов, фотовитрин и даже «олимпийских залов»; лекции, семинары, дискуссии, конференции, викторины по олимпийской тематике, обсуждение интерес-

ных книг или фильмов, посвященных спорту, Олимпийским играм; встречи с известными спортсменами, участниками Олимпийских игр и тренерами сборных команд и т. д. [подробнее см. Спорт, духовные ценности, культура, 1998д; Столяров, 1998е, 2007в, 2011а, 2013и; Столяров, Баринов, Орешкин, 2013; Столяров, Сухинин, Логунов, 2011].

В олимпийском образовании особое внимание уделяется разъяснению и пропаганде принципов Фэйр Плэй. Эти принципы часто обсуждаются и активно пропагандируются на сессиях Международной олимпийской академии. Им специально была посвящена, например, сессия МОА 1993 г. Аналогичные усилия предпринимают и Национальные олимпийские академии.

Большую работу по разъяснению и пропаганде принципов Фэйр Плэй ведет Международный комитет честной игры, основанный в 1964 г. Международной ассоциацией спортивной прессы и Международным советом физического воспитания и спорта (СИЕПС) при поддержке ЮНЕСКО. В этой работе комитет сотрудничает с Международной ассоциацией борьбы за спорт без насилия и Международным фондом борьбы с насилием в спорте. Эти три организации создали совместный консультативный орган под названием «Международное содружество борьбы с насилием в спорте и пропаганды честной игры».

В целях пропаганды и внедрения в практику спорта (особенно олимпийского) принципов Фэйр Плэй развернуто широкое движение европейских стран, а в 1994 г. создана общественная организация – *Европейское движение Фэйр Плэй* (European Fair Play Movement). В настоящее время оно включает в свой состав организации (преимущественно Национальные олимпийские комитеты) 40 европейских стран, в том числе России. В более широком смысле европейское движение Фэйр Плэй включает в себя все страны, направляющие свои усилия на пропаганду и внедрение в практику спорта принципов Фэйр Плэй [Королев И.В., 2005; Родиченко, 2007].

Основными направлениями движения Фэйр Плэй являются следующие:

пробуждение интереса спортсменов, тренеров, организаторов спорта, зрителей, а также общественности в целом к принципам Фэйр Плэй, используя издание брошюр, плакатов, а также средства массовой информации для разъяснения и пропаганды этих принципов. С 1997 г. движение выпускает (по три номера в год) информационный бюллетень «Играй честно». На международных спортивных соревнованиях тренерам, судьям, спортсменам раздаются материалы, вывешиваются лозунги Фэйр Плэй. Важное значение придает разработке и пропаганде деклараций Фэйр Плэй. Иллюстрацией могут служить декларации «Фэйр Плэй и спорт высших достижений» (1997), «Спорт, терпимость и честная игра» (1998) и «Поведение зрителей и идеалы Фэйр Плэй» (1998);

разработка нравственных кодексов поведения тренеров, журналистов и самих спортсменов, чтобы содействовать их поведению в духе Фэйр Плэй. Организация комиссий по этике при международных спортивных федерациях для проведения в жизнь таких кодексов;

создание стимулов для поведения в духе Фэйр Плэй на основе разработки и внедрения в практику системы наград для спортсменов, тренеров и других лиц, демонстрирующих такое поведение. Так, Международный комитет Фэйр Плэй ежегодно вручает соответствующие награды: Трофей Пьера де Кубертена за поступок в духе Fair Play, стоивший спортсмену победы; Трофей Жана Боротра за благородство на протяжении всей спортивной карьеры; Трофей Вилли Дауме за деятельность по распространению идеалов и принципов Fair Play. Награды Фэйр Плэй призваны содействовать повышению ориентации субъектов спортивной деятельности на духовно-нравственные ценности. Поэтому представляется упрощенной такая интерпретация их значения: «Сам факт присуждения этих наград маскирует и оправдывает чисто развлекательный и коммерческий характер современного спорта, переводя его

из категории мирских утех (потребительской сферы) в область высших духовных ценностей человека» [Кыласов, 2009: 58];

организация специальных курсов, а также издание методических пособий для повышения готовности специалистов к проведению работы по приобщению детей и молодежи к Фэйр Плэй;

стимулирование разработки научной теории и методики формирования Фэйр Плэй на основе организации конференций, семинаров, симпозиумов, конгрессов, публикации научных материалов по теме Фэйр Плэй;

вовлечение в движение всех европейских стран, содействие активизации в каждой из них работы по изучению, разъяснению, пропаганде и внедрению принципов Фэйр Плэй в практику спорта. Предполагается, что каждая из стран-участниц движения проводит собственные мероприятия. Вместе с тем акцент делается на кооперации и обмене странами опытом работы, разработке совместных программ;

долгосрочное планирование мероприятий в европейских странах по изучению, разъяснению и пропаганде принципов Фэйр Плэй. Планы такого рода разрабатываются в движении начиная с 1997 г. [Королев И.В., 2005; Родиченко, 2007].

Таким образом, еще раз следует отметить, что несмотря на некоторую коррекцию преобладающей в настоящее время является *кубертеновская* трактовка концепции современного олимпизма.

Непонимание и критика концепции Кубертена

Уже в начале своей деятельности Кубертен столкнулся с непониманием своих идей. Спустя много лет он напишет в «Олимпийских мемуарах», что, внося свое предложение о возрождении Олимпийских игр, он пытался предвидеть различные реакции – возражения, протеста, иронии или даже безразличия, но в действительности произошло нечто иное. «Естественно, я предусмотрел все, кроме того, что случилось потом. Думаете, были возражения? Протесты, ирония? Или даже безразличие?.. Наоборот. Аудитория аплодировала, высказывала одобрение, все желали мне большого успеха, но ни один человек меня не понял. Это было началом полного, можно сказать, абсолютного непонимания. И оно продолжалось еще довольно долго» [Кубертен, 2011: 12].

Данное предложение одобрили, пожелали больших успехов, но фактически *мало что поняли*. Замысел Кубертена восприняли как предложение провести еще одно *шоу* в виде Олимпийских игр, тогда как он предлагал возродить в международном масштабе не форму, а *благородный дух* Олимпийских игр Древней Греции, благоприятствующий воспитанию, совершенствованию человека и общества в целом. «Несмотря на всю их благосклонность, – писал Кубертен, – они не смогли все же уловить мою мысль, не смогли осознать уже давно забытое понятие: олимпийское движение, и постичь его душу, суть, принцип, античные формы, которые его окружали и которые были похоронены во тьме пятнадцати столетий» [Кубертен, 2011: 13].

То же самое Кубертен отмечает, подводя итоги Олимпийского конгресса в Лозанне (1913 г.): «По правде говоря, вот уже десять лет, как я пытался внедрить во Франции свои теории, излагал основу своей доктрины, которая вносила в теории ясность и показывала их огромную силу. Мне казалось удивительным то, что современный мир никак не может их понять. И на сей раз было то же самое: по данному вопросу не намечилось сколько-нибудь значимых сдвигов» [Кубертен, 2011: 37].

А что касается олимпийского движения, то, как пишет Кубертен, большинство политических деятелей того времени «видели в нем только эксцентричный и бесполезный неологизм» [Кубертен, 2011: 47].

Нередко встречаются (особенно в последнее время) и негативные оценки олимпийской концепции Кубертена:

- «концепция олимпизма создана на основе характерного для викторианской эпохи предвзятого представления о спорте Древней Греции и Средневековья» и как «пережиток викторианской эпохи» представляет собой «мешанину» «из отмершей идеологии, исторических неточностей и благоговейного преклонения перед рыцарем-любителем» [Морфорд, 1987: 21, 26];

- эта концепция является отражением устаревшей романтической и идеалистической философии [Parry, 1989: 81–84; Segrave, 1988: 149–150; Young D.C., 1988: 27];

- она «представляет собой целое море мифов, идеологий и предрассудков» [Caillat, Brohm, 1984];

- «Кубертен так и не свел свои идеи в более или менее строгую систему норм и ценностей. Он говорил об олимпизме не как о системе, но как о «состоянии души» (*une attitude spirituelle*), которое «способствует всестороннему и всеобщему спортивному образованию, пронизанному истинным мужеством и духом рыцарства, включающему в себя художественные и литературные проявления, будущему двигателю национального и средоточию гражданского бытия»» [Loland, 1995: 67];

- «олимпизм сознательно был им (Кубертенем – В.С.) постулирован как новая «религия» во все более секуляризирующемся мире»; кубертеневская идея «спортивной религии», *religio athletae*, представляет собой «сочетание мифо-архаичного мышления с биологическим витализмом» [Франке, 2006: 68, 71];

- «в работах и высказываниях Пьера де Кубертена невозможно найти однозначной, исчерпывающе сформулированной трактовки олимпизма, зато сплошь и рядом встречаются взаимоисключающие установки» [Кыласов, 2010а: 22].

Иногда даются и более негативные оценки идей Кубертена.

Например, В. Михайлин характеризует его как «автора того не слишком вразумительного, но зато отчетливо прекраснотушного комплекса идей, который получил название «олимпизм»» и который представлял собой «противоречивый конгломерат сырых и сугубо декларативных идей». Он оценивает олимпийский проект Кубертена как «один из многих зародившихся в XIX, в начале и середине XX в. модернистских проектов – наряду с социализмом, прогрессизмом, национализмом, коммунизмом, американизмом, фабианством, национал-социализмом, антропософией, фашизмом, богостроительством, дианетикой-сайентологией, агни-йогой и т. д.» [Михайлин, 2006: 24].

Непонимание и критика концепции Кубертена в первую очередь объясняются тем, что эту концепцию пытаются осмысливать и оценивать, *не будучи знакомы с его работами, либо опираясь лишь на отдельные, выдергиваемые из контекста фразы, а не на все публикации и выступления, не стремятся выяснить содержание, смысл и строгую, хотя не лежащую на поверхности, логику кубертеневской концепции* современного олимпизма.

Такой подход приводит и к многочисленным существенным *искажениям* концепции Кубертена. Некоторые из них уже отмечены выше: ошибочно упускают из виду центральный компонент данной концепции – педагогический замысел Кубертена; его идею возрождения античных Игр объясняют стремлением содействовать повышению интереса к спорту и развитию его в международном масштабе; приписывают Кубертену фразу: «Главное в Олимпийских играх не победа, а участие».

Иногда Кубертена ошибочно считают автором олимпийского девиза «Быстрее, выше, сильнее», хотя на самом деле этот девиз сформулировал близкий друг Кубертена доминиканец (монах) Генри Дидон, префект Парижского колледжа д'Аркейль. Кубертен писал в «Олимпийских мемуарах», что девизом олимпизма «Быстрее, выше, сильнее» стал «девиз Отца Дидона, который он имел привычку повторять своим ученикам» [Кубертен, 1997: 176].

Вот еще две иллюстрации искажений концепции Кубертена.

1. В публикациях А.В. Кыласова идея «религии спорта» оценивается как *главная* идея олимпийской концепции Кубертена, как «базовая составляющая (инвариантное начало, критерий и образец) олимпизма» [Кыласов, 2009: 55]. Как отмечено выше, Кубертен действительно придавал важное значение созданию «религии спорта». Но он рассматривал ее лишь как средство «*облагораживания*» спорта, повышения его *воспитательной, педагогической* роли.

Об этом свидетельствуют, в частности, то, что Кубертен писал по поводу олимпийского церемониала (зажжение олимпийского, факела, олимпийская клятва и т. д.) как элемента «религии спорта»: «И сегодня многие не понимают педагогического значения церемонии или же считают ее устаревшим символом Игр» [Кубертен, 2011: 136].

2. Эльк Франке [Франке, 2006] критикует Кубертена за его позитивное отношение к спорту и противопоставляет его взглядам позицию, развиваемую в работах Адорно [Adorno, 1997] и Веблена [Veblen, 1997], которые негативно оценивали спорт как сферу несвободы, отчуждения человека, проявление иррациональной стихии. Подводя итоги сравнению концепции Кубертена с идеями Адорно и Веблена, Эльк Франке пишет: «Тот, кто следит за сообщениями о скандалах, которыми изобилует современная спортивная жизнь и которые представляют собой, разумеется, лишь верхушку айсберга, признает, что будущее спорта провидел скорее Веблен, чем Кубертен. Бесконечные допинговые махинации, вспышки насилия во время футбольных матчей оборачивающиеся массовыми убийствами или увечьями, МОК, похожий не столько на совет жрецов мирового спорта, сколько на собрание циничных дельцов, полное забвение идеи мира и единения народов в годы холодной войны, когда спорт стал инструментом борьбы политических систем, – этих примеров вполне достаточно чтобы заключить: сегодня только идеалистически настроенные мечтатели могут, вторя Кубертену (выделено авторами), утверждать, будто современное олимпийское движение – не рынок, а храм» [Франке, 2006: 74].

Негативные явления, которые отмечает Э. Франке, действительно присущи современному олимпийскому движению, но Кубертен вовсе не оценивал данное движение с этими его негативными явлениями как «храм», а, напротив, стремился противодействовать этому. Весь замысел его олимпийской концепции, как отмечено выше, направлен на то, чтобы предотвратить негативные явления в спорте, особенно в олимпийском, придать ему совершенно иной характер, сформировать «облагороженный», «воспитательный» спорт, ориентированный на реализацию гуманистических ценностей.

Еще в 1906 г. Кубертен предупреждал о негативных явлениях использования Олимпийских игр. «Сначала необходимо было создать Олимпийские игры современности, а теперь требуется их "очистить". Они вызывают к жизни слишком многое чуждое спорту, слишком много посторонних амбиций; их используют для личной предвыборной и прочей выгоды» [см. Landry, 1980a: 146]. Как будет показано в последующих разделах книги, вовсе не вина Кубертена, его олимпийской концепции в том, что современное олимпийское движение демонстрирует не тот «облагороженный» спорт, о котором он мечтал, а совсем иной.

Можно согласиться с тем, что в работах Кубертена (их общий объем составляет более 12 тыс. печатных страниц в 30 книгах, 50 брошюрах и более чем 1200 статей по актуальным проблемам олимпизма [Durántez, 1994b: 25]) имеются некоторые спорные положения, неточности и даже противоречия (со временем его взгляды по некоторым положениям менялись), в них отсутствует однозначная и развернутая характеристика олимпизма.

Даже в произнесенной по немецкому радио в 1935 г. речи «Философские основы олимпийского движения» [Coubertin, 1935], которую можно считать его идеологическим завещанием, Кубертен лишь перечисляет ряд ценностей, составляющих основу олимпизма. В их числе: идея всеобщего священного перемирия, соревнование ради отбора наилучших,

биологическое совершенствование человеческого рода, рыцарский дух, одухотворенная красота, религия. Продолжение этого перечня можно найти и в других его работах и речах.

Но, тем не менее, на основе глубокого и всестороннего анализа можно, как показано выше, выявить строгую логику в формулировании и обосновании тех идей, положений, принципов, которые лежат в основе разработанной Кубертенем концепции современного олимпизма.

К числу основных элементов логики этой концепции и ее разработки относятся следующие.

А. Исходный пункт:

- педагогический замысел Кубертена – реформа существующей и создание новой системы воспитания;
- однозначная и последовательная ориентация в этой реформе на такие идеалы гуманизма, как гармоничное развитие личности, а также мир, дружба, взаимопонимание, взаимное уважение, взаимообогащающее общение людей;
- обоснование огромных возможностей, заложенных в спорте для воспитания личности и для совершенствования социальных отношений;
- сформулированное и обоснованное положение о возможности не только позитивного, но и негативного влияния спорта на личность и социальные отношения, а потому о необходимости его «облагораживания».

Б. Основная идея концепции: возрождение Олимпийских игр и развитие олимпийского движения (особого социального движения, ориентированного в первую очередь на решение спортивно-педагогических задач) с целью повышения воспитательной роли спорта, противодействия связанным с ним возможным негативным явлениям и тем самым использования его как эффективного средства новой системы воспитания, совершенствования человека и общества в целом.

В. Социально-педагогический механизм реализации этой идеи.

1. Ориентация членов МОК (в отличие от руководителей других спортивных обществ) в своей деятельности в первую очередь на решение не просто спортивных, а спортивно-педагогических задач, на использование спорта в целях гуманистического воспитания, совершенствования личности и социальных отношений.

2. Проведение олимпийских конгрессов для обсуждения спортивно-педагогических проблем, чтобы акцентировать внимание членов МОК и организаторов Олимпийских игр на эти проблемы;

3. Сформулированные и обоснованные Кубертенем олимпийские идеалы и культурные образцы (призваны не только повысить ориентацию субъектов олимпийского движения на решение воспитательных задач, но и конкретизировать сами эти задачи):

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.